

ИЗБОРСКИЙ КЛУБ

русские
стратегии

№ 1(13), 2014

*Две интеграции
и глобальный
кризис*

*«Мы должны
быть
правильной
властью»*

Парадоксы национализма

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Счастье быть русским в России
- 4** Группа экспертов во главе с Сергеем ЧЕРНЯХОВСКИМ.
Россия: схватка народов или гармония
(доклад Изборскому клубу)
**«НАЦИОНАЛИЗМ» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ** (стр. 5)
НАЦИЯ КАК БОЛЬШАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА (стр. 6)
**ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ РАЗРУШЕНИЯ
СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА** (стр. 9)
**МАСШТАБЫ КОНФЛИКТНОГО ПОЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ** (стр. 14)
**ОТ КОНЦЕПЦИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ –
К КОНЦЕПЦИИ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА** (стр. 16)
- 20** Сергей ГЛАЗЬБЕВ.
Две интеграции и глобальный кризис
- 26** **Возвращение к Союзу**
(круглый стол в Изборском клубе по проблемам
межнациональных отношений в России)
- 36** Рамазан АБДУЛАТИПОВ.
«Мы должны быть правильной властью...»
- 42** Иосиф СТАЛИН.
О национальном вопросе
- 48** Шамиль СУЛТАНОВ.
Этноразвитие и этнобезопасность
- 58** Сергей БЕЛКИН.
О русском и нерусском
- 70** Леонид САВИН.
Парадоксы национализма
- 76** Сергей КАРА-МУРЗА.
«Мы – вне западной системы координат...»
- 84** Александр ПРОХАНОВ.
Слава ХАМАС!
- 86** Александр ПРОХАНОВ.
Газа – туннель в будущее
- 94** **«Свобода негасима, как солнце»**
(встреча Александра Проханова и Шамиля Султанова
с лидером движения ХАМАС Халедом Мишаалем)
- 106** Библиотекарь
- 108** Хронология мероприятий клуба
- 110** Светлана СЫРНЕВА: **«Ибо чаша была и осталась полна...»**
Стихи (Вступительная статья Георгия СУДОВЦЕВА)

4

36

42

70

94

Общественно политический журнал **«Изборский клуб»** № 1(13), 2014 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Верстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

1-я – 4-я обложки: серия постеров «Страна Майдания»

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна.

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 05.02.2014

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 0157

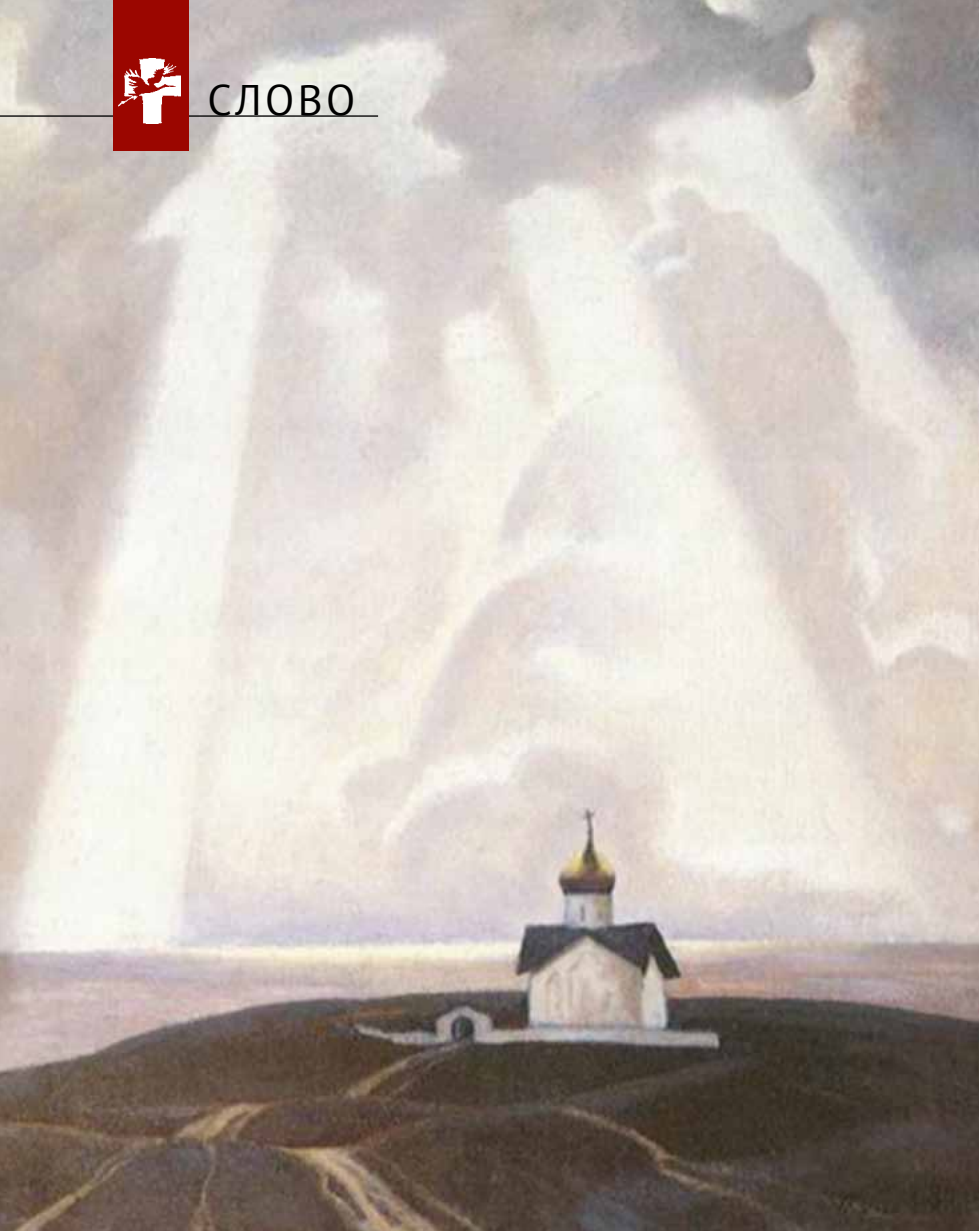

Иллюстрация: Пётр ОССОВСКИЙ «ДОРОГА К ХРАМУ»

/ Александр ПРОХАНОВ /

Счастье быть русским в России

Четыре могучие силы, четыре веры составляют основу духовной жизни русского человека. Православная вера, открывающая путь в бесконечную лазурь, из которой льются на землю божественные райские смыслы, фаворский свет справедливости и любви. Это чудесная, ненаглядная родная природа, в которой купается наша душа,

черпает вдохновение, благоговение перед жизнью. Русская культура, наш великий язык и музыка, которыми наградила нас Господь, соединив через музыку и слово с божественной тайной бытия. Когда начинают остывать алтари и меркнуть лампы, русская культура заменяет нам веру, сочетает нас с небесной лазурью. И ещё — государство. Это могучая

сущность, которая в России наряду с земной природой имеет природу небесную. Ибо в государстве русский народ обретает волю к коллективному творчеству, реализует свою мессианскую судьбу.

Я слушал Послание президента Федеральному собранию и видел, какое гигантское количество проблем президент решает. Как ему трудно, какие чудовищные нагрузки он несёт на себе. Для решения этих проблем у него есть воля, есть понимание и есть то, что он когда-то назвал судьбой: судьбой его, президента, совпадающей с судьбой России.

Когда он говорил о множестве неурядиц, неудач, нерешённых состояний, мне казалось, что он выстраивает и прочерчивает некую стартовую линию, к которой хочет подвести все слои нашего общества. Чтобы от этой стартовой линии начать разбег, совершить прыжок, развитие. Путин говорил потрясающие стратегические вещи о Дальнем Востоке и о Сибири. О том, что эти огромные русские регионы становятся центром нашего развития, нашей экспансии в мироздании. Что на этих землях будут строиться новые заводы, университеты, сюда приедут люди, будут преференции, льготы. Говорил, что наша многонациональная держава является драгоценной по своей сложности, по национальному составу, который представляет собой симфонию талантов, возможностей, потенциалов. И симфония эта является достоянием нашей многонациональной державы, её превосходством над мононациональными государствами.

Особое внимание президент уделил народности власти, тому её слою, который зиждется на посёлках, деревнях, маленьких городах, поселениях. Там живёт народ, которому требуется особая защита, особая опека. И Путин предлагал народу заняться самоорганизацией. Чтобы местное самоуправление взяло на себя рычаги развития на наших, во многом опустевших пространствах. Эти идеи знаменуют собой

новую степень народности нашей власти и нашего государства.

Когда президент говорил о внешней политике, он сказал удивительные вещи. Ведь мы часто слышим, что к России предъявляются особые претензии, на неё возлагаются особые упования. Россия должна в этом сложном, запутавшемся мире предложить новые модели, новые идеи, новую нравственность.

И президент Путин сказал, что такое российское мессианство уже имеет место быть. Россия — великий миротворец. В Сирии она предотвратила не просто сирийский конфликт, не просто удержала Америку от страшного удара, она предотвратила распространяющуюся в мире войну. Встала на пути страшных содомитских сил, которые вдруг хлынули на мир, хлынули на Европу, на Азию, уничтожают в человеке человека, разрушают традиционные религиозные, философские, художественные ценности. Разве это не есть начало нового русского мирового мессианства?

Путин высказал поразительные мысли, говоря о том, что мировые угрозы, военные угрозы достигли нового качества. Американцы со своим техническим прогрессом, ориентированным на гегемонию, на доминирование, создали и продолжают создавать новые типы сверхточного оружия, летящего на гиперскоростях, способного поражать без нанесения ядерного удара цели в самой глубоководной обороне противника, то есть России. И в сочетании с ядерным потенциалом, с системами ПРО это оружие открывает путь для новой мировой войны. И русское вооружение, русское оружие, которое сейчас выковывается на обновляемых оборонных заводах, является гарантией того, что мир по-прежнему будет освобождён от термоядерной угрозы.

Я смотрел на президента, и общее ощущение от его часовой речи было таково. У России есть государство, это государство усложняется, возвращается, укрепляется. У этого государ-

ства есть лидер. Этим государством располагает сильный, могучий народ, который вернулся в историю и совершает в этой истории своё шествие.

Несмотря на напасти и паводки, взрывы и надгробные рыдания, весь минувший год был годом укрепления России — после того, как она вырвалась из «чёрной дыры» и вновь, в который уж раз, на руинах прежних империй стала строить новое государство. Этот год был годом укрепления русского бытия во всех его проявлениях.

Я видел великолепный авиационный завод в Иркутске, где в бесподобных по красоте цехах стоят новые сверхсовременные самолёты, столь же грозные, сколь и прекрасные, — оружие возрождения. Я видел аэродром под Саратовом, откуда взлетают гигантские стратегические бомбардировщики «Белые лебеди» и несутся с рёвом на север, в сверкающие льды Заполярья. Я видел могучий завод в Выксе, на котором, «гремя огнём, сверкая блеском стали», создаются огромные трубы, уходят на восток, ложатся в линию газопровода, убегающего к Тихому океану.

В Белгороде, в вотчине губернатора Савченко, я видел поля, похожие на шёлковые огромные плащаницы, где вызревает пшеница, цветут и благоухают травы, и среди них, как хрустальные люстры, стоят теплицы и сверкают кристаллы животноводческих комплексов. Это аграрное чудо говорило, что не вечно пребывать в нищете обезлюдевшим деревням Пскова, Смоленска и Новгорода.

Я видел монастыри, возрождённые в своей древней могучей красоте, твердыни и крепости, у стен которых совершается невидимая брань добра и зла, тьмы и Русской победы. Нилова пустынь — янтарная, среди северных озёр. Иверский монастырь, благоговейный и строгий среди осенних лесов. Ферапонтов, с голубыми фресками Дионисия. Кирилло-Белозерский, как могучая твердыня.

В Петербурге, имперском и восхитительном, я любовался в Эрми-

таже бесценным богатством романовской имперской России.

В Мариинском театре смотрел несравненный балет «Жизель», волшебный полёт балерин. В Сталинграде видел возрождённый фонтан с танцующими пионерами. Тот самый, что в ночь налётов разбомбили фашистские лётчики. Но и после бомбёжки безголовые и безрукие пионеры продолжали танцевать, не размыкая свой священный круг.

В Якутии я плыл по великим водам Лены, по студёным рекам, в которых сверкают первозданные рыбы. В Дагестане, где продолжают стрелять и взрывать, слушал стихи несравненного Расула Гамзатова.

Конечно, я видел горе. Видел горящие свечи на месте теракта. Видел нищие деревни и гнилые городки, тусклые, потерявшие веру глаза обывателей; они борются за копейку, за буханку хлеба, нянчат своих неухоженных грязных детей.

Несмотря на невзгоды, на глубинные тревоги и страхи, Россия продолжает своё восхождение. Российское государство крепнет, и русский человек, одолевая уныние, восходит душою к свету.

Все мы, связанные с Россией своей судьбой, — русские. Не только москвичи и питерцы, рязанцы и новгородцы, поморы и казаки, сибиряки и волгари. Татары и евреи, украинцы и белорусы, чеченцы и якуты, тувинцы и аварцы, — мы русские для себя и для всего остального мира.

Я плыл на теплоходе по могучим русским рекам и северным озёрам. На этом теплоходе, как на ковчеге, собрались военные и инженеры, писатели и монахи, архитекторы и философы. Мы пели песни, читали стихи, изъяснялись друг другу в братстве и молились. А вокруг, на весенних берегах, пели соловьи. И каждый, кто плыл на этом ковчеге, ощущал свою связь с ненаглядной Родиной, с её божественной судьбой: когда внезапно среди тёмных туч раскрывается небо и вдруг брызнет ликующее солнце, и ты невольно воскликнешь: «Господи, какое счастье быть русским в России!»

/ Группа экспертов во главе с Сергеем ЧЕРНЯХОВСКИМ /

Россия: схватка народов или гармония

Доклад Изборскому клубу

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

Получившие широкую известность через масс-медиа события последних лет во многих российских городах: Кондопоге, Сагре, Пугачёве, Арзамасе и, главное, в Москве: от Манежной площади до Бирулёва, — являются всего лишь «верхушкой айсберга» конфликтного поля национальных отношений в Российской Федерации. Которое, в свою очередь, является частью конфликтного поля этноконфес-

сиональных и социальных отношений современного российского общества.

За последние годы эти конфликтные поля стремительно, синергетически расширились, что, в случае продолжения данной тенденции, ставит под вопрос дальнейшее существование России как суверенного государства.

Несмотря на уничтожение и исчезновение с политической карты

мира Советского Союза, Российская Федерация с населением в 140 млн человек (примерно 2% населения мира) продолжает осуществлять суверенитет над более чем 17 млн кв. км (примерно 11,4%) территории планеты и — после присоединения в 1997 году к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года — над 7,6 млн кв. км (примерно 5,8%) территориальных вод, где расположены, по разным оценкам, от 25%

до 30% мировых ресурсных запасов (включая пресную воду).

Не случайно представления о том, что «ресурсы России должны принадлежать всему человечеству и находиться под международным управлением», получают всё большее распространение в глобальном информационном пространстве, которое контролируется транснациональными корпорациями. И эти представления уже реализуются на практике — как через интернационализацию, порой принудительную, экономических субъектов, получающих лицензию на разработку российских сырьевых месторождений, так и через деятельность международных «природозащитных» организаций, типа Всемирного фонда дикой природы (World Wide Fund, WWF), который долгое время патронировался принцем Филиппом, супругом королевы Великобритании Елизаветы II. Благодаря усилиям WWF российская юрисдикция была де-факто ограничена в 14 «экорегionaх» нашей страны. Значительную роль играет также осуществляемый по различным каналам «вывоз капитала» из России, который представляет собой форму передачи государственных и частных доходов, полученных в основном от экспорта российского сырья, под иностранную юрисдикцию.

Однако все эти и многие другие формы «международного управления», под которым скрывается управление транснационального капитала, не решают окончательно задачи ослабления, вплоть до упразднения, национального государственного суверенитета над ресурсами России. Поэтому сценарии использования внутрироссийских конфликтных полей для нового «передела собственности» на территории нашей страны, включая конфликтное поле национальных отношений, в пользу иностранных акторов, — становятся всё более востребованными. Тем более — в условиях взятого действующим политическим руководством РФ после кризиса 2008–2009 гг. курса на реинтеграцию территории единого

Союзного государства в форме евразийской интеграции, восстановления социально-экономического и геостратегического потенциала российского общества.

Согласно данным последнего по времени масштабного социологического опроса, проведённого Левада-центром в октябре 2013 года, лозунг «Россия для русских» полностью поддерживают сегодня 23% против 15% в 2008-м и даже ещё в 2012 году. О том, что данный лозунг неплохо осуществить «в разумных пределах», говорят ещё 43% против 42% в 2008-м и 41% в 2012-м. Отвергают и говорят, что это настоящий фашизм, лишь 19%, хотя в 2008 году опрошенных, разделяющих этот тезис, было 25%, а в 2012 году — 23%.

Лозунг «Хватит кормить Кавказ!» поддерживает сегодня 71% опрошенных — ещё год назад таковых было 65%. Хотя в данном случае речь идёт, по сути, о новом этапе расчленения страны.

Нелегальных мигрантов считают нужным выдворять за пределы России сегодня 73%, а помогать им легализоваться и ассимилироваться в России — 15%, хотя в 2008 году соотношение этих показателей было 54% и 25%.

Хотели бы, чтобы власть ограничила число приезжих в Россию 78%, а предлагают «не ставить на пути притока приезжих административных барьеров и пытаться использовать его на благо России» — 14%. В 2008 году их было соответственно 52% и 35%.

Понятно, что Левада-центр, подчас тяготеющий «формирующей социологией» и обладающий вестернизированной ориентацией, — часто ставит некорректные и даже провокационные вопросы.

Для тех, кого в России условно называют либералами, эти данные — иллюстрация «нецивилизованности России», её «скатывания к фашизму», лишний довод в призывах к Западу не иметь с ней дела и по возможности ввести на её территории внешнее правление.

Для тех, кого в России условно называют «русскими националистами», эти данные — подтверждение их претензий «выражать волю народа», лишний довод в требованиях к власти либо вести политику в соответствии с их интересами, либо передать власть их представителям.

Для тех, кто представляет в России и за её пределами «альтернативные» российскому национальные проекты, эти данные — основание для восприятия России как «образа врага» и объединения своих усилий против неё.

Подобная ситуация делает конфликтное поле национальных отношений в РФ полем «встречного боя» сразу нескольких геостратегических проектов, главными из которых являются глобалистский «западный» проект и находящийся в стадии трансформации (трансмутации) российский проект.

Не вдаваясь в подробную характеристику данных проектов (это тема отдельного специального исследования), отметим, что, судя по всему, это «поле боя» в ближайшей перспективе может стать определяющим для дальнейших судеб России, поскольку, после провала «болотной оппозиции» 2011/2012 годов, теперь именно через него проходит «направление главного удара» Запада по нашей стране.

Отсюда совершенно необходимой является системно-динамическая оценка конфликтного поля национальных отношений в современной России. Предлагаемый ниже вариант такой оценки не претендует быть «руководством к действию» или, тем более, «истиной в последней инстанции», но способен, на наш взгляд, обозначить некоторые «окна возможностей» для дальнейших действий на этом поле.

«НАЦИОНАЛИЗМ» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОСТИ

«Национализм» сегодня продолжает оставаться актуальным политиче-

ским феноменом как на глобальном, так и на микрорегиональном уровне. В целом можно сказать, что начало XXI века отличается двумя наиболее ярко выраженными проявлениями энергий национального уровня. Это направление «национально-традиционалистского общественного движения», которое ведёт целенаправленную борьбу с мировым идеологическим наступлением «глобализации», осуществляемым под эгидой флагмана капиталистического мира США. Проявление этого вектора «борьбы» мы видим как в самих развитых капиталистических странах, так и в развивающихся постколониальных государствах.

Второе важнейшее направление «национализма» — специфическое продолжение деятельности именно «глобалистских сил», которые, используя чаще всего этнонационализм, создают и спонсируют националистические движения в своих целях: а именно — для слома крупных и устоявшихся государственных образований, что позволяет эффективнее осуществлять диктат глобалистских ТНК (транснациональных корпораций), которые, как планируется, должны в конечном итоге заменить национальные государства.

Довольно парадоксальным выглядит тот факт, что национализм прорывается в ряде регионов, где нет чёткого понятия нации. Казалось бы, в Западной Европе, где феномены «нации» и «национализма» сформировались, они сегодня должны уходить в прошлое. Но нет, именно сейчас правые и консервативные партии, базируясь на патриотизме и порой на прямом национализме, берут реванш на разного вида выборах кампаниях внутри Евросоюза, что отражает приверженность общества к постулатам и категориям национальной самобытности.

Между тем националистические партии в Восточной Европе, напротив, используются в основном как инструмент проамериканских глобалистских действий, направлен-

ных, прежде всего, против России и евразийской интеграции.

Для современной России после её расчленения в 1991 году «национальные отношения» и «местный национализм» становятся крупнейшей проблемой, которую пытаются использовать глобалистские центры, прежде всего — США, в деле дальнейшего расчленения нашей страны и уничтожения русской цивилизации.

НАЦИЯ КАК БОЛЬШАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СИСТЕМА

Как известно, в настоящее время существуют две основные концепции феномена «нация»: примордиальная и конструктивистская, «этнонация» и «гражданская нация». Согласно первой, нация есть переход этнической, кровной и/или языковой общности на особую ступень развития. Согласно второй, нации есть экономически детерминированный результат исторического развития, который может иметь характер направленного «нациестроительства»: индустриализации, распространения всеобщего стандартизированного образования, развития науки и техники (в частности, книгопечатания, средств массовых коммуникаций и информации), а также особого правового режима — национального гражданства. Собственно, уже после Великой французской революции, а тем более после Второй мировой войны концепт «гражданской нации» приобрёл безусловное доминирование: через создание Организации Объединённых Наций (ООН) и её расширение за счёт распада колониальных империй и образования новых «национальных государств».

Следует отметить, что одним из создателей концепции «национального конструктивизма» — сначала в теории, а затем и на практике создания Советского Союза — следует считать И.В. Сталина, давшего в своей работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913) следующее определение нации: «Нация есть исторически сложившаяся устой-

чивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». В советском обществоведении феномен нации трактовался как «историческая общность людей, включавшая в себя общность территориально-географическую, общность историко-культурно-языковую, общность государственно-политическую и общность экономическую». С этой точки зрения феномен нации представляет собой относительно позднее историческое образование, которому в общем-то не более пяти сот лет. То есть «нации» появляются тогда, когда через рыночные отношения устанавливается особый, национальный режим социально-экономической и культурно-идеологической общности.

В данной связи следует отметить, что обе эти концепции — «этнонации» и «гражданской нации» — построены на эмпирических принципах, «снизу», через перечисление и объединение неких характеристик феномена нации, ни одна из них не объясняет его «сверху», через более общие понятия. Именно по-

висимыми от твиттеров, фэйсбуков или ворлдкрафтов де-факто являются миллионы людей, проводящих значительную часть жизни в соответствующих виртуальных пространствах. Там возникают и свой жаргон, и свои экономические отношения. Но будет ли всё это — хотя бы в отдалённой перспективе — способствовать созданию «виртуальных наций» и их признанию в качестве таковых международным сообществом? Появятся ли некие обязательные или приоритетные «электронные надстройки» у существующих национальных государств — в виде «электронного правительства», «электронного паспорта», «электронного гражданства» и т.п.? Или же мы будем иметь дело с формированием неких «постнаций» — уже на основе не столько этносов, сколько «нетосов», сетевых сообществ?

Эти вопросы могут сегодня показаться неактуальными и абстрактными, но вероятный спектр ответов на них имеет самое прямое отношение к интересующей нас проблематике, связанной с системно-динамической оценкой национальных отношений.

То, что национальные отношения есть отношения системные, никаких сомнений не вызывает: нет и не было наций, состоящих из одного человека. Более того, нет и не было наций, состоящих из двух, десяти, ста или даже тысячи людей, — то есть национальные отношения есть отношения не только системные, но и относящиеся к классу больших систем. Насколько больших — сказать трудно. Судя по историческому опыту, можно предположить, что национальные отношения как система (но ещё не нация) возникают на уровне около миллиона человек. Конечно, при желании можно отнести к нациям общности монегасков (7 тысяч человек), лихтенштейнцев (34 тысячи человек) или люксембуржцев (473 тысячи человек), каждая из которых обладает не только собственным языком, но и собственным государством, однако степень

этому возникают дополнительные, комплементарные характеристики нации. Например, «Жизнь нации — это ежедневный плебисцит» (Х. Ортега-и-Гассет), в сжатой форме повторяющий рассуждения Э. Ренана: «Нация — это душа, духовный принцип. Только две составляющие присущи этой душе, этому духовному принципу. Один из них — в прошлом, другой — в настоящем. Один из них — это совместное обладание богатым наследием воспоминаний; другой — фактическое согласие, желание жить вместе, воля продолжать ценить общее наследие... Существование нации (простите за эту метафору!) — повседневный плебисцит». В близкой традициям Юма и Беркли трактовке Бенедикта Андерсона нация — «это воображенное политическое сообщество», то есть реально существуют рационально мыслящие индивиды, а нация — всего лишь продукт их сознания, их «воображения», в силу того, что они себя идентифицируют именно этим, а не каким-либо иным образом. Отсюда возникает представление о том, что «не нация создаёт национализм, а национализм — нацию», то есть

ведущая роль в создании наций отводится «субъективным» идеологическим процессам, взятым в отрыве от какой-либо объективной основы.

Насколько это соответствует действительности, можно судить, например, по результатам Всероссийской переписи населения 2010 года. Как сообщил 30 апреля 2010 года глава Росстата Александр Суринов, в России заявили о своей национальной самоидентификации 2 гнома, 6 гоблинов, 45 эльфов и около 100 джедаев, а официально «указавших иные ответы о национальной принадлежности», то есть не входящих в число официально признанных национальных деноминаций, насчитывалось 66 648 человек. При этом в Австралии, согласно переписи населения, джедаев (персонажи голливудского киноцикла «Звёздные войны») насчитывается несколько десятков тысяч, а по всему миру таковых, возможно, наберётся несколько сотен тысяч. Могут ли эти «эльфы» и «джедаи» считаться нациями?

Распространение социальных сетей, включая сетевые компьютерные игры, привело к тому, что за-

их вовлечённости в экономические, правовые и культурные отношения соседних наций настолько велика, что эти «малые нации», по сути, являются исторически и политически обособленными частями соответственно французской (монегаски) и немецкой (лихтенштейнцы, люксембуржцы) наций. То же самое касается и сан-маринцев, которые даже говорят на итальянском языке.

То есть нация — это, прежде всего, «большая система». И в этом отношении для неё справедливы все закономерности теории больших систем. В том числе нация как большая система представляет собой некую целостность, противопоставленную другим целостным большим системам. Принципиально такая системная целостность может быть

реализована на трёх взаимосвязанных уровнях.

Низший, общецелое, — когда элементы системы объектно связаны друг с другом более сильно, чем с внешним миром, с элементами других систем, собственно, и создавая систему как таковую.

Единоцелое — когда элементы системы субъектно связаны друг с другом более сильно, чем с внешним миром, с элементами других систем.

Самоцелое — когда элементы системы проектно связаны друг с другом более сильно, чем с внешним миром, с элементами других систем.

Что такое объектные связи — более-менее понятно: это коммуникации по поводу объектных, материальных ценностей.

Что такое субъектные связи — тоже более-менее понятно: это коммуникации по поводу субъектных, душевных ценностей.

А что такое проектные связи? Следуя данной логике, это должны быть связи по поводу проектных, духовных ценностей.

То есть нация — не просто «большая система», а большая коммуникативная система.

Какие уровни системной целостности и, соответственно, системных коммуникаций задействованы в национальных отношениях? Прежде всего, это субъектный уровень, уровень единоцелого. Термины «национальное единство», «национальные интересы», «национальный характер» используются очень широко и очень давно. Точно так же именно

нации в форме государств признаны через ООН субъектами современного международного права: как экономического, так и политического.

Всё это прямо указывает на то, что национальная общность — это некий коллективный субъект, обладающий не только качеством целостности, но и качеством единства с различием «свой — чужой».

Такова базовая, фундаментальная системно-динамическая характеристика национальных отношений. Которые, разумеется, могут распространяться и на более низкий уровень, общецелого, и на более высокий уровень, самоцелого, близкий к цивилизационному и конфессиональному уровням. Что можно проиллюстрировать следующей достаточно простой схемой:

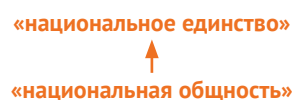

При этом любые национальные отношения требуют целостной самоидентификации: «да или нет». Поэтому нация — не этнос. Можно быть, например, генетически, этнически «наполовину поляком, наполовину русским», но нельзя быть «полуполяком, полурусским» по своей национальной идентичности. То есть национальные отношения требуют целостного соотношения себя с некими «образцами» той или иной национальной системы, их принятия и стремления к соответствию этим «образцам». Если такие образцы отсутствуют, национальная самоидентификация является принципиально невозможной. А что может быть таким образцом?

Образцом служит, прежде всего, система межсубъектных (поведенческих) ценностей, как правило, воплощённая через образы тех или иных субъектов. Нация, как большая коммуникативная система, обязана обеспечивать, согласно концепции отечественного культуролога Михаила

Петрова, два взаимосвязанных типа коммуникаций: трансляцию (передачу) и трансмутацию (изменение), в данном случае — национальной системы ценностей. Соответственно, для нации характерен специфический набор социальных институтов «индустриального» и «постиндустриального» общества, которые обеспечивают функционирование данной коммуникативной системы. Трансляция: система всеобщего образования, библиотек и музеев, призывной армии, общенациональных средств массовой информации (газет, журналов, радио, телевидения). Трансмутация: системы отбора научно-технического, политического и художественного творчества (академии наук, институты представительской демократии, системы «соцзаказа» в разных сферах искусства, от архитектуры и литературы до музыки и кино, и т.д.). На ранних этапах нацистроительства существенную роль играли конфессиональные каналы коммуникации (протестантизм в Европе, «никонианская» реформа православной церкви в России и т.д.)

Само название формально прелящей в современной России партии — «Единая Россия» — с данных позиций является не произвольной случайностью, а заявленной целью возвращения нынешней «национальной общности» как общецелого на уровень «национального единства» как единого целого. Как только и если эта политическая задача будет выполнена — неизбежной станет смена приоритетов с переходом на уровень самоцелого, «национальной самости», «большого проекта». То есть нынешние национальные отношения в России описываются еще более простой, по сравнению с «нормативной», схемой:

Как идёт этот процесс? В каких условиях? Каковы его результаты и перспективы?

ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ РАЗРУШЕНИЯ СОВЕТСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА

В 2004 году, выступая с президентским Посланием Федеральному собранию РФ, Владимир Путин назвал уничтожение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой XX века». И это действительно так. Однако крах СССР был не только крупнейшей геополитической катастрофой XX века, но и крупнейшей цивилизационной катастрофой человечества, а заодно — и крупнейшей национальной катастрофой.

Эту катастрофу можно охарактеризовать как катастрофу советского национального проекта.

Конечно, если исходить из «позднесоветской» официальной версии, согласно которой в СССР было 15 наций, оформленных в союзные республики и, соответственно, имеющих право на самоопределение вплоть до отделения, а также энное количество национальностей и народностей, оформленных в автономные республики, автономные области, национальные округа и т.д., такими правами не обладающих, то трансформация союзных республик СССР в «новые независимые государства» выглядит хотя и печально, но тем не менее относительно обоснованно.

Но если применять к данной ситуации не формально-правовой, а системно-динамический подход, то мы должны будем признать, что в СССР союзные республики не представляли собой «особые общности людей, объединённых территориально-географически, историко-культурно, государственно-политически и экономически». При всех социокультурных, этноконфессиональных и исторических различиях в СССР существовала единая общенациональная большая коммуникативная система, традиционная для «Большой России», для русско-российско-советской идентификации в формате советского национального

проекта. Именно в этом формате, а не в формате «отдельных» союзных республик, шла идентификация подавляющего большинства населения СССР, что было подтверждено и его «лебединой песней» в виде Всесоюзного референдума 17 марта 1991 года.

Напомним, что тогда на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» — из 185,6 миллиона граждан СССР с правом голоса участвовали в референдуме 148,5 миллиона (79,5%); из них 113,5 миллиона (76,43% голосовавших, или 60,7% граждан) ответили «Да». Случилось это на шестом году горбачёвской «перестройки», когда центральная власть уже сделала всё от неё зависящее, чтобы дискредитировать в глазах населения весь советский проект. Тем не менее большинство, и даже подавляющее большинство населения Советского Союза, как участием в референдуме, так и своим ответом «Да», подтвердило свою национальную самоидентификацию именно как советских людей.

Дальнейшее образование «новых независимых государств» на территории СССР, включая Российскую Федерацию, являлось незаконным, и эта незаконность, нелегитимность всегда была очевидна для любого, кто смотрел на вопрос не с точки зрения пропагандистских штампов тех лет, а с точки зрения юридической. Разница между Новоогарёвскими проектами и Беловежскими соглашениями заключалась только в том, что первые пытались оправдать уничтожение Советского Союза неким правовым механизмом, а вторые открыто ему противоречили. Хотя бы потому, что подписавшие Беловежские соглашения президенты Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Б.Н. Ельцин), Украинской Советской Социалистической

Республики (Л.М. Кравчук) и Белорусской Советской Социалистической Республики (С.С. Шушкевич), во-первых, не имели на то никаких законных полномочий, а во-вторых, полностью был проигнорирован тот факт, что среди государств — основателей СССР значилась и Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика, правопродолжателями которой являлись совместно Азербайджанская Советская Социалистическая Республика, Армянская Советская Социалистическая Республика и Грузинская Советская Социалистическая Республика, без подписи представителей которых участники Беловежских соглашений могли — даже при наличии соответствующих полномочий, которые, повторимся, отсутствовали, — заявить только о том, что их союзные республики выходят из состава СССР, но никак не о том, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает своё существование».

Признание Беловежских соглашений международным сообществом является признанием де-факто юридически ничтожного документа, которое породило множество не только внутривнутриполитических проблем во всех бывших союзных республиках СССР, ставших «новыми независимыми государствами», включая Россию, но и проблем международной политики. Главной из них стало признание единственной правопродолжательницей СССР Российской Федерации. Которая приняла на себя все права и обязательства Советского Союза на международной арене, включая место в Совете Безопасности ООН, зарубежные долги и активы СССР, статус ядерной державы и т.д. — вплоть до негласной ответственности за территориальную целостность бывших союзных республик, получивших ряд земель в составе Советского Союза (например, Украина — Крым, Северную Буковину, Закарпатскую область; Литва — Клайпеду (Мемель) и Виленский край) или вообще образованных

решением органов советской власти (как, например, Молдавская ССР или бывшие союзные республики Средней Азии).

Поэтому раздел Советского Союза по границам союзных республик был вовсе не осуществлением заявленного Конституцией СССР 1977 года принципа признания права наций на самоопределение вплоть до отделения, а его полным игнорированием, поскольку игнорировалось право советской нации на существование в рамках своего государства. Интересы этой реальной нации были ущемлены в пользу интересов этнических общностей, за которыми никто, собственно, такого права не признавал по причине, если можно так выразиться, отсутствия или прерывности их государственно-исторической традиции (краткий период существования балтийских республик-лимитрофов в 1918–1939 годах можно рассматривать и как исключение, и как подтверждение этого правила). Тем не менее «национальные отряды» прежней элиты, пытаясь обезопасить себя от распространяющихся из союзно-российского центра после поражения ГКЧП деструктивных воздействий, использовали лозунги «национального возрождения для сохранения своей власти в «новых независимых государствах», объявив бывшие союзные республики национальными и приступив к процессу «нациестроительства». Что привело к целой череде политических и военных конфликтов на «национальной» почве. Россия также не избежала этой участи — достаточно вспомнить хотя бы длящиеся конфликты на Северном Кавказе, включая две чеченские войны и принуждение к миру грузинских войск в Южной Осетии в августе 2008 года.

Беловежские соглашения проливают ясный и беспощадный свет на причины разрушения Советского Союза — конвертацию власти в собственность правящим слоем партийно-государственной номенклатуры.

Разрушение Советского Союза было, прежде всего, разрушением

большой коммуникативной системы советского национального проекта — через замещение и захват институтов и каналов коммуникации для трансляции альтернативной системы ценностей.

Причем если для населения бывших союзных республик был предложен некий суррогатный заменитель в виде идей «национальной независимости» и «нацестроительства», реализация которых сводилась опять-таки к разрушению советского проекта, основанного на традиционных ценностях русской цивилизации, то для населения Российской Федерации такое «нацестроительство» было табуировано, поскольку в общегосударственном масштабе могло осуществляться лишь на традиционных ценностях русской цивилизации. Повторим, что границы практически всех «новых независимых государств», то есть бывших союзных республик, не были обоснованы ничем, кроме

соответствующих решений органов советской власти, которая теперь объявлялась чуть ли не преступной. В соответствии с этими решениями наша страна отказалась от огромных территорий, чья принадлежность России никогда и ни у кого не вызвала сомнений. Это юг и восток современной Украины, часть Узбекистана, значительная часть Прибалтики, с историческими городами, входившими в состав российских земель ещё восемьсот лет назад, север Казахстана и так далее. После объединения Германии и уничтожения СССР русские стали самым крупным в мире разделённым народом, десятки миллионов представителей которого оказались за пределами Российской Федерации.

Но внутри РФ наличие и тем более укрепление этих границ Конституцией 1993 года, а также реальной практикой государственной власти (о чём речь пойдёт ниже) было оправдано в ещё меньшей степени.

Отсюда — конституционный запрет на общегосударственную идеологию, отсюда — требование Ельцина к «национальным» автономиям в составе Российской Федерации — «берите суверенитета столько, сколько сможете унести» (куда унести? Не важно — важно, что **ИЗ** России), отсюда — бессрочное и многообразное ущемление русского населения РФ в правах и свободах по сравнению с «национальными меньшинствами».

Русскому народу как государствообразующему народу России предлагалось изменить свою самоидентификацию не только в привязке к тем или иным территориям Советского Союза как «Большой России» — но изменить самоидентификацию, манифестируя себя не в качестве народа-просветителя и народа-созидателя, а народа-оккупанта, народа-колонизатора, народа-поработителя.

Отрицанию подвергалось само значение многовекового собрания

земель российским государством и защиты населяющих их народов. Разрушение союзного государства означало постановку огромного вопроса над всей героикой и позитивной оценкой этого процесса и всех этих событий.

Вопрос нависал даже над ролью СССР и советского народа в качестве народа — победителя фашизма, спасшего мир от порабощения.

Раздел СССР означал пересмотр всех оценочно-ценностных составляющих национального самосознания его народов. На место исторической и национальной гордости, даже в тех случаях, когда это открыто не артикулировалось, — по умолчанию ставилось требование открытого или молчаливого признания вины за собственное существование, своей отрицательной роли в мировой истории и к тому же — своей никчемности. Миллионы людей объявлялись либо преступниками, либо участниками исторических преступлений, народом, шедшим по принципиально неверному пути, народом, обречённым на лишение прав и свобод, присущих другим народам мира и «национальным меньшинствам» собственной страны.

Утрата Прибалтики означала демонтаж и разрушение практически всего Петровского вектора, имевшего следующие составные: возвращение России территорий, отнятых у неё в условиях немецко-шведской агрессии XII–XIII веков, соответственно — отказ от зоны исторического возникновения российской государственности.

Утрата Украины означала не только утрату понятных геостратегических границ «Большой России», с таким трудом восстановленных к концу XVII века, но и разрушение смысловой оси единства восточнославянских народов.

Утрата Закавказья не только открывала вопрос об удержании Кавказа и единства по потенциальной «волжской линии», ставшей русской только к концу XVI века, но и пережёвывала смысловую ось образо-

вания и развития страны как объединения исторически православных народов.

Потеря среднеазиатских республик разрушала евразийскую статусность России. Не говоря о том, что постсоветская Центральная Азия становилась зоной экспансии Китая, Ирана, Турции и всего «исламского мира», а также зоной международного наркотрафика.

Если русский народ становился из народа-защитника, спасителя, просветителя и строителя народом-оккупантом, порабощителем и изгоем — носителем исторической вины, то Россия из страны славянского, православного, евразийского единства, европейской и морской державы, восходящей в своей исторической преемственности к эпохе и цивилизации эллинизма через эллинистические оазисы Средней Азии, Причерноморья и Кавказа, — обращалась в нечто невнятное по своей идентификации.

Она обрушивалась в свои «новые старые границы» — возвращая себя в состояние чуть ли не Московского княжества — источника «ясыря» для «набеговой экономики» и данника Золотой Орды, правопреемниками которой могли считать себя все исламские этносы Евразии.

Демонтаж СССР, таким образом, оказался не только социальной контрреволюцией, но и катастрофой всей российской историко-культурной и государственно-политической идентификации. Как писал в 1992 году советник Б.Н. Ельцина Анатолий Ракитов, целью «рыночных реформ» в Российской Федерации является трансформация всего «цивилизационного ядра русского народа», его модернизация через катастрофу, поскольку иного эффективного механизма модернизации для России не существует.

В результате многолетней реализации этой политики сегодня мы имеем:

— вслед за расчленением единой политической советской нации — разрушение самоидентификации

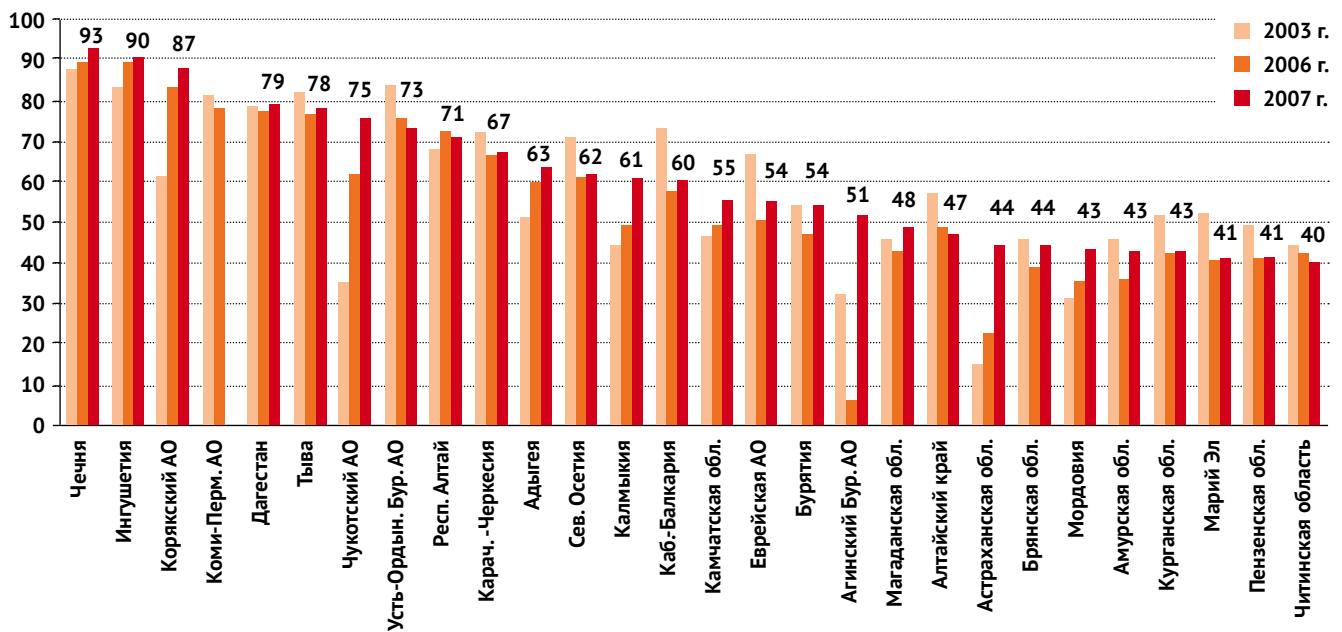

Рис. 1. Регионы-реципиенты с долей федеральных перечислений, превышающей 40% доходов консолидированного бюджета субъекта РФ в 2007 г.

претендента на роль ее преемника «российской протонации»;

— на фоне общего кризиса и запуска механизма исторического регресса — обращение самоидентификационных процессов до уровня наиболее примитивных, «варваризованных» общностей-этносов.

Хорошо известно, что львиная доля трансфертов федерального бюджета регионам России приходится на долю «национально-государственных субъектов РФ», то есть бывших автономных республик, областей и округов. Вот, например, график, который иллюстрирует соответствующие данные за 2007 год (рис. 1).

Как можно видеть, в дюжине «лидеров» по дотациям из федерального бюджета не было ни одной из 70 «обычных» областей или краёв РФ, а в «топ-20» их оказалось всего две, причём это области Крайнего Севера, лишённые богатых природных ресурсов: Камчатская (15-е место) и Магаданская (18-е место). В то же время там находятся 18 из 23 «национально-государственных» субъектов РФ.

Поясним, что это — не инвестиции для развития социально-экономического потенциала соответ-

ствующих территорий, а «кормовые» деньги, которые передаются из федерального бюджета региональным на выполнение социальных обязательств и социальных программ. Стоит ли удивляться тому, что между уровнем федеральных дотаций и уровнем рождаемости в этих регионах наблюдается почти прямая корреляция? Или тому, что настроения «национального» иждивенчества и «национального» превосходства над этническими русскими, которые обеспечивают выплату «дани» «новым национальным сообществам», всё шире распространяются среди «титულных наций» данных субъектов РФ?

Добавим к этому гигантские явные и скрытые дотации из России бывшим союзным республикам, начиная с 1992 года и вплоть до нынешнего дня, общий объём которых оценивается в астрономическую сумму около триллиона долларов США. Добавим к этому «демпинговый» вывоз сырья и капиталов на Запад, прямые и косвенные потери от которого исчисляются примерно в пять триллионов долларов. Сопоставим эти цифры с текущей капитализацией российской экономики

(не фондового рынка, с новыми частными и частно-государственными олигархическими корпорациями, а всей экономики!) на уровне примерно 600 млрд долларов при ВВП (по паритету покупательной способности) в 3 трлн долларов. Не забудем про совершенно дикую для современного мира неравномерность распределения национального дохода (по официальным данным, индекс Джини в РФ достигает 45%, по неофициальным — зашкаливает за 65%, тогда как в 1991 году для СССР он составлял менее 26%) — в свете этих данных причины и следствия разрушения советского социального, национального и цивилизационного проекта, а также возникновения конфликтного поля национальных отношений в современной Российской Федерации станут совершенно прозрачными.

Весьма показательным, что именно Путин, назвавший крах советского проекта «крупнейшей геополитической катастрофой XX века», дал и первое внятное определение самоидентификации Российской Федерации, охарактеризовав её как «сохранённую территорию СССР». Но сохранённые террито-

рии на то и являются сохранёнными, что решают задачу не только дальнейшего удержания «остатков былой роскоши» — но также задачу возврата утраченного и отнятого.

МАСШТАБЫ КОНФЛИКТНОГО ПОЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Расчленение СССР привело к возникновению 168 этнотерриториальных притязаний общей площадью 18 млн кв. км — 4/5 территории СССР. При исключении повторного учёта это даёт 15,8 млн кв. км — 70,7% территории Союза.

Три притязания наиболее глобальны (больше 1 млн кв. км каждое): требования создания Республики Русь (около 8 млн кв. км), Енисейской республики, а также проблема Северного Казахстана. Их исключение как малореальных даёт 165 конфликтов с площадью 6,8 млн кв. км.

Можно выделить четыре основных района таких притязаний:

- Запад, с территорией 1547,9 тыс. кв. км и населением 84,4 млн чел.,
- Кавказ и Закавказье — 440,4 тыс. кв. км, 28,2 млн чел.,
- Средняя Азия и Казахстан — 3994,4 тыс. кв. км, 49,4 млн чел.,
- Поволжье — 864,2 тыс. кв. км, 28,7 млн чел.

Лишь две из 24 пар граничащих республик не имеют конфликтов: Россия/Белоруссия и Литва/Латвия. Налицо несколько безграничных анклавных притязаний — Каракалпакия (от Узбекистана, Россия), Крым (от Украины, Россия), Приднестровье (от Молдовы, Россия) Калининградская область (от России, Германия).

Притязания различаются по степени заявленности. На республиканском уровне — 15,2% случаев. На высшем уровне местной власти — 25% случаев (при межреспубликанских конфликтах — 13,6%). Партиями и общественными движениями заявлены 43% (при межреспубликанских конфликтах — 40%), средствами массовой информации — 18% (30,3%).

Следует отметить, что высокая степень заявленности на Западе и низкая на Востоке дают обратное соотношение степени остроты конфликта.

Конфликты абсолютно симметричны на 12 границах из 22, на 4 — неполная симметрия, на 6 — имеют место притязания одной стороны.

Базой конфликтов являются: компактное проживание этносов в настоящее время — в 36% случаев, в прошлом — 12%, консолидация этносов — 7%, разъединение — 1%, изменение границ — 34%, из них с апелляцией к границам до 1945 г. — 26%, до 1939 г. — 4%, до 1924 г. — 11%, до 1917 г. — 5,5%. В оставшихся случаях проблема этносов и границ действует совместно. Выдвинуты

внешние притязания практически по всему кольцу границ СССР.

Тенденцией является эскалация ответных требований и развитие их по принципу «матрёшки»: с учётом того, что сельским районам соответствует сравнительно однородное этническое заселение, а крупным городам — полиэтнично-интернациональное.

Объективной причиной конфликтов являются:

- этническая пестрота;
- множество эмбрионов национальной государственности;
- низкая структурированность и слабый регионализм;
- абсолютность административных границ.

Субъективными причинами конфликтов можно признать:

- разыгрывание национальной карты после 1985 г.;
- борьба местных элит за сохранение своей власти;
- исчезновение Центра как арбитра межнациональных противоречий, споров и конфликтов;
- игра на национальных чувствах для консолидации общества в целях решения узкосоциальных задач меньшинства.

С известной степенью остроты стоит и «русский вопрос», который связан с формальным отсутствием у русского этноса национально-государственного образования и ущемлением прав русскоязычного населения

в республиках СССР. Однако следует отметить, что, по данным опросов, хотя около 83% формально считают себя русскими (в РФ), лишь 17% готовы себя идентифицировать как «чисто русские» в этническом смысле.

Подавляющее большинство этих конфликтов связаны с разрушением советского, социального, национального и цивилизационного проектов, в результате которых был изменён социально-экономический строй, а вместе с ним изменилось социально-экономическое обеспечение разных социально-этнических групп и регионов, были разрушены соответствующие хозяйственные структуры, обеспеченность трудом и соразмерным уровнем доходов,

что привело к потере коммуникативного единства. Быстрее и острее всего эти процессы сказались на «национальных окраинах» СССР, что привело к погромам турок-месхетинцев в Узбекистане, армяно-азербайджанскому конфликту вокруг Нагорного Карабаха, резне в Приднестровье, абхазско-грузинскому конфликту и так далее.

Особое место в конфликтном поле национальных отношений современной России занимают проблемы мигрантов из бывших республик СССР и дальнего зарубежья. Как отмечалось выше, к разрушению Советского Союза привели, прежде всего, процессы деградации союзной элиты, отражением которых стали «национально-демократические» движения в союзных республиках. Всё это делалось именно под проект «русского национального буржуазного государства». Предполагалось, что в новых геостратегических рамках остальные постсоветские республики превратятся в неокolonии, перед которыми Российская Федерация не имеет никаких социальных обязательств, но которые будут поставлять в Россию дешёвую рабочую силу. На деле это обернулось не образованием сателлитов нового типа, «жадной толпой» стоящих у подножия «российского трона», а массовым переходом последних под покровительство других мировых «центров силы». Хотя бы потому, что продаться последним казалось выгоднее, нежели слабой и дезорганизованной Российской Федерации. Последний пример подобной политики мы могли наблюдать во время недавнего украинского «евромайдана», на нейтрализацию которого пришлось бросить 15 млрд долларов.

Но частично этот сценарий реализовался — по разным данным, в настоящее время на территории РФ находится до 15 млн инокультурных и иноязычных гастарбайтеров, что превышает 10% собственного населения России, также не являющегося национальным единством. Согласно переписи 2010 года, чис-

ленность русского этноса в РФ сократилась до 110 млн человек, составив уже менее 78% населения страны.

Между тем миграционные потоки из управляемых превратились в стихийные. Стал заметно меняться этнический состав тех мест, где наблюдался относительный избыток рабочих мест. В результате люди, живущие в одном городе и районе и так или иначе постоянно общающиеся между собой, в своей практике уже не объединялись общим участием в однотипном трудовом процессе, а разъединялись разным типом трудовой деятельности и разными доходами, как вытекающими из разного отношения к собственности, так и из того, что мигрирующие представители иного этноса, как правило, с одной стороны, были заняты менее престижными и менее оплачиваемыми видами труда, с другой — в результате ещё и составляли конкуренцию местным группам, ранее занимавшим подобные рабочие места, но не согласным работать за те деньги, на которые соглашались мигранты.

А при отсутствии единого интегрирующего идейно-смыслового и культурного поля получалось, что этих людей разъединяет тип занятости, работа, уровень материального благосостояния, разные культуры и разные бытовые привычки. Плюс к этому эмпирическим путём выявлено, что если в некоей зоне проживания имеющейся общности (в том числе — этнической или профессиональной) доля инокультурного элемента доходит до 10% — уже ощущается элемент дискомфорта, если она превышает 20% — появляется напряжённость и конфликтность. В некоторых регионах России, включая Москву, данный показатель сегодня уже явно зашкаливает за 30%, превращая эти регионы в зону потенциальных конфликтов.

Решает ли этот спектр вопросов национальная политика российского государства? Или хотя бы формулирует их как вопросы государственной важности?

ОТ КОНЦЕПЦИИ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОСТИ — К КОНЦЕПЦИИ МИРОСТРОИТЕЛЬСТВА

Оставшаяся после раздела «большой империи» Российская Федерация, конечно, стала не национальным государством, а «малой империей», которую Путин вполне точно определил как «сохранённое ядро территории Советского Союза».

Собственно, для многих представителей смешанных этносов сегодня в России их самоидентификация как русских принималась именно в смысле действительных наследников той новой нации, которая образовывалась в СССР, то есть в том же смысле, в каком за границей во времена Союза «русским» называли и грузина, и туркмена, — в том смысле, в котором в нынешнем Израиле еврей из любой республики СССР по-прежнему считают «русским».

Строго говоря, русский народ всегда был имперским гиперэтносом, народом, который скреплял империю, был носителем некоей идеи «единства народов в открытой истине». Лишить его этого имперского начала — значит лишить строящей его самосознание претензии на поиск и обладание «высшей истиной».

Вообще, что значит «переделать империю в национальное государство»? Это добиться интеграции всех народов империи в единой «союзной, имперской» нации как носителя смыслового объединяющего начала, «сверхрусскости», «наднациональной идеи», которой сегодня лишена Россия, то есть — собственный миропроjekt, который она могла бы предъявить миру, как предъявляют его остальные ведущие страны.

Трудно придумать более издевательский парадокс, нежели призыв к созданию «национального государства исторических имперцев». В лучшем случае — это нечто вроде существующего ныне государства Мальтийского Ордена, не имеющего собственной территории, в худшем — Византийской империи в канун

османского завоевания, когда она практически ограничивалась окрестностями Константинополя.

И те, кто хочет избавить Россию от «имперского бремени», от проектной составляющей национального бытия, лишь передадут это право другим. И на деле получают не «национальное русское государство», а, к примеру, «Великую туранскую империю». В которой уже русским придётся просить для себя равноправия, и либо они в лучшем случае станут младшим братом в новой империи, либо им вообще не найдётся в ней места, как не нашлось его для русского населения в «Независимой Ичкерии».

Поэтому вопрос не в том, плох ныне принятый правительством проект Концепции национальной политики Российской Федерации или хорош. То, что в нём написано, — по существу в основном верно.

Проблема в том, что он большей частью охватывает как бы «горизонтальный срез» проблемы: регулирование отношения между представителями разных народов России. Это и нужно, и необходимо, от этой необходимости деться никуда нельзя. Потому что такие проблемы есть — это совершенно очевидно. Но реальной политики, направленной на решение этих проблем, — нет, что также совершенно очевидно.

Поскольку межнациональные отношения, как мы отметили выше, — не только сумма межэтнических, межкультурных и межконфессиональных отношений. Кстати — межконфессиональные в последнюю очередь: как правило, вообще конфессиональная идентификация противостоит национальной самоидентификации. Она может быть и шире: в рамках концепта «ни эллина, ни иудея», а может быть и уже — есть масса этносов и даже наций, разорванных принадлежностью к разным конфессиям.

В классическом, не системно-динамическом, понимании национальной проблемы она сводится

к нескольким более частным вопросам.

Это, во-первых, вопрос о национально-государственном самоопределении тех или иных национальных образований.

Во-вторых, это вопрос признания правового равенства представителей разных этнических групп.

В-третьих, это вопрос обеспечения равных социально-экономических прав в том государстве, в котором они живут.

В-четвёртых, это вопрос обеспечения для каждого народа возможностей его культурного развития.

И, в-пятых, обеспечение бесконфликтного общения в местах совместного проживания.

Строго говоря, все эти вопросы в СССР были решены: все более или менее многочисленные «нации и народности» имели свои национально-государственные образования, все имели равные политические и социально-экономические права («еврейский вопрос» с пресловутым «пятым пунктом» касался в основном права на свободную эмиграцию и свободную смену гражданства). Проводилась официальная политика как сохранения национальных культур, так и их взаимопроникновения и обогащения. В основном существовало относительно бесконфликтное бытовое общение. При этом власть и стремилась форсированно развивать экономически отсталые регионы, обеспечивать в них рабочие места, и регулировала миграционные потоки.

Причём отношения на межнациональных стройках, в местах полиэтнического проживания были предметом постоянной политической деятельности и контроля политических структур советского гражданского общества.

В условиях создания иного социально-экономического строя, где исчезло понятие совместной деятельности в общих целях, с одной стороны, как бы исчезло то начало, которое покрывало все различия, с другой — на первый план вышли

чисто материальные отношения. Не только у представителей разных классов, но и у представителей разных этносов и регионов оказались разные экономические условия существования: и разный уровень зарплат и доходов, и разный уровень обеспеченности работой.

Если же национальная политика, как это следует из «Концепции...», рассматривается через призму собственно культурно-просветительского блока, то в лучшем случае будут решаться лишь некоторые из последних по значимости составляющих общей проблемы. Например, можно создавать систему удовлетворения культурных потребностей проживающих совместно этнических групп, пропагандировать (не исключено, что успешно) нормы терпимости, обеспечивать устранение прямых дискриминационных моментов в отношении мигрантов. Без решения интеграционно-смысловых задач и проблем экономического толка: обеспечения занятости в регионах, поставляющих миграционные потоки, и равных возможностей занятости в принимающих районах, — работа культурного типа будет лишь до поры до времени смягчать и затушёвывать накапливающиеся различия и раздражение.

Хотя бы потому, что, удовлетворяя культурные потребности разных групп без покрытия их общим смысловым интегрирующим полем, она будет воспроизводить различия культурных традиций. Ликвидируя элементы повседневной дискриминации — развивать раздражение у коренных групп, развивая терпимость — приучать терпеть, то есть копить собственное раздражение.

То есть в рамках собственно культурной работы, предусмотренной в «Концепции...», решить проблему сокращения конфликтного поля национальных отношений в современной России невозможно. Чтобы решать вопросы не только регулирования существующих, но и создания новых межнациональных отношений, конструирования межнацио-

нального мира и межнационального единства, такая политика должна:

- формировать и формулировать идейно-политическую концепцию, осуществляемую властью в целом, иметь возможность уточнения формулировок общих задач, стоящих перед страной, — поскольку без них нельзя обеспечить общего интеграционно-смыслового пространства, способного перекрыть разность культур и бытовых привычек различных групп;
- осуществлять постановку задач промышленно-экономического развития тех или иных регионов перед ведомствами экономического блока, причём при наличии рычагов для воздействия на практическое осуществление этих задач;
- обладать возможностью контролировать и регулировать миграционные потоки, вплоть до выделения зон разрешённой миграции и обеспечения условий проживания в них (в частности — строительства жилья и культурных объектов для мигрантов);
- контролировать распределение рабочих мест в том или ином регионе, обеспечивать в нем этническую структуру занятости;
- определять и корректировать обеспечение культурной интеграции на местах, включая строительство школ для мигрантов, выделение мест для их обучения в общих школах, контроль этнической структуры классов, не допускающей конфликтность и обеспечивающей интеграцию инокультурных учащихся в общее культурно-бытовое поле, обучение их языку, доминирующему в данной местности.

Таким образом, для проведения последовательной и эффективной политики регулирования межнациональных отношений нужна куда более многопрофильная и многополномочная деятельность, чем деятельность только воспитательно-просветительского характера. И решение всех этих

вопросов, обеспечение вопросов межнационального и межнационально-интеграционного согласия и развития — много больше, чем вопрос воспитания и юридического равноправия. Это вопрос экономической, социальной и смысловой политической стратегии.

И, возможно, самое важное, что должна решить политика в этой сфере, — это дать ответ на вопрос, почему все эти разные нации должны жить вместе. Причём не получится свести к ответу: «Потому что мы всегда жили вместе», на это можно возразить, что если так было до сих

пор — еще не значит, что так должно быть всегда.

Ответ должен быть дан на уровне не в формате «потому что», а в формате «для того, чтобы». Концепция национальной политики должна, опираясь на прошлое, апеллировать к будущему.

Сохранять память — да, но прежде всего, ставить и формулировать новые цели.

Разность и многообразие преодолеваются не навязыванием единообразия — они преодолеваются решением общих проблем и задач. Общими действиями и общими це-

лями в рамках общего проекта, открытого для других общностей, — так, как был открыт в нашей истории советский проект.

Восстановление общей национальной самоидентификации возможно, но оно требует признания реальности общих проблем и общих целей.

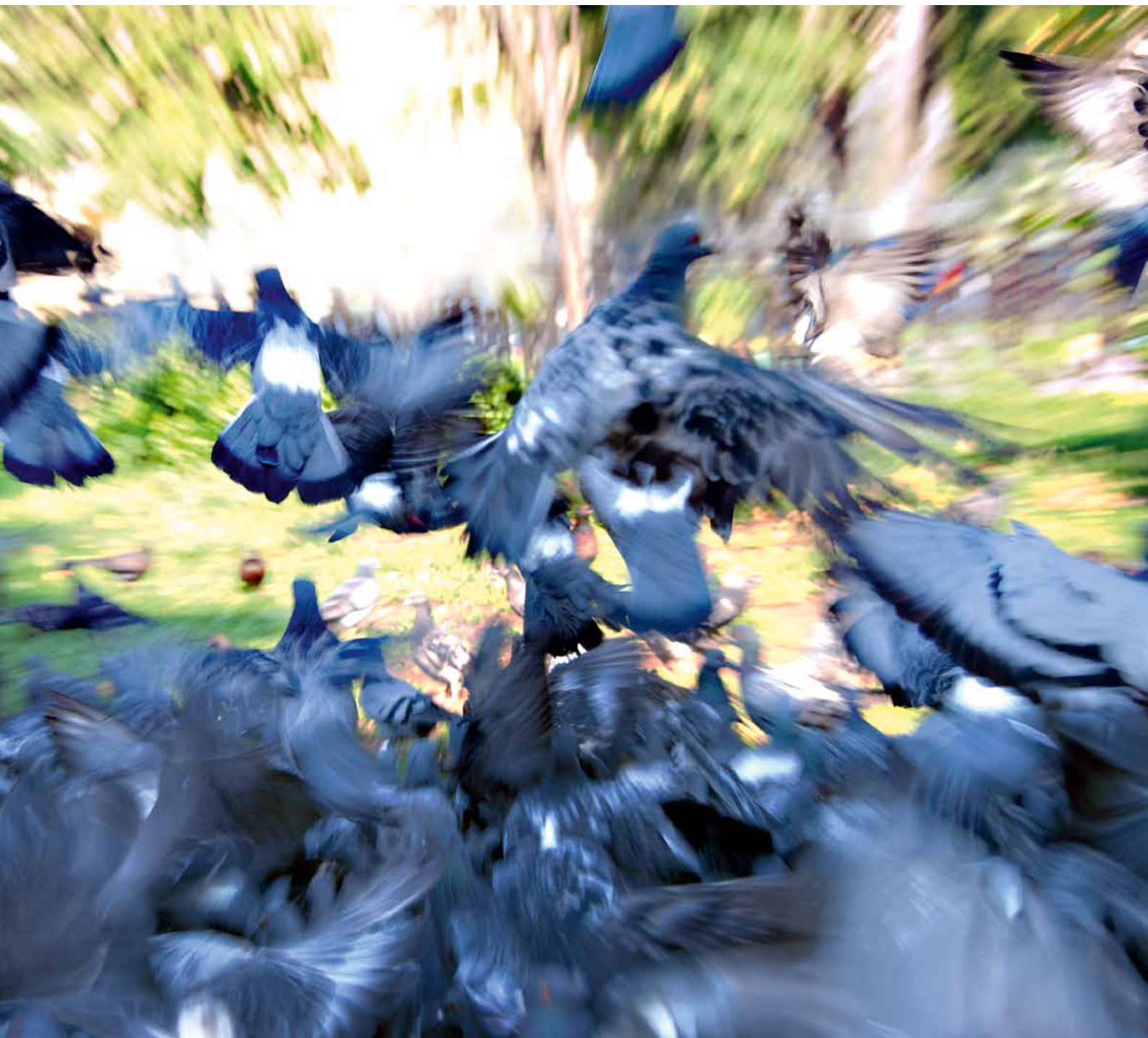
Перед Россией сегодня стоят следующие задачи:

- вернуть утраченное в результате катастрофы последнего тридцатилетия;
- стать лучшими в мире: создать лучшее производство, лучшее ис-

кусство, лучшие социальные отношения, лучшую науку, лучшее образование, лучшую медицину. Утвердить в качестве ментальной задачи — быть лучшими во всех сферах жизни;

- дать идеологический и силовой отпор тем силам и группам в мире, которые по-прежнему стремятся к расчленению государства и несут вину за постигшую Россию и мир катастрофу.

А в результате этих усилий — принять вызов глобализма и победить, предложив всему человечеству новое, справедливое устройство мира.

/ Сергей ГЛАЗЬЕВ /

Две интеграции и глобальный кризис

— **Сергей Юрьевич, сейчас на слуху две большие темы: глобальный кризис и «евроинтеграция» Украины. И к каждой из них вы имеете самое прямое отношение. К первой — как учёный-экономист с мировым именем, академик РАН, один из авторов теории глобальных технологических укладов (ГТУ). Ко второй — как советник президента России по вопросам экономической интеграции, один из создателей концепции Таможенного союза и Евразийского экономического сообщества. Для вас эти темы существуют отдельно или они как-то связаны между собой?**

— Мир един, и поэтому в нём всё взаимосвязано. В теории сложных систем хорошо известен «эффект бабочки», когда в неустойчивом состоянии малейшее воздействие может вывести систему из равновесия и вызвать её необратимые структурные изменения. Именно в таком неустойчивом состоянии находится сейчас мировая экономика, проходящая фазу глубоких структурных изменений, обусловленную сменой доминирующих технологических укладов. Этот переход сопровождается кризисными явлениями в экономике, социальными потрясениями, военно-политическими конфликтами. По мере становления нового технологического уклада экономика выходит на новую длинную волну роста, и её устойчивый подъём продолжается до исчерпания возможностей расширения этого технологического уклада, после чего наступает следующий структурный кризис.

Неравномерность глобального экономического развития проявляется в геополитической конкуренции. В период смены технологических укладов у отстающих стран возникает возможность для рывка. Передовые страны несут на себе основную тяжесть кризиса, сталкиваясь с перенаселением и обесцениванием капитала, связанного в устаревших производствах. В это время отстающие страны могут сыграть на опережение, инвестируя средства в освоение прорывных технологий нового технологического уклада. В случае успеха они раньше других «салятся» на новую длинную волну роста, которая выносит их в мировые лидеры.

Однако для того, чтобы получить и использовать такой шанс, догоняющая страна должна иметь определённый уровень развития, обладать достаточно мощным научно-техническим и большим человеческим потенциалом, ёмким внутренним рынком. Создание Таможенного союза и единого экономического пространства позволяет участвующим в нём государствам набрать

критическую массу этих ресурсов, необходимую для модернизации и структурной перестройки экономики на основе нового технологического уклада. Отсюда следует необходимость евразийской интеграции, объединения потенциалов государств, близких к России исторически и культурно, на протяжении десятков или даже сотен лет составлявших с ней единое государство.

Интеграционные процессы важны ещё и потому, что позволяют повысить устойчивость объединённых экономик к кризисным явлениям. Поэтому интеграция сегодня, можно сказать, веление времени. Она носит всеобщий, повсеместный и многоуровневый характер.

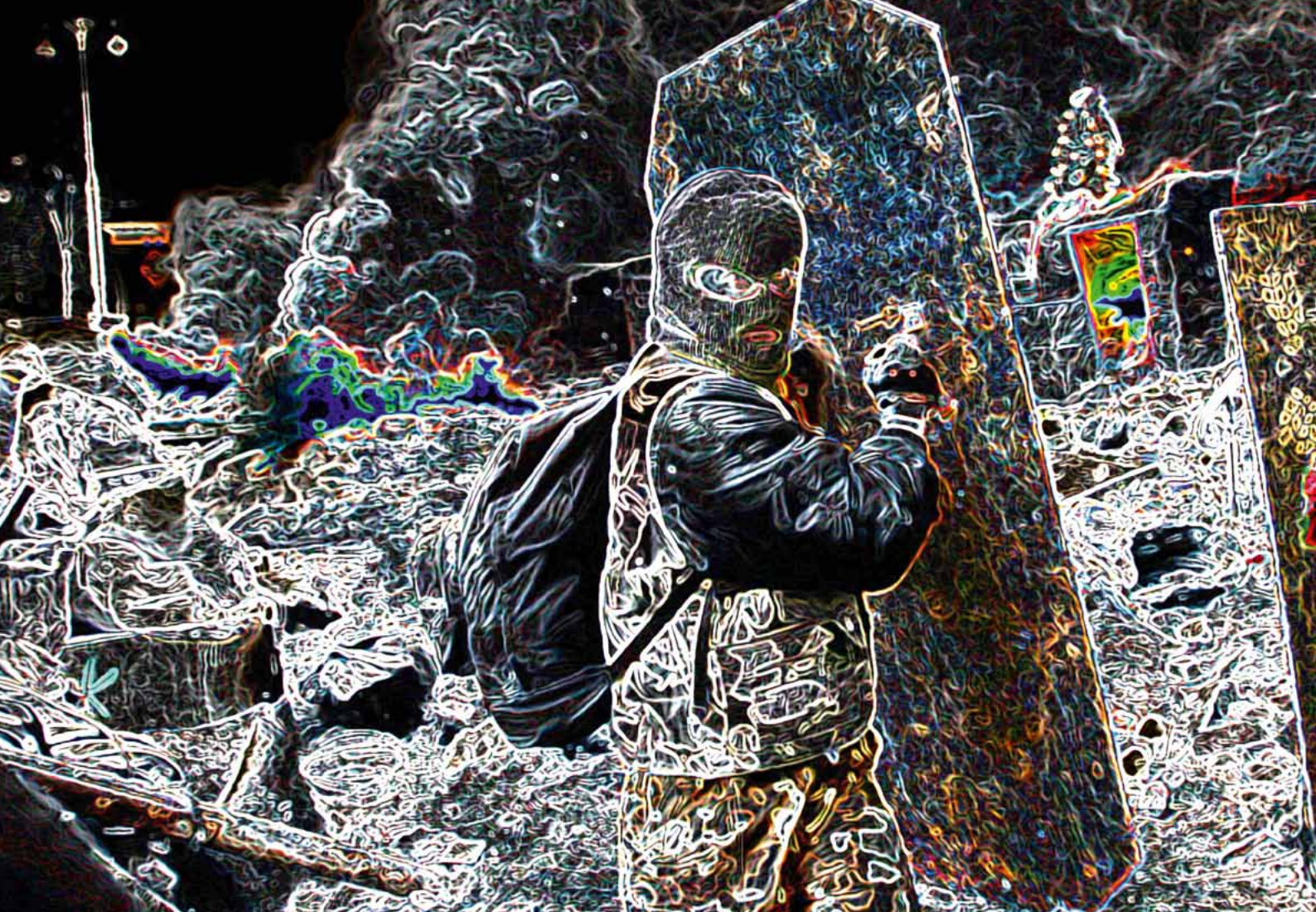
Всем известна история Европейского союза. США создали интеграционную зону свободной торговли NAFTA в Северной Америке с участием Канады и Мексики. Ведущие латиноамериканские страны объединяются в свой экономический союз — МЕРКАСУР.

Россия активно участвует в таких международных интеграционных проектах, как Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС. Но главным приоритетом для нас является сегодня евразийский уровень. Опыт Союзного государства России и Беларуси, Содружества независимых государств, других межгосударственных структур постсоветского периода позволил нам найти оптимальный формат интеграции на данном уровне: Таможенный союз в рамках Евразийского экономического сообщества и Единое экономическое пространство России, Казахстана и Беларуси с перспективой создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Понятно, что участие в этих интеграционных структурах Украины значительно повышает их эффективность и укрепляет инновационные перспективы евразийской интеграции. И, наоборот, «вектор евроинтеграции», о котором заявляет сегодня официальный Киев, подтверждая намерение создания ассоциации с ЕС, — представляет собой угрозу как для России, так и для самой Украины.

— **Почему? Получается, что интеграция интеграции всё-таки рознь? Интеграция с Россией — это для Украины хорошо, а интеграция с Европой — плохо?**

— У нас действует соглашение о зоне свободной торговли в рамках СНГ, множество других межгосударственных договоров, которые могут быть прекращены при ассоциированном членстве Украины в Евросоюзе. Украинские товаропроизводители потеряют значительную часть своего внутреннего рынка, ВВП снизится

на 1,5–2%, ухудшится и без того сильно отрицательный торговый баланс, что создаст угрозу дефолта. Все эти потери хорошо известны и с достаточной точностью подсчитаны. И когда мы говорим об этом украинской стороне: вы потеряете здесь столько-то, здесь столько-то, а здесь — ещё столько-то, — оппоненты ничего по существу возразить не могут.

Создание зоны свободной торговли между Украиной и ЕС с переводом украинской промышленности на стандарты Евросоюза, что предусмотрено этим соглашением, обернётся крахом остающихся ещё на плаву украинских машиностроительных предприятий, связанных с российскими партнёрами тысячами кооперационных взаимоотношений, а также предприятий, агропромышленного комплекса, которым нужен российский рынок. Отношения свободной торговли с Таможенным союзом будут свёрнуты, кооперационные связи ослабнут или оборвутся, Украина получит ещё несколько сотен тысяч безработных. Кому от этого будет лучше?

В Евросоюзе Украина как ассоциированный член не получит никаких прав — только обязанности. По большому счёту, это будет даже не интеграция, а колонизация с уничтожением целых отраслей экономики. Я сам, как вы знаете, уроженец Запорожья, и мне далеко не безразлич-

ны те процессы, которые происходят на Украине, а также те перспективы, которые перед ней открываются в связи с тем или иным выбором.

— **Сейчас нередко можно слышать мнение, что в Украине повторяется ситуация XVII века: «шляхта», то есть элита, — за «европейский выбор», а простой народ — за объединение с Россией.**

— Я бы добавил, что этот исторический опыт евроинтеграции Украины схож и по политической форме. В Речи Посполитой православные украинцы не имели никаких прав — только обязанности пахать на панов. Так же и в навязываемой сегодня ассоциации — Украина обязуется слепо выполнять как нынешние, так и будущие директивы ЕС, не имея никакой возможности влиять на их содержание и принятие. Не лучше было положение украинцев и в других историях евроинтеграции. Австро-Венгерская империя проводила геноцид русинов и сто лет назад устроила первый в мире концлагерь для украинцев — Талергоф. Полстолетия назад Украина пережила ещё один трагический пример евроинтеграции в форме оккупации фашистской Германией. И хотя сегодня другие методы, суть остаётся той же — евроинтеграторы хотят любой ценой

подчинить себе Украину и оторвать её от России. О потерях: человеческих, экономических, культурных — они не думают, так как действуют против интересов Украины.

Недавно я был в Белгородской области, где всё, связанное с Украиной, — не какая-то отвлечённая абстракция, а живые люди, родственники и друзья по обе стороны границы. Так вот, ректор Белгородского университета напомнил, что после Переяславской рады гетманы Украины десятки раз переходили от России и обратно, и это сопровождалось такими страшными разрушениями, что в истории этот период получил название «Руины». Не хотелось бы, чтобы нынешние украинские политики повторяли трагические ошибки своих предшественников.

— **Достигнутые между президентами Владимиром Путиным и Виктором Януковичем договорённости, согласно которым Украина получила от России 15 млрд долл. и значительное снижение цен на газ, хотя и сняли остроту противостояния на Майдане и вокруг него, но всего комплекса проблем, связанного с геополитическим выбором Украины, видимо, не решили и решить не могут. С чем было связано данное стратегическое решение Кремля и какими могут быть его последствия для двух наших стран?**

— Это хорошо продуманное и взвешенное решение, которое было принято исходя из всего комплекса российско-украинских отношений. Основания для него исчерпывающе изложил Владимир Владимирович Путин на своей «большой» пресс-конференции 22 декабря. Мы оказали помощь нашим братьям, Украине больше не грозит ни дефолт, ни массовая потеря рабочих мест. Что бы ни говорила «майданная» оппозиция, миллионы простых украинцев ещё раз убедились в том, что Россия им не враг и не «хозяин», а друг и брат, с которым можно продолжать совместный исторический путь. Кроме того, несостоявшееся «похищение Европой» украинского рынка значительно затруднило реализацию планов «евроатлантической интеграции», зоны свободной торговли между США и ЕС, значительную часть убытков от которой Европе обещали покрыть за счёт Украины.

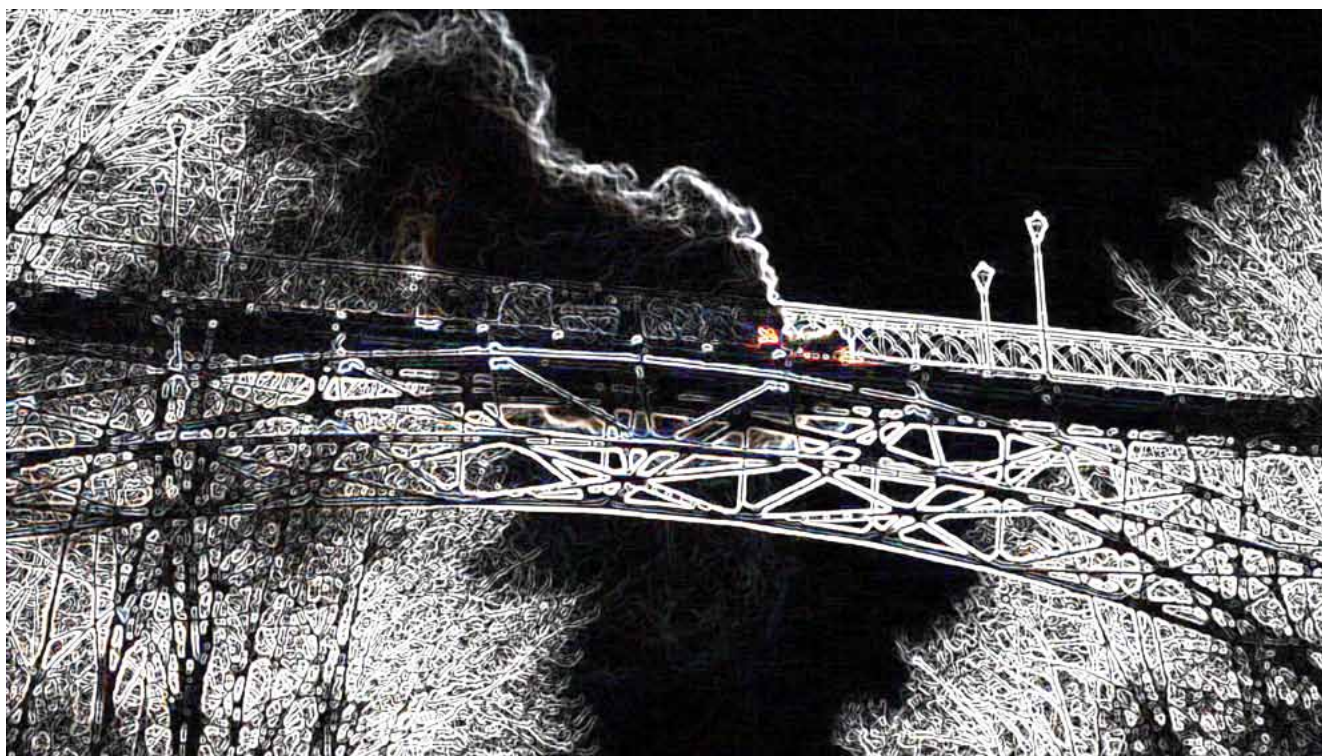
— **Возвращаясь к упомянутому вами в начале нашей беседы «эффекту бабочки», современная Украина — это такой даже не крохотный, а достаточно большой мотылёк, от взмаха крыльев которого в ту или иную сторону очень многое в мире может измениться?**

— На этом уровне каких-то случайностей уже не возникает. Понятно, что в запланированном статусе «евроколонии» никаких шансов на выживание для Украины не было. Повторилось бы — в ускоренном режиме и в увеличенном масштабе — всё то, что мы уже видели в Греции, Болгарии, Словакии, в других странах «европейской периферии»: массовая безработица, гигантские долги, разрушение и деградация общества, причём без всяких программ финансовой и прочей помощи по линии Евросоюза. А обвинить в этом попытались бы Россию — за «торговую дискриминацию», «завышенные цены на газ» и так далее.

— **Какую роль в украинской проблеме и вообще в евразийских интеграционных процессах, на ваш взгляд, играет национальный фактор?**

— Ту же самую, которую он играл везде и всегда. Вернее, даже одну из двух возможных для него ролей. Первая роль — объединяющая различные этнические и субэтнические группы в рамках единого большого проекта. В советское время такой проект был, для его осуществления, как вы помните, формировалась «новая историческая общность — советский народ», этот народ одержал победу в Великой Отечественной войне, первым вышел в космос, но уже в конце 50-х годов его начали потихоньку сворачивать и разносить по отдельным «национальным квартирам». Начали разыгрывать вторую роль национального фактора — сепаратистскую. Знаете, есть хорошее определение: «Любовь — это когда двое смотрят не друг на друга, а в одну сторону». Так вот, в одну

сторону смотреть перестали, начали смотреть друг на друга, а недостатки есть у всех. Начали припоминать прошлые взаимные обиды — и пошло-поехало. Порой — до крови, как на Кавказе, или в Средней Азии, или в Приднестровье. Страны НАТО, организовывая отрыв Украины от России, разыгрывают национал-сепаратистов, спонсируя огромное количество русофобских проектов. Евразийский проект, наоборот, объединительный. При этом он строится на основе уважения национального суверенитета, этнического своеобразия и культурных особенностей интегрирующихся государств.

— **Сергей Юрьевич, а у современной России, на ваш взгляд, есть такой большой проект, который мог бы объединить разные этносы, разные народы, разные государства?**

— Да, на мой взгляд, такой проект есть. Это проект справедливого мира, который уже действует в международном масштабе, я имею в виду сирийские события. Позиция России в сирийском конфликте, несмотря на все сложности и угрозы в адрес нашей страны и президента Путина, в конце концов получила полное признание и поддержку со стороны международного сообщества, переговоры между правительством Башара Асада и представителями оппозиции начнутся в Женеве.

Кризис — тяжёлое время для всех: и слабых, и сильных. Но попытки решать свои проблемы

за счёт других, в том числе — военным способом, это даже не вчерашний, а позавчерашний день мировой политики. Так можно дойти до глобальной катастрофы, которая отбросит всё человечество на столетия или даже на тысячелетия назад.

Принципы справедливости и равноправия государств-участников заложены и во всех проектах евразийской интеграции, и во всех иных международных интеграционных проектах, в которых принимает участие Россия, включая ШОС и БРИКС. А это привлекает к ним всё новые и новые страны, которые сталкиваются с различными формами дискриминации в политике и в экономике.

Недавняя реплика президента России в ответ на привычную фразу о выгодном для транзита географическом положении России между Западом и Востоком свидетельствует о возвращении привычной для нас системы координат. В.В. Путин сказал: «Это не Россия находится между Западом и Востоком. Это Запад и Восток находятся слева и справа от России». Это значит, что эпоха самоуничижения России после катастрофы распада СССР закончилась. Во всяком случае, руководство России определяет её как центр своей геополитики, восстанавливая традицию Великой державы. Эта традиция в разные исторические эпохи имела разный смысл. Для Российской империи Москва была третьим и последним Римом, устроенным по промыслу Божьему и дававшим защиту разным народам.

СССР определял себя как оплот мировой системы социализма и был источником надежды для сотен миллионов угнетённых наций и социальных слоёв. Смысл современной геополитики России рождается в процессе евразийской интеграции.

— Но эти внешнеполитические успехи должны быть подкреплены динамичным внутренним развитием, а принципы справедливости не могут действовать избирательно, только на международной арене, — они должны быть реализованы и внутри страны. Но и с тем, и с другим у современной России серьёзные проблемы: наше благополучие во многом зависит от конъюнктуры мировых рынков энергоносителей, а цензовое расслоение общества давно перешло через «красную черту». Что предпринимается или что нужно, на ваш взгляд, предпринимать в этом направлении?

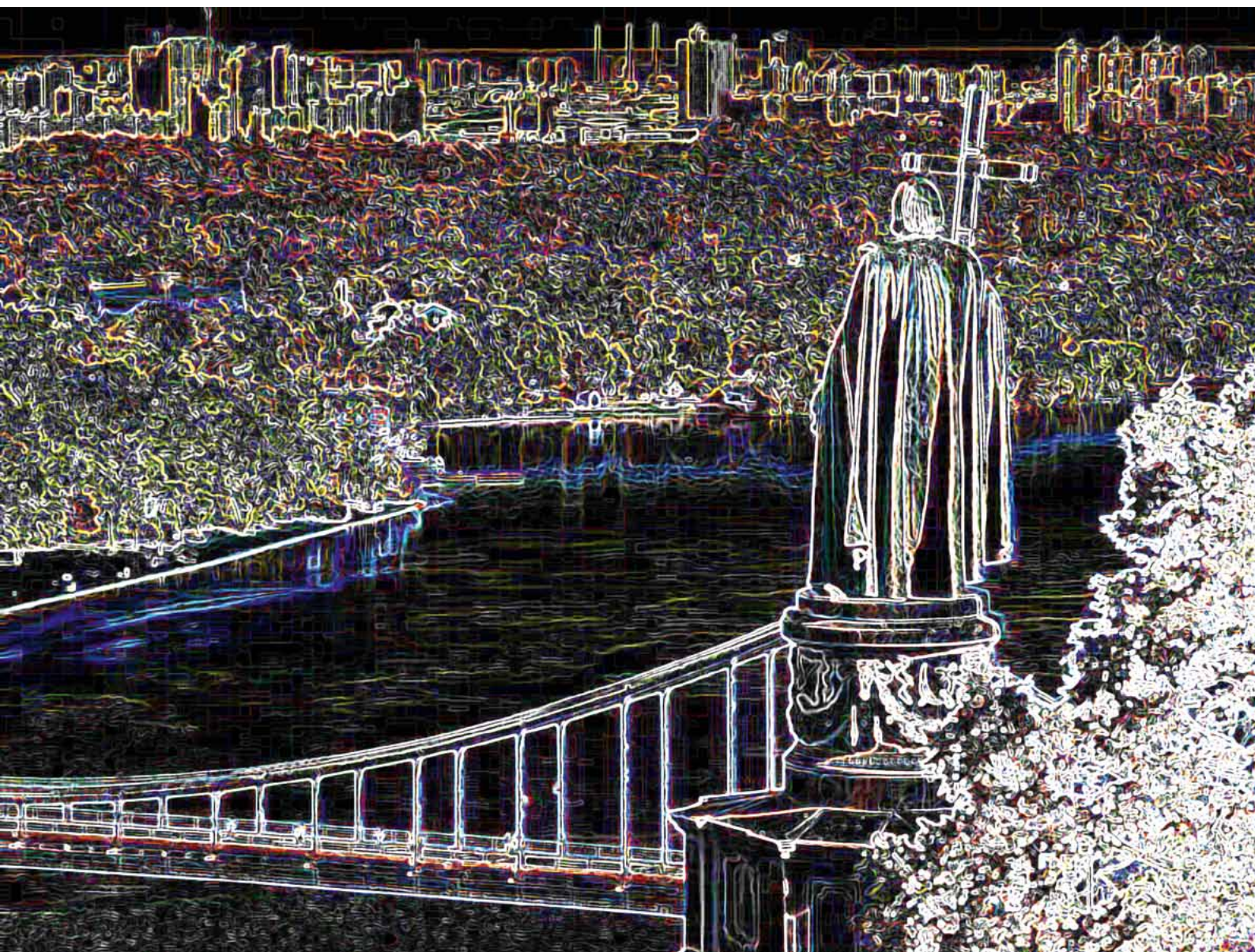
— Здесь проблемы намного серьёзнее, чем вы говорите. Но огромный плюс в том, что они воспринимаются уже как проблемы, а не как пра-

вильное или даже приемлемое положение дел. Чтобы инновационная экономика нового технологического уклада, «экономика знаний» заработала в нашей стране и на всём евразийском пространстве, предстоит сделать очень и очень многое. И в сфере экономики, и в сфере права, и в сфере культуры, и в сфере образования, и в сфере науки, и в сфере идеологии. Изменения в России идут широким фронтом, но пока медленно и не слишком заметно. Мы, русские, вообще медленно запрягаем, но быстро ездим, как отметил «железный канцлер» Бисмарк.

— Особенно если нужно запрячь бабочку или там блоху подковать?

— Это всё метафоры. Задачи, которые перед нами стоят, — это чрезвычайно трудные задачи. Но неисполнимыми их назвать нельзя. Дорогу осилит идущий.

Материал подготовил
Владимир ВИННИКОВ

Возвращение к Союзу

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Круглый стол в Изборском клубе по проблемам межнациональных отношений в России

Александр НАГОРНЫЙ,
*политолог, исполнительный
секретарь Изборского клуба:*

— Одним из приоритетных направлений деятельности Изборского клуба является изучение национального вопроса как в нашей многонациональной стране, так и во всём мире. Сегодня мы собрались, чтобы обменяться мнениями по этой теме и попытаться подвести хотя бы первые итоги проделанной работы.

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
историк:

— Особенность этнополитической ситуации в современной

России, на мой взгляд, обусловлена как минимум тремя взаимосвязанными моментами.

Первое — Россия развивалась в основном на территориях, ранее не принадлежавших славянам.

Второе — Россия развивалась как полиэтническая нация в основном за счёт комплементарной миграции, то есть миграция русских не уничтожала автохтонные этнические общности.

Третье — национальные отношения внутри России всегда строились не на этнических, а на духовных началах.

При этом в Российской империи, с её губернским делением,

не предусматривалось политической субъектности этносов. Исключениями, подтверждающими правило, были только Царство Польское и Великое княжество Финляндское. Кроме того, вместо национального фактора на первое место выдвигался конфессиональный: православные, мусульмане, буддисты, католики, иудеи, протестанты разных номинаций и так далее.

В Советском Союзе получилось так, что некоторые этнические общности получили политическую субъектность в той или иной форме: от национальных автономий (округов,

Фото: Дмитрий ХУДОРОЖКОВ

Сергей ЧЕРНЯХОВСКИЙ,
историк

областей, республик) до союзных республик, причём и форма, и содержание этих субъектов подвергались неоднократным изменениям.

При этом, с одной стороны, признавалось право наций на самоопределение вплоть до отделения, а с другой — такое отделение признавалось нецелесообразным, особенно — через органы партийного управления и всю идейную парадигму социалистического строительства.

Когда Ленин рассматривал национальный вопрос, он всегда подчеркивал, что при прочих равных унитарное социалистическое государство лучше федерального, что при прочих равных крупное социалистическое государство лучше нескольких мелких, что при прочих равных более крупные этносы в рамках социалистического государства должны иметь больше прав и обязанностей по сравнению с более мелкими. Относительно русского народа делалось исключение: прав у него было меньше, а обязанностей — намного больше, чем у национальных меньшинств. В составе СССР после 1937 года

ни одна союзная республика, за исключением РСФСР, не была федеративной, даже если в её состав входили автономии: одна, как это было в Азербайджане и на Украине, или несколько, как это было в Грузии.

Жёстко проводился в жизнь приоритет социального над национальным, что, в принципе, соответствовало традициям российской государственности.

1991 год из этой ситуации не вытекал ни прямо, ни косвенно.

Напомню, что 17 марта 1991 года на вопрос Всесоюзного референдума: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» — из 185,6 миллиона граждан СССР с правом голоса участвовали в референдуме 148,5 миллиона (79,5%); из них 113,5 миллиона (76,43% голосовавших, или 60,7% граждан) ответили «Да». Случилось это на шестом году горбачёвской перестройки, когда центральная власть уже сделала всё от неё зависящее, чтобы дискредитировать в глазах

Фото: Дмитрий ХУДОРОЖКОВ

Шамиль СУЛТАНОВ,
конфликтолог

Фото: Дмитрий ХУДОРОЖКОВ

Александр НАГОРНЫЙ,
политолог, исполнительный секретарь
Изборского клуба

населения весь советский проект. Тем не менее большинство, и даже подавляющее большинство населения Советского Союза, как участием в референдуме, так и своим ответом «Да», подтвердило свою национальную самоидентификацию именно как советских людей.

А вот разрушение идейно-социальной парадигмы СССР, в рамках которой из разных этносов формировался единый советский народ, дало толчок этнонациональной доминанте, исторически регрессивному процессу буржуазного нацистроительства, субъектами которого выступила номенклатура прежде всего союзного и только затем — республиканского уровня.

Шамиль СУЛТАНОВ,
конфликтолог:

— У меня четыре тезиса. Которые основаны на двадцатилетнем изучении национальных движений на постсоветском пространстве.

Тезис первый. Никакого национализма в современной России нет, и национальных движений тоже нет. Национальные лозунги и национальные движения ис-

Фото: Дмитрий ХУДОРЖКОВ

Максим КАЛАШНИКОВ,
писатель, футуролог

пользуются местными элитами в борьбе за ресурсы. Элитами, которые не интегрированы или недостаточно интегрированы в общероссийскую коррупционную систему. Если же элита интегрирована туда, то она во многом теряет свой национальный характер. Там нет различий между русскими, татарами, евреями, чеченцами и так далее. Крупный капитал интернационален. Национализм используется им как оргоружие.

Точно так же местный национализм используется в межэлитной, межклановой борьбе за федеральные ресурсы.

Тезис второй. Империя, если мы говорим об империи, требует наличия «политической нации». Если вы не можете работать с этносами, влиять на их поведение как неких целостностей, вы можете работать на уровне выше — на уровне «политической нации», как это делают, например, в США, где существует идеология «американской мечты», которая консолидирует все этносы

и расы американского общества, под которую все они «вставлены». Пусть не полностью, пусть 20–30%, но это некое «ядро», которым можно управлять, а через него — и обществом в целом.

Тезис третий. Отсутствие у нас национализма как объективного явления, а не болтовни и заявлений по данному поводу приводит к тому, что у нас нет ни мифологии, ни теории, ни архетипа, ни, соответственно, значимых вождей национального движения. Почему ничего этого нет? Потому что людям это неинтересно, это их «не заводит» даже в той мере, в которой антикоррупционная риторика того же Алексея Навального была интересна его сторонникам и «заводила» их.

Тезис четвёртый. Мы живём в условиях тотальной деградации социально-экономической и культурно-политической системы страны. А национализм, классический национализм, возникает совсем на другом этапе — на этапе развития экономики и консолидации «верхушки» такого развития. Раз у нас нет развития, а есть деградация, то и национализм у нас дегенеративный, убудочный — с лозунгами «Хватит кормить Кавказ!», с одной стороны, и «Хватит кормить Москву!», с другой. Ни один нормальный национализм не может «играть на понижение», призывая к расчленению и деградации собственной страны.

Максим КАЛАШНИКОВ,
писатель, футуролог:

— Что такое нация? Определений — масса. Я для себя эмпирически нашёл следующее. Русский — тот, кто придерживается русской модели поведения, ведёт себя как русский. Готов сражаться за Россию и умереть за неё, связывает с ней свою судьбу и судьбу своих детей. Понятно, что большей частью это русские

по крови и русские по культуре. Остальные — это интегрированные в русскую нацию пассионарии другой этничности, готовые разделить её судьбу.

Далее. Русский народ в России должен играть авторитетную, ведущую роль. А чем достигается такая роль? Только тем, что ты в своей практике, на деле, успешно воплощаешь некий проект будущего. Не «Россия для русских!» — это потребительский лозунг, а «Русские для России!» — это лозунг творческий. Поэтому есть две стержневые вещи, и одна невозможна без другой.

Во-первых, создание на обломках советской цивилизации нового мира. Мира высокотехнологичного и высокоразвитого. Но это, во-вторых, невозможно без воссоздания дееспособного государства, где русские будут системообразующим народом, быть вместе с которым и почётно, и выгодно. Я думаю, что для этого нужно сочетание сильной центральной власти с сильным местным самоуправлением, без всяких промежуточных звеньев. То, что делал в своё время Иван Грозный, но на новом уровне информационных и управленческих технологий.

Это тем более важно на фоне того кризиса, в который вползает западная, глобалистская модель общества. Если мы будем строить новые города, осваивать новые территории, если у нас будут мощная передовая энергетика, транспорт, связь, изобилие качественного продовольствия и жилья — к нам потянется весь мир.

Если же развитие не начнётся, если нынешний вектор деградации будет продолжен, то мы обречены. Не только русские, но и все народы современной России.

Тут важно преодолеть страх. Страх поражения, страх предательства, страх обмана. Этот страх сегодня разлит по всему

нашему обществу, съедает всех. Горбачёв — предал. Ельцин — предал. За Путина держатся потому, что он не предаёт. Но это го мало. Вот когда и если у нас в стране начнут судить и давать сроки за предательство, это будет сигналом о том, что мы поражение 90-х преодолели, что оно больше не довлеет над нами.

Борис ВИНОГРАДОВ,
профессор, замминистра
науки и образования РФ
(1998–2002):

— По-моему, за последнюю четверть века в сознании думающего русского человека столкнулись три противоречащие друг другу парадигмы.

Сначала мы жили и воспитывались в парадигме «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Затем нам сказали, что эгоизм каждого даст благосостояние всем. Мы перешли к либеральной парадигме, и тот, кто успел и не был щепетилён, тот обогатился, используя любые пути. Через приватизацию, через криминал — как угодно. Теперь нам

Фото: Дмитрий ХУДОРОЖКОВ

Борис ВИНОГРАДОВ,
профессор, замминистра науки
и образования РФ (1998–2002)

предлагают групповой эгоизм локальных сообществ креативного класса как движущую силу развития страны.

Как же работает этот креативный класс в интересах России? Приведём примеры. В апреле 2013 года Счётная палата РФ завершила проверку такого локального сообщества креативного класса в лице «Роснано». На коллегии Счётной палаты было заявлено о 22 миллиардах рублей нецелевых, неэффективных и просто непонятно куда израсходованных средств. В итоге вопрос успешно «замылили», а уже в ноябре 2013 года Росфиннадзор нецелевого использования средств не нашёл.

Не буду касаться ситуации с хищениями в Минобороны, поскольку соратницы г-на Сердюкова в «креативный класс» себя не записывали. А вот на итоги финансовой проверки фонда «Сколково» почему-то наложили гриф секретности. Но даже тот минимум информации, который попал в прессу, вызвал вопросы о деятельности креативных господ из фонда.

Таковы лишь некоторые результаты деятельности локальных сообществ креативного класса, которые нередко просто жируют на деньги российских налогоплательщиков. При этом не несут практически никакой ответственности за свои дела, прикрываясь формулировкой о рисках инновационного бизнеса. Многие представители креативного класса далеко не бедные люди, но свои деньги не вкладывают в развитие инноваций в России. Поэтому у нас, в отличие от передовых стран, основной источник инноваций — бюджет, а не доходы креативных господ. Видимо, не зря Бжезинский ехидно говорил о том, чья же в России элита, если все их деньги и все их родные и близкие — на Западе.

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Второй вопрос. В Российской Федерации сегодня есть субъекты, которые идут по пути превращения в национальные государства, формируют свою государственность, свою национальную элиту. Из них уезжает русское население. Как к этому относиться?

Я думаю, что большой национализм способен прекратить рост малых национализмов. Россия уже перепробовала всё и от всего отказалась: и от коммунизма, и от либерализма, и от плана, и от рынка, и от диктатуры пролетариата, и от демократии, и от империи, и от хаоса. Не пробовали мы только русское национальное государство. Может быть, оно вытащит Россию из нынешней трясины? Ведь понятно, что Россия, сохраняя

ясь как осколок империи, будет распадаться и дальше, а русские в ней — деградировать, денационализироваться и вымирать.

Сегодня на карте мира видны три центра экономической мощи и политической силы, три ключевые точки: США, Евросоюз и Китай. Эта ситуация сложилась за последние 25 лет, и никаких изменений пока не предвидится. Никакой Россией здесь даже не пахнет. И с чего бы? Нет ни внутренних, ни внешних условий.

Тем более что у нас нет нужной демографической массы, нет необходимых 300 миллионов человек, которые были в Советском Союзе. Где их брать? Миграция — сложный и опасный путь, потому что ассимилировать 150 миллионов иностранцев мы не сможем.

Казахстан, Белоруссия, евразийская интеграция — всё это хорошо. Но без Украины нам даже 200 миллионов не набрать, а Украину мы можем потерять. «Евромайдан» это чётко показал. Как можно было допустить такой разворот? Это же не мгновенное событие: процессы разворота Украины на Запад идут уже десятилетия. На Украине виден политический союз либералов и националистов. А мы как будто бы только проснулись и начали проявлять некоторую активность. Но и 15 миллиардов долларов проблемы присоединения к Таможенному союзу не решат — Украина их потратит и снова развернётся на Запад. При Януковиче, которого считали здесь пророссийским политиком.

Три проблемы — эгоизм креативного класса, который реально правит в России, появление дефакто национальных государств внутри страны, формирование Евразийского Союза с населением не менее 300–350 млн человек. Рост русского национального самосознания — основа их решения.

Андрей САВЕЛЬЕВ, *политолог:*

— Степень этнического смешения в современной России чрезвычайно низка, и её напрасно преувеличивают. Межрасовых браков — менее 2%. В СССР считалось, что смешанных браков у русских 17%, поскольку в них включались браки с украинцами и белорусами, а таковых было большинство. Куда важнее культурная ассимиляция — русификация России. Она действительно затормозилась, и даже сам русский народ начал дробиться на субкультуры.

Кто выдвигает территориальные претензии? Либо маргинальные политические группы, которые пытаются привлечь к себе внимание, либо те властные лица и структуры, которые балансируют на грани криминала или находятся за этой гранью. Подавление подобных претензий — прямая обязанность спецслужб. Но они заняты другим — «крышеванием» экономических субъектов и политическим сыском, который в наибольшей мере направлен против активистов Русского движения.

Можем ли мы говорить о межнациональной розни, межнациональных конфликтах в России? Розни между национальностями как таковой нет. Есть рознь между коренным населением России и иностранными мигрантами (внутренними или внешними), а также между гражданами и этническим криминалом, между государством и этническими кланами. Почему со всем этим государство не ведёт борьбу? Потому что режим опирается именно на эти структуры — мигрантов, криминал и кланы. Последние формируются для того, чтобы шантажировать федеральную власть и встраиваться в нынешнюю олигархическую структу-

Фото: Дмитрий ХУДОРОЖКОВ

Андрей САВЕЛЬЕВ, **политолог:**

ру. Здесь я полностью согласен с Шамилем Султановым.

Может ли вообще быть в национальном сознании конфликтный потенциал? Конечно. Примеры можно приводить долго. Но сегодня это либо результат многолетнего целенаправленного внедрения соответствующих мифологем, либо реликты прошлого. Так, нынешняя польская русофобия во многом строится на катынском мифе, украинская русофобия — на мифе о «голодоморе».

Почему разделение нации продуцируется властью?. Олигархия таким образом управляет народом. Кто в России лишён собственности и власти? Понятно, что в основном это русские: просто потому, что русские — большинство населения страны. Если это большинство сформируется в политическую нацию, олигархия будет стёрта с лица земли. Поэтому происходит дезинформация и дезориентация русского большинства: фальсификация русской истории, дискредитация русской культуры, пропаганда невежества. Система

пропаганды насыщает нашу повседневность грубейшими искажениями действительности, низостью и ложью.

«Национализмы» и «сепаратизмы» малых народов России и фальшивые варианты русского «национализма» — составная часть дезинформации и дезориентации народа.

Как следствие насаждённого невежества мы наблюдаем разгул «неоязычества», множества «новых религий», направленных прежде всего на отрыв русской молодежи от традиционных ценностей. Сюда же следует отнести также: политику исламизации России (одно из направлений недавнего времени — «русский ислам» под управлением С. Кириенко), политику «замещающей» миграции, политику «этнополитизации» административных единиц и целых отраслей российской экономики (что особенно чётко видно на примере Москвы), а также политику искусственного демографического кризиса через сокращение доступности основных средств к жизни: доходов, продовольствия, жилья, медицинского обеспечения, образования. Подчеркну, всё это — направленная и целенаправленно осуществляемая политика, которая мало зависит от того, что говорится с самых высоких трибун.

Что, на мой взгляд, можно и нужно делать гипотетической пока власти, ответственной перед своим народом, а не перед зарубежными «центрами силы», для создания в России единой политической нации?

Прежде всего, провести реальную национализацию собственности — прямой реквизицией олигархических капиталов и личного имущества олигархических семей. Без этого стране конец — у нее никогда не будет ресурсов ни для развития, ни даже для элементар-

ного поддержания жизни народа и обеспечения суверенитета. Если это требует чрезвычайного положения, значит, надо его вводить. И чем раньше, тем лучше.

Далее, пресечь этнические «национализмы», которые теперь пропагандируют себя, совершенно не скрываясь. И утвердиться в концепции русского национализма, ибо никакой иной политической культуры в России, кроме русской, быть не может — только в ней есть консолидирующий нацию потенциал.

В области государственного строительства требуется выбить из-под этнических кланов их основу — так называемые «национальные республики», в которых принцип равенства граждан перед законом попирается особенно цинично. Федерализм, в котором заложено разрушение суверенитета и расчленение страны, требуется не умиротворять закулисами сделками и умиротворяющими субвенциями из российского бюджета, а искоренять средствами легитимного насилия. Монополия государства на всё, что связано с формированием политической нации, не может терпеть никакой конкуренции: это касается и образования, и культуры, и информационного пространства. Если монополия будет обеспечена, у нас будут граждане России, а не граждане Чечни, Дагестана, Якутии и так далее.

Если не собираемся всё это делать немедленно и самым решительным образом — гниение будет продолжаться вплоть до смерти России как единого организма.

Только монопольное и однозначное предъявление Большого проекта или Большого стиля делает нацию исторической. Такой проект неизбежно имеет глобальный характер и противостоит тому глобализму, который стремится стереть все суверени-

теты, все культуры, превратив мировую цивилизацию в глобальную олигархию, а граждан всех стран — в рабов.

Олег РОЗАНОВ,
предприниматель,
руководитель
аналитического центра
«Копье Пересвета»:

— Я не собирался выступать, но скажу, что, несмотря ни на что, русская традиция, русская культура продолжают жить. Потому что никто из нас, собравшихся здесь, не собирается решать проблемы одного только русского народа или одного только государства под названием Российская Федерация. Нам нужна справедливость для всех, счастье для всех, мы в другом формате

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Олег РОЗАНОВ,
предприниматель, руководитель аналитического
центра «Копье Пересвета»

просто не умеем думать. Мы исходим не из соображений выгоды или власти, а из соображений любви. Я понимаю, что на деле никто из нас этому христианскому идеалу не соответствует. Но мы всё-таки на него ориентируемся, к нему стремимся. Это поражает.

При всём при том у нас нет реализованного проекта, который мог бы привлечь к нам союзников и соратников. А то, что есть, отталкивает и не вдохновляет нас самих. Даже белорусы Россию боятся, я уже не говорю про Украину или Казахстан. То же самое касается национальных меньшинств внутри России. У нас полный бардак внутри страны, управляемость практически потеряна, и никто не хочет наводить здесь порядок, реализовывать принципы любви и справедливости на деле. Это поражает ещё больше.

Преодолеть этот разрыв между словами и делами, между теорией и практикой, между идеалом и действительностью, согласен, непросто. Но преодолеть его надо. Нельзя реализовывать никаких глобальных проектов, не оглядываясь

на собственную страну. На деле мы – разделённая нация, мы – вымирающая нация, мы – побеждённая нация, не имеющая никаких идеалов и приоритетов, кроме выживания. Это противоречит русскому духу, но это именно так – народ элементарно пытается выжить.

Наша главная задача – исправить саму страну. Сегодня мы – не пример, мы – анти-пример. Когда хотят сказать о чём-то плохом, сегодня показывают на Россию. Так быть не должно.

Александр НОТИН,
руководитель
АНО «Переправа»:

– Мы пережили всем нашим обществом тяжёлое потрясение, потеряв не только своё положение в мире, не только привычный уклад жизни, но и те духовные ценности, которые то и другое определяли. Развал Советского Союза во многом был предопределён тем, что была уничтожена Центральная Россия, особенно Нечерноземье: через уничтожение «неперспективных» деревень, через алкоголизацию населения и так далее. Уже в 70-е годы эта зона стала зоной социального бедствия. И «нацмены» на русских стали смотреть свысока, поскольку и жили богаче, и пользовались массой льгот, включая информационную составляющую. Культурные прибалты, гордые кавказцы, трудолюбивые среднеазиаты – одни русские лентяи, воры и пьяницы. Это мифологии 70–80-х годов, заметьте. Которые внедрялись через кино, через телевидение, через прессу, через театры, через литературу...

Я уверен, что при дальнейшем исследовании этой проблемы мы обнаружим, что действительно осуществлялась гигантская спецоперация, разработанная где-то в цен-

трах «управления хаосом» или нейролингвистического программирования. Хорошо скоординированная, прекрасно профинансированная, опирающаяся на сеть агентов влияния внутри страны.

И то, что мы видим сейчас, – следующий этап осуществления данной спецоперации. Главным её объектом является сознание homo soveticus, из которого выбиты прежние ценности, а на их место внедряются новые – не только национальные, но и либеральные, включая ЛГБТ, молодёжные субкультуры и так далее.

Сердце нации – не Министерство обороны, а воспитание и образование. Так вот, наша молодёжь сегодня – я исхожу из собственного опыта многочисленных поездок по стране – страшно дезориентирована, и пока мы не найдем общего языка хотя бы с той её частью, которая не полностью потеряна для будущего, ни на что мы рассчитывать не можем.

Если мы позволили самим себе себя не уважать – трудно

Фото: Дмитрий ХУДОРОЖКОВ

Александр НОТИН,
руководитель АНО «Переправа»

рассчитывать на то, что нас будут уважать даже наши собственные дети, не говоря уже о соседях. И когда мои кавказские друзья говорят мне, что мы, русские, сами, своими руками, загнали себя под ярмо, — они правы сто процентно. Зачем им «Дом-2» и «Наша Раша»?

Но я задаюсь вопросом — для чего Господь попустил гибель всех идеологий в нашей стране, для чего расчищено место в сознании общества? Ясно, что ответ на этот вопрос мы получим в самом ближайшем будущем. Как говорил Паисий Святогорец, в мире накопилось очень много пыли и грязи, так что может «сильно подуть». Это касается не только России — это касается всего мира. Поэтому нужен акцент на духовное направление в формировании государственно и национально мыслящего русского ядра, а значит — на работу с молодёжью.

Надо помнить, что зерно тоже даёт росток через собственное гниение, собственную смерть. Мы, мне видится, переживаем сегодня именно такой период — прорастания зерна.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
философ, исполнительный секретарь Изборского клуба:

— Из выступлений участников нашей дискуссии складывается, при всех разноречиях, достаточно цельная и единая картина. Что бы я мог добавить и уточнить?

Я бы не стал говорить о том, что националистического накала у нас «внизу» нет, что в народе всё благостно, а виноваты только «верхи», которые разжигают и провоцируют. Напряжение в низах общества несомненно. Но возьмём обычного жителя Средней России или даже обычного москвича — поскольку Москва очень показательное место:

в силу её многонациональности, в силу бурных миграционных процессов, — что мы увидим?

Мы увидим, что в массе своей конкретный наш человек на личном уровне очень хорошо относится к конкретному мигранту, страдает ему, может даже в дружеских отношениях находиться с мигрантами, которые живут в его доме, убирают его двор и т.д. Но при этом этот же самый наш человек категорически не приемлет инокультурную миграцию как явление — вплоть до ненависти к этой самой миграции.

То есть межнациональная напряжённость вызвана не ксенофобией, а протестом против нарушения этнокультурного баланса, который сложился и действовал на данной территории в течение столетий. Этот протест, на мой взгляд, является обоснованным, поскольку вызван русской — в широком смысле — идентичностью, которая всё ещё сохранилась и существует. Кроме того, в этом протесте интуитивно присутствует ощущение глубинной внутренней связи между современной ситуацией с миграцией, с обострением национальных отношений, с одной стороны, и разрушением устоев, институтов жизни, которые исторически доказали свою справедливость и эффективность, — с другой стороны.

Есть модель академика Тишкова, согласно которой в России есть русские россияне и нерусские россияне. Отсюда благопожелание толерантности. Это модель порочная, в условиях антиимперской парадигмы она способствует разложению нашего общества, его дезинтеграции. Несомненно, понятие «нерусские россияне» является динамитом для межнациональных отношений в нашей стране, освещает «национальным элитам» их местечковый эгоизм, укре-

Фото: Василий ПРОХАНОВ

пляет в них иллюзию интеграции в глобальную элиту поверх и помимо России, а фактически через ослабление и разрушение России, через усиление квазигосударственных национальных анклавов, по примеру распада 1991–1992 годов, как это вроде бы удалось тогда элитам бывших союзных республик.

За что я, помимо прочего, благодарен Изборскому клубу — за то, что последний год мы много ездили по России, были в разных республиках и в разных областях. И везде сталкивались с тем, что апологеты местной автономности, доходящей до очень высоких пределов, близких к сепаратизму, сегодня дают задний ход. Во всяком случае, во встречах с нами, изборцами, сегодня многие за-

Фото: Дмитрий ХУДОРОЖКОВ

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
философ, исполнительный секретарь
Изборского клуба

являют, что в принципе общеимперское начало и имперская модель для них приемлемы. Что это, гибкость какая-то, пластичность? Думаю, дело не только и даже не столько в этом.

Есть изменение глобальной ситуации. Это кризис, это 92% ничем не обеспеченных денег, большей частью долларов, в обороте. Это агрессивное поведение евроатлантического блока в отношении десятков стран. Это массовая безработица на Западе, кризис на юге Европы, долговая петля и т.д. и т.д. Внутри же страны появилась «изборская перспектива», с которой мы приезжаем в наши регионы. К примеру, об этом шла речь во время визитов в такие «сложные» национальные образования, как Дагестан или Якутия. Тот же Абдулатипов сегодня, став руководителем Республики Дагестан, заявил о том, что наше понимание империи ему близко, что дагестанские этносы могут найти себя в составе такой империи. Абдулатипов сказал не так давно знаковые слова, что русские являются элитой российского народа. На круглом столе в Якутии были многие

представители местной интеллигенции, говорившие о крайней важности для них самочувствия и успеха русского народа, русской культуры. Но были и более резкие якутские националисты, напоминающие тот дух, который ещё не так давно культивировался в Республике Саха. Они выступали осторожно, но достаточно жёстко. В частности, указывали на то, что сегодня якутская культура вызывает большой интерес у американских и японских исследователей, чем у русских.

Давайте поставим вопрос откровенно: центробежные тенденции в национальных субъектах Федерации опирались не на реальную их способность к самостоятельной государственности. Если Россия отпустила бы националов, их подобрала бы другая крупная держава. И история показывает, что церемониться с ними никто не стал бы — никто не будет так уважать, воспринимать, мягко интегрировать местную культуру и местные элиты, как это делалось всегда в России.

На кого хотели променять нынешнюю Россию? На США? На Европу? На Китай? На ваххабитов? Или её нужно менять на Россию же — но преображённую, динамично развивающуюся, приверженную традиционным ценностям? Поставьте так вопрос перед нашими национальными регионами и анклавами — и ответ для всех будет очевидным. Поставьте так вопрос перед элитами и народами большинства бывших союзных республик — и ответ будет очевидным. Да поставьте так вопрос даже перед элитами и народами бывших стран соцлагеря — и их «европейский выбор» будет поставлен под очень большое сомнение.

Поэтому, Борис Алексеевич, когда вы говорите о русском национальном государстве и когда я говорю о национальной импе-

рии, мы говорим, по сути, об одном и том же. Просто, на мой взгляд, понятие «национальное государство» содержит слишком большую двусмысленность, чтобы мы могли на нём остановиться.

Скепсис имперская идея вызывает сегодня у многих не потому, что она не годится, а потому, что сегодня в России она всё ещё остаётся свёрнутой, потенциальной идеей. Мы ещё не до конца вышли из той «спячки», того летаргического сна, в которые наша страна была ввергнута в силу катастрофы. Это не просто «спячка» — это «спячка» травматического происхождения. И мы должны из неё окончательно выйти — альтернатив этому просто нет.

Александр НАГОРНЫЙ:

— Недавно в одном из своих выступлений Сергей Глазьев напомнил о том, что есть национализм как проект, а есть национализм как контрпроект, как орудие в руках той или иной «большой системы».

С 1991 года пройден огромный путь. Не с точки зрения развития, а с точки зрения эволюции государственного мышления. Я совершенно согласен со всей критикой путинского правления, которая прямо или косвенно здесь прозвучала, и мог бы добавить к ней немало того, что ещё не прозвучало.

Но некий сдвиг государственного мышления налицо, и я не стал бы его отождествлять с деятельностью одного только первого лица.

Возобновлены полёты стратегических бомбардировщиков, на боевое дежурство в океане возвращены подводные лодки с ядерными ракетами на борту, формируются космические войска, оказывается поддержка Кубе, Ирану, Сирии. И всё это, разумеется, делается не по указ-

ке «вашингтонского обкома». А для чего это делается?

«Попилить» бюджетные деньги? Смешно. Для этого есть менее рискованные и более надёжные варианты. Чтобы защищать олигархический строй полуколониального характера, который обеспечивает потребности монополий Запада в сверхдешёвом сырье? От кого защищать? От Китая, с которым мы проводим совместные манёвры и от которого получаем сотни миллиардов долларов за фьючерсные контракты? Нет. От самого «вашингтонского обкома», который, видимо, вышел за рамки неких договорённостей горбачёвского или даже более раннего периода и под предлогом проведения антикризисных мер решил наложить руку на активы нашей «старономенклатурной элиты» за рубежом? Не исключено и даже вполне возможно.

Если ещё в 2003 году Путин, встречаясь с Бушем-младшим, фактически обозначил Украину как «свободную территорию», на которой у России нет никаких приоритетных интересов, то сейчас ситуация кардинально иная. 15 миллиардов долларов как «братская помощь» — это очень сильный политический ход, возвращающий Украину в зону геостратегического влияния России. О том, как будут потрачены эти деньги, сколько ещё нам придется заплатить — это другой вопрос. Важно, что Россия свои притязания на Украину обозначила и заявила.

Но до этого на украинское направление был поставлен Сергей Глазьев, и не просто поставлен, а наделён соответствующими полномочиями. И за пять месяцев работы ему удалось, исходя именно из понимания украинского национализма как антироссийского контрпроекта, закрыть поставку в Россию

труб для Пинчука, кондитерских изделий для Порошенко и так далее. То есть в Киеве поняли, что дело принимает действительно серьёзный оборот, что всё меняется.

Про Сирию я уже не говорю — ливийский опыт кое-чему научил. Что победитель забирает всё, например. И надо было или бомбить полковника Каддафи, как это делал господин Саркози, чтобы претендовать хоть на малую долю «трофеев», или, наоборот, помогать лидеру Джамахирии отбиться, а не делать вид, что наша хата с краю. В Ливии, как результат такого «умывания рук», мы потеряли всё: и контракты, и статус, и активы. А в Сирии, наоборот, всё приобрели.

Если бы на рубежах России, в том же Иране, после краха правительства алавитов вспыхнула война при поддержке США и Израиля, у нас бы не оставалось иного выхода, кроме принятия мобилизационного проекта и тотального разрыва со сторонниками либерал-монетаризма. Пока этого не произошло. Но логика обстоятельств сильнее логики намерений. И, сказав «а», нашему руководству предстоит, рано или поздно, сказать всё остальное. Остановка на полпути или возврат обратно будет означать фактическое согласие с тем, что Россия должна закончить свой исторический путь.

Подводя итоги состоявшегося обсуждения, должен сказать, что оно, на мой взгляд, получилось чрезвычайно плодотворным, а те направления, которые были здесь обозначены как перспективные для нормализации международных отношений в России и за её пределами, надеюсь, будут уточняться в ходе последующих обсуждений и учитываться как государственными институтами, так и нашим обществом в целом.

Фото: Василий ПРОХАНОВ

/ Рамазан АБДУЛАТИПОВ, глава Республики Дагестан /

«Мы должны быть правильной властью...»

*Из выступления на заседании Изборского клуба
в Махачкале 6 сентября 2013 года*

Дорогие друзья!
Для нас очень важен визит делегации Изборского клуба во главе с Александром Андреевичем Прохановым на древнюю землю Дагестана, которая связана с Россией множеством неразрывных связей.

Дагестан — прекрасная республика, населённая прекрасными людьми, настроенными на труд, на гостеприимство. У нас говорили: если в ауле нет мастера, то Аллах от этого аула молитвы не принимает. Я даже хотел бы вас отвезти дня на два дня в мой родной аул, пожить, поговорить по душам, без микрофона, посидеть вечером за столом под открытым небом, чтобы вы увидели настоящий Дагестан...

Но сегодня у нас в республике, как вы знаете, немало проблем. Проблем социальных, проблем экономических, проблем национальных, проблем религиозных, проблем культурных.

Анализируя эти проблемы, понимаешь, что на 80–90% их корни уходят в неблагополучие власти, управления. Корни проблем находятся не в лесу. В лесу находятся их следствия.

Новые времена показали, что пользоваться свободой тоже нужно уметь.

Я задаюсь вопросом: почему мы, при наличии огромного потенциала, по многим социально-экономическим параметрам стоим на последних местах в России? Почему по сборам налогов на последнем месте? Почему по теневой экономике на первом?

На одном из совещаний с высшим руководством страны министры едва ли не пальцем мне тыкали: в Дагестане терроризм, в Дагестане то, в Дагестане это... Я сказал: долгие годы вы на своих постах работали. Я тоже с вами работал. А куда же все смотрели, когда Дагестан доводили до такого состояния? Ждали момента, чтобы пальцем ткнуть? Но является ли такая позиция государственной, патриотической позицией?

Недавно я был у президента и просил у него не денег на нужды республики, чем даже удивил, а возможностей действовать институтам развития. Мы создали Корпорацию развития Республики Дагестан. Пусть Внешэкономбанк выделит ей уставной фонд в размере 5 миллиардов рублей, которыми сам банк и управляет. А мы внесём свои 5 миллиардов: через землю, заводы... Создадим структуру, которая будет обеспечивать инвестиционные, инновационные процессы.

Нужны программы развития! Если у экономики не будет механизма развития, то ничего не будет.

Что мы хотим развивать?

В первую очередь — агропромышленный комплекс, куда сегодня без всякой отдачи уходят огромные бюджетные деньги. Если просто накрыть столы на те средства, которые выделяют агропромышленному комплексу, делая вид, что они вкладываются в производство, — честное слово, эти столы были бы богаче, чем реальная отдача от таких дотаций и инвестиций. Но надо производство развивать, выпускать продукцию, а не «пилить» бюджетные деньги. Пусть будет техническим оператором Росагролизинг, мы согласны. Дайте деньги туда, пусть они вместе с нами развивают агропромышленный комплекс Дагестана. Я попросил гарантии на 20 миллиардов рублей в год для привлечения инвестиций на 5 лет. В правительстве РФ говорят: да, по такой схеме надо развивать и другие регионы! Отдача при нашей земле, при нашем климате будет обеспечена, если всё пустить в дело, а не мимо, в чьи-то бездонные карманы.

Вторая важнейшая отрасль экономики — энергетика. В Дагестане в конце 80-х годов добыча нефти была 2 миллиона 400 тысяч тонн. В результате бурного «развития» теперь у нас добыча — 200 тысяч тонн. У Азербайджана было 6 миллионов, стало около 60 миллионов. Почему они увеличили в 10 раз, а мы уменьшили? Мне всё равно, кто будет нефтедобычей управлять. Но управляйте эффективно. А если не можете, отдайте тем, кто сможет. Если бы не это падение производства, не надо было бы сегодня из федерального бюджета давать республике 50 миллиардов рублей дотации. Мы бы их сами здесь заработали. У нас доказанные запасы газа для промышленной разработки — 800 миллиардов кубометров. Но мы потребляем только 15% собственного газа, а 85% — берём из Азербайджана. Почему? Или сами добычей занимайтесь, или нам отдайте — тогда мы будем привлекать инвесторов, договариваться с ними. То же самое — с морским портом. Это — федеральная собственность. Но в Москве никому дела нет, в каком состоянии морской порт здесь. А я его вижу из окна каждый день. От моря наш бюджет вообще ничего не получает, а ведь за счёт моря живут целые народы. Почему нам не дать?

Мы федеральному центру делегировали все полномочия, зафиксировали их за федеральными структурами. Но где отдача от этих полномочий? Нет её, отдачи, потому что федеральный центр в действительности переделегировал эти полномочия коммерческим монополиям, а те не хотят в Дагестане ни газ, ни нефть добывать.

Расул Гамзатов в горах Дагестана

Спрашивают меня: неужели вы надеетесь, что кто-то будет вкладывать деньги в Дагестан? Ведь один только взрыв будет — и все инвесторы сразу разбегутся от вас. Никто не будет вкладывать деньги в бочку с порохом, да еще если её вот-вот могут поджечь. Правильный вопрос? Вопрос правильный. Но тогда можно задать другой вопрос: а почему раньше в Дагестане ничего никогда не взрывалось?

Недавно мы на средства республиканского бюджета по программе «Безопасный город» поставили 58 камер на трассе Каспийск — Махачкала. И знаете, с каким результатом? 30 тысяч нарушений за один день зафиксировали! Никто не соблюдает никаких правил, все привыкли к нерегулируемой свободе. Результаты очевидны: по уровню дорожно-транспортных происшествий на душу населения наша республика занимает одно из первых мест в РФ. Если власть, общество не организовано, люди гибнут: в лесах, в горах или на дорогах. Все эти годы все выживали кто как мог. Власть занималась текущими делами, мало думая о перспективах.

А экономика напрямую связана с политикой, они зависят друг от друга. Ошибся в по-

литике — жди обвала в экономике. И наоборот. Ошибся с экономикой — будут политические проблемы. Вот мы и хотим исправить ошибки, допущенные за последнее время. Они только слепому не видны. Всё сразу не исправишь, но начинать нужно уже сегодня.

Ведь почему люди уходят в лес, почему помогают или сочувствуют террористам? Да, боятся. Да, одурманены. Но главное — потому что власть им кажется чужой, нечестной, несправедливой, неправильной, а значит, не должно быть такой власти, должна быть другая власть.

Так вот, мы должны быть правильной властью. А что такое правильная власть? Правильная власть — такая, которая будет обустривать народ Дагестана на его земле. Нам то и дело говорят, что надо дагестанцев переселить куда-нибудь подальше — например, в Хабаровский край, чтобы они заселили пустующие земли... Но ни один нормальный государственный деятель свой народ с его земли не выселял. Народ надо обустривать там, где он исторически обустривался. Чтобы была работа, чтобы было жильё, чтобы в школах — учили, в больницах — лечили, чтобы

в институты и университеты шли не те, у кого денег больше, а кто талантливее, чтобы можно было детей рожать и стариков кормить. Чтобы и мечети были открыты, и церкви, и синагоги, и музеи, и кинотеатры, и библиотеки. Вот какая должна быть власть — кто же тогда захочет в лесу жить?

Почему мы с террористами боремся, как во времена имама Шамиля? Они из леса вышли — мы за ними гоняемся. Они в лес ушли — мы у опушки ждём... А ведь силой тут ничего не решишь. Одних поймаешь, в тюрьму посадишь — другие в лес уйдут, если жизнь лучше не станет. Это замкнутый круг, который давно пора разорвать. Не только в Дагестане — по всей России.

Я не террористов оправдываю — они преступники, они мешают людям нормально жить, республике — нормально развиваться, и с ними надо поступать по закону. Но они же такими не родились — они такими стали. Значит, надо сделать так, чтобы другие наши дети, наши братья и сёстры не шли в шахиды, не брали в руки автоматы и взрывчатку.

В Дагестане это сделать тяжелее, чем, например, в Центральной России. Потому что каждый род, каждый народ имеет свой почерк, свой путь в истории. У каждого — своя историческая память. Это надо учитывать. Несколько веков подряд Дагестан воевал против всех империй: и персидской, и турецкой, и российской. Порой мы теряли в этой борьбе половину населения. К Шамилю и Ермолову по-разному относятся в Дагестане и России. В нашей истории есть такой пример. Пётр Первый с десяти тысячным войском продвигался к Дербенту, Махачкале, Тарки, и когда шёл мимо Хасав-юрта, их встретили 120 вооружённых всадников, напали на армию Петра. Потом бека, который возглавлял этих всадников, спросили: ты — сумасшедший? Он сказал: если я молча пропустил через свои земли любые войска, меня за мужчину не будут считать. Моя обязанность была — выйти. А как сложится — другой вопрос. И вот так вёл себя Дагестан. Такие были традиции, такие были законы истории того периода. Крупная нация образовала империю. И Россия пришла сюда воевать не с Дагестаном, Россия воевала против Турции и Персии за то, чтобы владеть этими территориями. Англия турок поддерживала, персов поддерживала против России. Это ведь не только Дагестан или Чечня — это Кавказ, это большая политика всегда. Если бы наши народы были менее свобододолюбивые, они бы тихо сидели, не воевали.

Но в этом году мы отмечаем уже 200-летие присоединения Дагестана к России. И 90-летие великого поэта Расула Гамзатова. Он очень переживал — я не видел ни одного человека, кто бы так переживал развал Советского Союза. И Расул Гамзатов сказал однажды мудрые слова: мы в состав России добровольно не входили, поэтому мы из России добровольно не выйдем.

Я же Ельцину в 1991 году, когда был председателем Совета национальностей Верховного Совета России, говорил: сколько человеческих жизней было положено, чтобы создать эту страну. И насколько теперь будет большой трагедией, если мы развалим Советский Союз. Ельцин, выслушав меня, стукнул кулаком по столу: «Никогда я не допущу развала Советского Союза!» И что?

Все эти «рыночные реформы», «парад суверенитетов» и так далее, всю нынешнюю систему не в Дагестане и даже не в Москве придумали. И вот получилось так, что мы 200 лет вместе жили, а после развала СССР нам приходится заново учиться жить вместе. Потому что всё поменялось, всё теперь по-другому.

И проблема здесь не в Дагестане — проблема в России. В Мурманске, когда я работал над докторской диссертацией, наивно решил написать работу «Исторические корни русского национального самосознания». Нигде, ни в одном издательстве не взяли! Мало того, один умный редактор посадил меня и спрашивает: «Молодой человек, как ваша фамилия?» Я отвечаю: «Абдулатипов». Он говорит: «Тогда почему вы пишете о национальном самосознании русских?» Я ему: «А при чём тут моя фамилия? Эта проблема меня волнует как гражданина и учёного». Вот каково было состояние исследования национального самосознания русского народа. Это сознание деформировалось во многом, и в этом одна из глубинных причин развала Советского Союза.

По той же причине сегодня стоит вопрос о будущем России. Если русские окончательно утратят свою русскость — а они её в значительной мере уже утратили, Российская федерация будет обречена, её никто не спасёт. Мы — малочисленные народы. И наша судьба, наше благополучие, наши перспективы зависят от судьбы, благополучия и перспектив, от состояния русской нации. Но от этой проблемы почему-то всё время уклоняются, убегают, оставляя её очень недобросовестным и очень ангажированным силам.

Президент Владимир Путин в своей статье о национальном вопросе обозначил цивилиза-

*Фото: Василий ПРОХАНОВ***Свадьба в Дербенте. 2013 г.**

ционный, культурный код России. И мы свою модель разработали. Нужна патриотическая модель национальной политики. Нужно говорить не только о национальном вопросе, но и формировании российской нации. Главный вопрос — дезинтеграционное состояние современной России в целом. Нужна интеграция. И особое внимание следует уделить становлению самого русского сообщества, в которое должны интегрироваться остальные, нерусские сообщества. Ведь для нашей страны основой исторически является именно русский культурный, языковой, государственный код. Я всегда говорю: «Для Дагестана взаимосвязь и взаимозависимость во сто раз дороже, чем независимость». Это и есть идея, о которой мы говорим. Можно называть это империей, и если Россия — империя, то и мы — империя. Но я предпочитаю говорить об интегрированном обществе, собранном, соборном обществе, поскольку «соборность» — русское слово, несущее в себе все необходимые политические, культурные и даже религиозные смыслы. Россия — это соборное государство. И оно не может быть иным.

Наше становление в современную эпоху во многом зависит от русского народа. В 1995 году я в своём ауле поставил памятник русской учительнице. У моего поколения были русские учителя. И они учили нас лучше,

чем наши родные братья и сёстры сегодня обучают своих же племянников в горах. Россия — это историческая судьба Дагестана.

Когда имама Шамиля привезли в Россию и он увидел, против какого государства, против какой культуры воевал, его взгляды сильно изменились. Надо подчёркивать одну особенность русской цивилизации. Во-первых, она сразу делала включённую область полноправной частью и российского государства, и русской культуры, в отличие от английской, например. Элита местная подключалась к общегосударственным делам без всяких ограничений. Это такая открытая, соборная модель государства, жизнеустройства на общем пространстве, на общей земле. Не было в России никогда никаких метрополий, доминионов, колоний. И русский народ смог создать такое великое государство именно благодаря своим культуре и жизненному укладу, а не благодаря вооружённым силам. Русская культура, во-первых, вбирала в себя культуры всех народов, а во-вторых, делилась с другими. Достоевский об этом говорил. У Пушкина был «Кавказский пленник», у Толстого — «Хаджи-Мурат», Лермонтова мы вообще считаем кавказским писателем. Тут и «Мцыри», и «Демон», и «Герой нашего времени», и «Валерик». Русская культура была для нас культурой открытой, как и сам русский человек.

Сейчас всю культуру пытаются свести к искусству. Но искусство и культура — далеко не одно и то же. Культура — это весь опыт народа по организации своей жизни. Русская культура в этом понимании во многом растеряна. Поэтому единого культурного пространства в нашей стране или уже нет, или ещё нет.

В конечном итоге два фактора решают, состоялось государство или нет: экономика и культура. Мы сколько угодно можем рассуждать на самые разные темы, но если в экономике и культуре не заработают интеграционные, соборные механизмы, то наличие здесь армии и военно-морского флота по большому счёту ничего значить не будет.

Исходя из известной работы Питирима Сорокина «Социальная и культурная динамика» я написал книгу «Культурная динамика России», где говорится о том, какие особенности надо учитывать. Во-первых, у разных регионов России разные скорости движения. Во-вторых, русский национализм не является традиционным для русского сообщества, его следует рассматривать как одно из проявлений внутреннего сепаратизма.

И свою задачу я вижу прежде всего в том, чтобы организовать совместные, соборные усилия для ускорения нашего развития в нужном направлении.

С точки зрения политической — это укрепление федеративной идеи. У нас с федерацией всё не так просто, я уже этого вопроса касался. Когда формировался Советский Союз, в проекте союзного договора было прописано 11 полномочий, которые республики делегировали союзному правительству. Ленин, ознакомившись с данным проектом, написал, что 11 полномочий — это чересчур много, что нужно больше самостоятельности на местах. А когда разваливался Советский Союз, у союзного правительства было уже 450 полномочий! То есть для Ленина 11 было много. А тут — 450! Это политическая болезнь — всё сосредоточить в центре. Тогда один точный удар по нему — и всё рассыпается, поскольку никакого фундамента для власти на местах не остаётся. Вспомните события 1993 года — и вы должны будете признать, что я прав. Ельцину хватило всего нескольких танков, чтобы расстрелять Верховный Совет России.

А с точки зрения культурной — важна школа, важны кадры. Которые должны быть носителями соборных, интеграционных, государственных идей. Я, работая в вузе, ужаснулся состоянию преподавания гуманитарных наук. А ведь гуманитарные науки — это мировоз-

зрение. Я руководил международной группой по реформированию гуманитарного образования, поэтому знаю, как обстоят дела в мире; в Турции дела обстоят не лучше, чем в России, во Франции — тоже. Дегуманизация человеческого общества может создать такое сетевое общество, когда две идеи стоит распространить, и люди с этими двумя идеями выйдут на площади, не осмысливая, не раздумывая, куда и кто их позвал. Как ни назови: империя, интеграция, федерация, — нужна патриотическая модель национальной политики.

У нас в районах республики всего 30 домов культуры. Для сравнения: в России — 50 тысяч. Работая ректором университета, я говорил о таких домах: 90 процентов занимаются порнографией, 10 процентов — этнографией. Если не будет традиционной культуры, то не будет и основ мировоззрения.

Сейчас во всех районах Дагестана создаются центры традиционной культуры народов России, там будут центры дружбы народов России. Сейчас ежемесячно, как раньше был единый политдень, все учёные, руководители будут ездить по району, сёлам и проводить день культурно-исторического просвещения. Я хочу, чтобы просветители выезжали читать лекции в район: в райцентре и двух-трёх сёлах выступали. Чтобы на следующей неделе из райцентра те, кто слушал лекцию учёных, поехали в каждое село. Надо практиковать эту работу. Как раньше преодоление безграмотности шло? Именно так. А сейчас пришла пора разрабатывать программу преодоления невежества. Главное противоречие в России и в мире — это противоречие и конфликт между невежеством и культурой. И главное, что воспроизводство невежества идёт совершенно другими темпами, чем воспроизводство культуры. И здесь нужен общий культурный фронт.

Всеми этими вопросами нам приходится заниматься. Именно поэтому мы так рады, что Изборский клуб, собор русских мыслителей, просветителей сегодня гостит в Дагестане. Я уже давно размышлял о том, чтобы создать нечто подобное в нашей республике. Даже название придумал: «Седой Каспий», и ваш приезд может ускорить этот процесс, наши мысли приобретут более определённую форму. Может быть, это будет ячейка Изборского клуба, а может быть — самостоятельная структура, и нужно будет по всей стране создавать ассамблею центров таких. Но в любом случае все мы — патриоты нашей общей страны, России, и будем совместно действовать на её благо.

/ Иосиф СТАЛИН /

О национальном вопросе

В истории нашей страны и всего мира две декабрьские даты неразрывно связаны между собой: 21 декабря, день рождения Иосифа Виссарионовича Сталина, и 30 декабря, день создания Союза Советских Социалистических Республик. Перефразируя известную поэтическую формулу, можно сказать, что СССР и Сталин — близнецы-братья. Становление и развитие Советского Союза, его величайшие, общечеловеческого значения победы и достижения неразрывно связаны с именем Сталина. Сегодня, через 60 лет после гибели Сталина и через 22 года после гибели СССР, эти победы и достижения стараются забыть и замолчать, а когда подобное совершенно невозможно — исказить и оболгать.

Одной из самых «благодарных» тем для такой фальсификации сегодня являются межнациональные отношения внутри Советского

Союза, сообщества социалистических стран, а также межвоенного и послевоенного мира XX столетия в целом.

Национал-демократы всех мастей именуют русских советского и — в особенности — сталинского периода «агрессорами» и «оккупантами», не уставая оплакивать «репрессированные народы», «катыни» и «голодоморы». У «истинно русских националистов» свой список претензий к «отцу народов»: от уничтожения «национальной русской элиты» до «передачи исконно русских территорий инородным республикам». Масла в огонь подливают нынешние многочисленные межнациональные и межгосударственные конфликты на постсоветской территории. Корни которых, разумеется, ищут, прежде всего, в «ошибках и преступлениях Сталина». А все нынешние олигархи, политики и агенты влияния, само собой, тут совсем ни при чём...

Но в результате, даже помимо их воли, всё равно получается, что именно «товарищ Сталин» определил собой лицо всего прошлого века, в том числе — по национальному вопросу. В первом советском правительстве он до июля 1923 года занимал пост народного комиссара (министра) по делам национальностей РСФСР, поскольку считался (и действительно был) главным специалистом партии большевиков в этой сложнейшей и тончайшей сфере отношений. Грузин по происхождению и по языку (его стихи вошли в антологию грузинской поэзии 1907 года и в учебник грузинского языка 1916 года издания, то есть задолго до того, как эти публикации можно было бы привязать к «культу личности»), выросший на многонациональном российском Кавказе, он знал реалии национального вопроса не понаслышке. А практика революционной деятельности придала этому знанию идейно-политическое измерение.

Крупнейшей ранней теоретической работой Сталина в этом направлении был «Марксизм и национальный вопрос», написанный в 1913 году во время пребывания Иосифа Виссарионовича в Вене и высоко оцененный почти всеми лидерами российской социал-демократии, в первую очередь Владимиром Ильичом Лениным, — этот труд стал фундаментом национальной политики большевиков. Утверждения о том, что Сталин писал его чуть ли не под ленинскую диктовку, не выдерживают никакой критики: чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с предыдущими статьями и заметками Сталина, затрагивающими национальный вопрос применительно к практике революционной партии (самая первая — «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» датирована 1904 годом). Национальная проблематика всё время оставалась в центре сталинского внимания, а одной из последних его работ была тесно связанная с данной проблематикой брошюра «Марксизм и вопросы языкознания» (1950).

Вся послевоенная история человечества проходит под знаком Организации Объединённых Наций — международного института, в основу которого положены многие советские, а значит — сталинские принципы межнациональных, международных и межгосударственных отношений. Неоспоримые социально-экономические и военно-политические успехи СССР сталинского периода, ещё более впечатляющие на фоне растущих как снежный ком проблем «новой России»,

делают неизбежным обращение к опыту и творческому наследию «отца народов».

Разумеется, представленные ниже цитаты из сталинских выступлений и работ разных лет ни в коей мере не претендуют на то, чтобы дать полную и исчерпывающую палитру взглядов Сталина по национальному вопросу. Это — задача для специального и куда более объёмного исследования. Но они в достаточной степени характеризуют и эти взгляды, и их безусловную эволюцию в ходе почти полувековой политической деятельности «отца народов», и те общие принципы, которыми руководствовался Сталин в своей национальной политике, — принципы, отвергнутые в середине 50-х годов под видом «критики культа личности». История на наших глазах подтверждает принципиальную правоту Сталина и неправоту всех его противников: хоть «слева», хоть «справа».

Слово — товарищу Сталину!

«Действующая в России социал-демократическая партия назвала себя российской (а не русской). Очевидно, этим она хотела нам показать, что она под своим знаменем будет собирать не только русских пролетариев, но и пролетариев всех национальностей России, и, следовательно, она примет все меры для уничтожения воздвигнутых между ними национальных перегородок... Этим она ясно нам показала, что взятые сами по себе так называемые «национальные интересы» и «национальные требования» не имеют особой цены, что эти «интересы» и «требования» достойны внимания лишь настолько, насколько они двигают вперёд или могут двинуть вперёд классовое самосознание пролетариата, его классовое развитие».

Из статьи «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» (1904)

«Период контрреволюции в России принес не только «гром и молнию», но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в «светлое будущее» — и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение — и люди начали расходиться по национальным квартирам...

Поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны «власть имущих», мстящих окраинам за их «свободолюбие», — вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм среди татар, усиление национализма среди армян, грузин,

украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма — всё это факты общеизвестные...

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры...

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией... Только наличие всех признаков, взятых вместе, дает вам нацию...

Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи, эпохи поднимающегося капитализма...

Нации имеют право устроиться по своему желанию, они имеют право сохранить любое своё национальное учреждение, и вредное, и полезное, — никто не может (не имеет права!) насильственно вмешиваться в жизнь наций. Но это ещё не значит, что социал-демократия не будет бороться, не будет агитировать против вредных учреждений наций, против нецелесообразных требований наций. Наоборот, социал-демократия обязана вести такую агитацию и повлиять на волю наций так, чтобы нации устроились в форме, наиболее соответствующей интересам пролетариата.

Из книги «Марксизм и национальный вопрос» (1913)

«Чем демократичнее страна, тем слабее национальный гнет, и наоборот...

Наша точка зрения на национальный вопрос сводится к следующим положениям:

- а) признание за народами права на отделение;
- б) для народов, остающихся в пределах данного государства, — областная автономия;
- в) для национальных меньшинств — особые законы, гарантирующие им свободное развитие;
- г) для пролетариев всех национальностей данного государства — единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия».

Из доклада на Всероссийской конференции РСДРП (б) (апрель 1917)

«Из всех существующих ныне форм гнёта наиболее тонкая и опасная форма — это национальный гнёт. Она тонка, так как удобно прикрывает хищническое лицо буржуазии. Она опасна, так как ловко отводит гром от буржуазии, вызывая национальные столкновения. Если европейским хищникам удалось бросить рабочих друг на друга на арену мировой бойни, если им до сих пор ещё удаётся поддерживать эту бойню, — то это, между прочим, потому, что сила буржуазного национализма, одурманившего головы рабочих Европы, ещё не иссякла. Национализм — это та последняя позиция, с которой нужно сбросить буржуазию, чтобы окончательно победить её».

Из речи на совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики (май 1918)

«В эпоху буржуазной революции в России (в феврале 1917 года) национальное движение на окраинах носило характер буржуазно-освободительного движения. Веками угнетавшиеся и эксплуатировавшиеся «старым режимом» национальностями России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. «Ликвидация национального гнета» — таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись «общенациональными» учреждениями. Во главе движения шла национальная, буржуазно-демократическая интеллигенция...

Иные изображают борьбу окраинных «правительств» как борьбу за национальное освобождение против «бездушного централизма» Советской власти. Но это совершенно неверно... Борьба окраинных «правительств» была и остаётся борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристёгивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии...

Атакованные с двух сторон: извне — со стороны Советской власти России и изнутри — со стороны «своих же собственных» рабочих и крестьян, — «национальные правительства» должны были отступить после первых же боёв... Разбитые наголову, «национальные правительства» «вынуждены» были обратиться за помощью против «своих» рабочих и крестьян к империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплуататорам национальностей всего мира.

Так началась полоса иностранного вмешательства и оккупации окраин — полоса, лишняя раз разоблачившая контрреволюционный характер «национальных» и областных «правительств».

Только теперь стало для всех очевидным, что национальная буржуазия стремится не к освобождению «своего народа» от национального гнёта, а к свободе выколачивания из него барышей, к свободе сохранения своих привилегий и капиталов».

Из статьи «Октябрьский переворот и национальный вопрос» (ноябрь 1918)

«Старые национальные государства на Западе: Англия, Италия, Франция — перестают быть государствами национальными, т.е. они, в силу захвата новых территорий, превращаются в государства многонациональные, колониальные, являя тем самым арену того национального и колониального гнёта, какой существовал ещё раньше на востоке Европы. На востоке Европы этот период характеризуется пробуждением и усилением подчинённых наций (чехи, поляки, украинцы), приведшим в результате империалистической войны к распадению старых буржуазных многонациональных государств и образованию новых национальных государств, находящихся в кабале у так называемых великих держав...

Во время империалистической войны сами империалистические группы воевавших держав вынуждены были апеллировать к колониям, откуда они черпали людской материал, из которого создавались войска. Несомненно, что этот процесс, процесс неизбежной апелляции империалистов к отсталым народностям колоний, не мог не разбудить эти племена и народности к освобождению, к борьбе...

Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях...»

Из доклада X съезду ВКП (б) (1921)

«Империалистическая война показала, а революционная практика последних лет лишняя раз подтвердила, что:

1) национальный и колониальный вопросы неотделимы от вопроса об освобождении от власти капитала;

2) империализм (высшая форма капитализма) не может существовать без политического и экономического порабощения неполноправных наций и колоний;

3) неполноправные нации и колонии не могут быть освобождены без низвержения власти капитала;

4) победа пролетариата не может быть прочной без освобождения неполноправных наций и колоний от гнета империализма».

Из статьи «К постановке национального вопроса» (1921)

«Раньше «принято было» думать, что единственным методом освобождения угнетённых народов является метод буржуазного национализма, метод отпадения наций друг от друга, метод их разъединения, метод усиления национальной вражды между трудящимися массами различных наций. Теперь эту легенду нужно считать опровергнутой. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле возможность и целесообразность пролетарского, интернационального метода освобождения угнетённых народов... Существование Союза Советских Социалистических Республик, являющегося прообразом будущего объединения трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, не может не служить прямым тому доказательством...»

Из статьи «Международный характер Октябрьской революции. К 10-летию Октября» (1927)

«Нации и национальные языки отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой

сопротивления политике ассимиляции. Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать. Царско-русские руссификаторы и немецко-пруссские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а — наоборот — оказались вынужденными также капитулировать...

Конечно, элементы нации: язык, территория, культурная общность и т.д., — не с неба упали, а создавались исподволь, ещё в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период поднимающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами...

Буржуазия и её националистические партии были и остаются в этот период главной руководящей силой таких наций. Классовый мир внутри нации ради «единства нации»; расширение территории своей нации путём захвата чужих национальных территорий; недоверие и ненависть к чужим нациям; подавление национальных меньшинств; единый фронт с империализмом — таков идейный и социально-политический багаж этих наций. Такие нации следует квалифицировать, как буржуазные нации...

Но есть на свете и другие нации. Это — новые, советские нации, развившиеся и оформившиеся на базе старых, буржуазных наций после свержения капитализма в России, после ликвидации буржуазии и её националистических партий, после утверждения Советского строя...

Такие нации следует квалифицировать как социалистические нации...

Национальное недоверие, национальная обособленность, национальная вражда, национальные столкновения стимулируются и поддерживаются, конечно, не каким-либо «врождённым» чувством национального злопахательства, а стремлением империализма покорить чужие нации и страхом этих наций перед угрозой национального порабощения. Несомненно, что пока существует мировой империализм, будут существовать и это стремление и этот страх, — следовательно, будут существовать в громадном большинстве стран и национальное недоверие, и национальная обособленность, и национальная вражда, и национальные столкновения. Можно ли утверждать, что победа социализма и ликвидация империализма в одной стране означают ликвидацию империализма и национального гнёта в большинстве стран? Ясно, что нельзя. Но из этого следует, что победа социализма в одной стране, несмотря на то, что она серьёзно ослабляет мировой империализм, всё же не создаёт и не может создать условий, необходимых для слияния наций и национальных языков мира в одно общее целое...»

Из работы «Национальный вопрос и ленинизм» (1929)

«Нет, мы правильно поступаем, что так сурово караем националистов всех мастей и расцветок. Они лучшие помощники наших врагов и злейшие враги собственных народов. Ведь заветная мечта националистов — раздробить Советский Союз на отдельные «национальные» государства, и тогда он станет лёгкой добычей врагов. Народы же, населяющие Советский Союз, в своём большинстве будут физически истреблены, оставшаяся же часть превратится в бессловесных и жалких рабов завоевателей...»

Из беседы с А. С. Яковлевым (26.03.1941)

«Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной Отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей

страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, порабождённого гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего Отечества сольётся с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу, против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера...»

Из радиовыступления 3 июля 1941 года

«Можно ли считать гитлеровцев националистами? Нет, нельзя. На самом деле гитлеровцы являются теперь не националистами, а империалистами. Пока гитлеровцы занимались собиранием немецких земель и воссоединением Рейнской области, Австрии и т.п., их можно было с известным основанием считать националистами. Но после того, как они захватили чужие территории и поработили европейские нации: чехов, словаков, поляков, норвежцев, датчан, голландцев, бельгийцев, французов, сербов, греков, украинцев, белорусов, прибалтов и т.д. и стали добиваться мирового господства, — гитлеровская партия перестала быть националистической, ибо она с этого момента стала партией империалистической, захватнической, угнетательской... И если эти оголтелые империалисты и злейшие реакционеры всё ещё продолжают рядиться в тогу «националистов» и «социалистов», то это они делают для того, чтобы обмануть народ, одурачить простаков и прикрыть флагом «национализма» и «социализма» свою разбойничью империалистическую сущность».

Из доклада 6 ноября 1941 года

«С появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации, а языки народностей — в национальные языки. История говорит, что национальные языки являются не классовыми, а общенародными языками, общими для членов наций и едиными для нации...»

Но люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения. Особенно отличаются в этом отношении верхушечные слои имущих классов, оторвавшиеся от народа и ненавидящие его: дворянская аристократия, верхние слои буржуазии. Создаются «классовые» диалекты, жаргоны,

салонные «языки»... На этом основании, как это ни странно, некоторые наши товарищи пришли к выводу, что национальный язык есть фикция, что реально существуют лишь классовые языки.

Я думаю, что нет ничего ошибочнее такого вывода. Можно ли считать эти диалекты и жаргоны языками? Безусловно, нельзя. Нельзя, во-первых, потому, что у этих диалектов и жаргонов нет своего грамматического строя и основного словарного фонда, — они заимствуют их из национального языка. Нельзя, во-вторых, потому, что диалекты и жаргоны имеют узкую сферу обращения среди членов верхушки того или иного класса и совершенно не годятся как средство общения людей для общества в целом... Думать, что диалекты и жаргоны могут развиваться в самостоятельные языки, способные вытеснить и заменить национальный язык, значит потерять историческую перспективу и сойти с позиции марксизма...

Маркс, касаясь вопроса о путях образования единого национального языка, говорит о «концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией».

Следовательно, Маркс признавал необходимость единого национального языка как высшей формы, которой подчинены диалекты как низшие формы».

Из брошюры «Марксизм и вопросы языкознания» (1950)

/ Шамиль СУЛТАНОВ /

Этноразвитие и этнобезопасность

Межнациональная напряженность как оружие межклановой борьбы

Существуют два основных подхода к анализу и прогнозированию межнациональной напряженности (МН).

При первом — де-факто нормативном — подходе акцент делается на то, что МН — самодостаточный политический феномен и одновременно индикатор развивающегося внутреннего этнополитического конфликта, где главную роль играют национализм этносов, народов, наций и соответствующие им националистические движения.

Для современной России (в отличие, например, от Индии) этот подход оказывается неадекватным и некорректным, поскольку в нашей стране нет реального национализма в классическом смысле слова — как явления, для которого характерно наличие развитой мифологии, мобилизационной идеологии, пассионарных вождей, национальной элиты, массовой социальной поддержки и т.д. Ничего этого в действительности нет. И если согласиться с тезисом, что в Российской Фе-

дерации — убудочная элита, убудочная политическая система, убудочная экономика, то необходимо согласиться, что так называемый национализм (независимо от своей принадлежности и окраски) также убудочен.

При втором, дескриптивном, подходе акцент делается на то, что межнациональная напряженность, межнациональная конфронтация, межнациональная дестабилизация, межнациональные столкновения и т.д. есть специфическая форма борьбы различных «элитных групп» за доступ к сокращающимся экономическим ресурсам в условиях обострения системного кризиса.

Иначе говоря, по мере обострения политического конфликта управление межнациональной напряженностью становится эффективной формой оружия в руках контрэлитных или маргинализирующихся элитных групп против доминирующего властного истеблишмента или господствующих институционализованных элит.

Собственно говоря, именно это наглядно было продемонстрировано во второй половине 80-х годов прошлого века, когда резкое обострение системного кризиса СССР проявилось, прежде всего, в десятках драматических, кровавых этнополитических кризисов и конфликтов.

И это при том, что в Советском Союзе, в отличие от нынешней России, существовала достаточно внятная и концептуально обоснованная национальная политика, под кодовым партийным названием «дружба народов». Это системное понятие в советской национальной политике отражало, с одной стороны, идеальную идеологическую цель для всей советской политической системы, а с другой стороны, и каждодневную практику соответствующего идеологического механизма.

И это не было пустой болтовнёй, поскольку управление процессом обеспечения межнационального согласия (МС) строилось, прежде всего, на технологии достижения баланса двух ключевых экзистенциальных потребностей для всех этносов, национальностей и народов многонационального советского социума — безопасности и развития.

При этом работа по обеспечению межнационального согласия в высших эшелонах советского государства воспринималась не как некая абстракция, а как сложный системный управленческий процесс — процесс оптимизации межнациональных отношений.

В контексте такого советского управленческого опыта можно было зафиксировать, что в данный момент в данном регионе или государстве межнациональное согласие (применительно к СССР) оптимизируется, в то время как в другом регионе или государстве «межнациональное согласие» как системный процесс деградирует. То есть необходим был, прежде всего, политический мониторинг основных векторов этого процесса — куда, в каком направлении в действительности развивается национальная политика.

Конечно, по мере углубления системного кризиса Советского Союза деградировала и национальная политика, которая, как и другие сферы идеологии, социальной жизни, культуры, превращалась в объекты «коррупционного проникновения», каждодневной показухи, «бюрократической скуки», как говорил Зб. Бжезинский.

Тем не менее в настоящее время в большинстве развитых стран, как и в Советском Союзе, к феномену обеспечения межнационального

согласия подходят с позиций сложного управленческого подхода. В стабильной, контролируемой ситуации в этом процессе участвует достаточно ограниченное число субъектов: государственные институты с основными элитными группами. В критических условиях системного кризиса, по мере ослабления государственных институтов и норм, объективно появляются десятки и сотни центров хаотического, разнонаправленного управления со стороны самых различных субъектов: оппозиционных и контрэлитных групп, новых агрессивных кланов, криминальных этногруппировок и т. д.

Поэтому там, где декларируется цель оптимизации национальной политики, необходимость более эффективного межнационального согласия, прежде всего, крайне важно выявить и зафиксировать именно субъекты управления процессом межнационального согласия (или межнациональной напряженности), что сделать, кстати, достаточно сложно.

Например, в структуру кланово-корпоративной структуры нынешней Российской Федерации входят как минимум 850 значимых и влиятельных корпоративных, клановых, квазикриминальных, этнонациональных субъектов. Однако даже приблизительная имитационная модель такой структуры отсутствует. И понятно почему: ведь именно кланово-корпоративная структура является ядром разветвлённой общенациональной коррупционной системы нынешней России.

Если исходить из наиболее общих требований системного подхода, то межнациональное согласие (МС) есть результат баланса между взаимозависимыми функциями этнонационального развития и безопасности.

$$\text{Межнациональное согласие} = \frac{P_1 + P_2 + P_3 + P_4 + P_n}{B_1 + B_2 + B_3 + B_4 + B_n}$$

где P_1, P_2, P_3, P_4, P_n — функции системного развития различных этносов и народов в данном многонациональном социуме, а B_1, B_2, B_3, B_4, B_n — функции системной безопасности различных этносов в этом же обществе.

При этом предполагается, что руководство, лидеры, вожди основных кланов и корпораций в том или ином регионе адекватно, то есть в соответствии с рациональными критериями, оценивают баланс этих функций.

Тогда при сумме, большей или равной единице, можно констатировать процесс оптимизации МС.

При сумме меньше единицы необходимо фиксировать предпосылки межнациональной напряжённости.

Понятно, что для практического мониторинга или политического управления такая формула не будет реально работать, если понятия «развитие» и «безопасность» останутся только некими абстрактными утверждениями. Поэтому необходима их соответствующая декомпозиция.

Развитие большой социальной системы: страна, регион, социум и т.д., — это процесс, который описывается посредством множества количественных и качественных индикаторов.

Например, к квантифицированным показателям этноразвития, в зависимости от типа управленческой задачи, могут относиться:

- валовый региональный продукт на представителя данного этноса (в сопоставлении или без с другими этносами на данной территории);
- количество потребляемой электроэнергии на данного жителя;
- количество студентов на тысячу населения этого народа;
- количество ежегодно выдаваемых патентов, приходящихся на данный этнос, и т.д.

К качественным индикаторам этноразвития могут относиться:

- качество среднего и высшего образования в данном регионе;
- уровень культурной интегрированности данного этноса;

- уровень культурной креативности данного этноса;
- характер и особенности элиты данного этноса;
- наличие или отсутствие в данном этносе идеалов развития;
- уровень дифференциации системного развития внутри данной этногруппы;
- тип самоидентификации данного этноса в отношении характера собственного «развития» и т.д.

Качественные индикаторы, в свою очередь, могут декомпозироваться на ряд переменных.

Известны статистические, экспертные и другие методы и процедуры суммирования количественных и качественных показателей, позволяющие выводить интегрированные коэффициенты этноразвития, которые в дальнейшем можно использовать для компаративного анализа уровней развития различных этносов, выявления баланса развития и безопасности, мониторинга степени этноконфликтности в данном обществе и т.д.

Соответственно, в отношении такого интегрированного системного феномена, как «безопасность», также необходимо сформулировать для данной страны или региона свою систему взаимодополняющих количественных и качественных переменных.

При этом феномен «безопасность» во многих отношениях более сложен для качественного моделирования управления межнациональным согласием, чем «развитие». Например, низкий уровень безработицы среди представителей данного народа может быть показателем не безопасности, а, наоборот, ухудшения безопасности, если при этом, например, возрастает уровень массовой эмиграции представителей данного этноса на другие территории. Этот индикатор достаточно показателен сегодня для очень многих районов Северного Кавказа.

Другой пример. Увеличение уровня безработицы (а это очень важный интегративный фактор на всех стадиях системного кризиса) с 7% до 14% может стать показателем кардинального снижения безопасности этноса при, например, неконтролируемом росте инфляции. Специальные социологические исследования демонстрируют, что при уровне общенациональной безработицы в интервале между 13–18% непропорционально резко возрастает степень социальной, этнонациональной и политической напряженности в обществе. При устойчивой безработице в столице государства от 18% до 25% в течение 12–18 месяцев силовой переворот или революция в этой стране фактически становятся неизбежными.

В многонациональном социуме очень важную роль играет такой показатель, как уровень дифференциации массовых интерпретаций

феноменов «безопасность», «личная безопасность», «групповая безопасность». Степень такой дифференциации, в свою очередь, зависит от характера дезинтегрированности данного этноса по классовым, социальным, клановым, родовым, региональным причинам и т.д. При отсутствии скоординированной и согласованной идеологической «картины мира» в данном социуме или в данном регионе различия в том, что и как считать «безопасностью», резко возрастают. А это уже становится важнейшим индикатором снижения этнобезопасности и, соответственно, роста межнациональной напряжённости.

Одной из наиболее важных проблем эффективного управления «межнациональным согласием» является вопрос: «А кто они конкретно — субъект или субъекты этого процесса, как они взаимосвязаны, каковы их характеристики и качества и т.д.?»

Но предварительно необходимо вспомнить несколько достаточно тривиальных утверждений.

Как известно, в самом широком смысле этносы, народы, нации состоят из элиты (наилучшие) и остальной части населения.

Элита, которая должна составлять в классическом исчислении максимально 3–4% всего

этноса (то есть элиту нельзя сводить только к высшему политическому истеблишменту), характеризуется тремя особыми характерными качествами.

Первое. Именно элита определяет, формулирует и демонстрирует через своё поведение цели и критерии развития. Это означает, в частности, что если элита (или то, что считается элитой) во главу угла ставит приобретение материальных благ любой ценой, то сформировать массы бескорыстных патриотов в данном социуме или в данном народе будет крайне затруднительно.

Второе. Именно элита определяет, формулирует и демонстрирует через своё поведение цели и критерии безопасности.

Третье. Именно элита определяет, формулирует и демонстрирует через своё поведение соотношение, баланс между базовыми ценностями развития и безопасности.

Население же как доминирующая часть этноса:

- в конечном счёте поддерживает ту или иную элитную или квазиэлитную группу, соответственно, каждый этнос, национальность, народ несет свою историческую ответственность за свою судьбу: «каждый народ имеет ту власть, которую заслуживает»;

— сохраняет эффективные и неэффективные традиции обеспечения собственной безопасности.

Одним из очень опасных последствий системного кризиса в нашей стране, который стал зримо проявляться со второй половины 70-х годов XX века, стало так называемое «раздвоение базовых контуров».

Например, в нынешней России существует формальная структура (контур) государственных институтов, обеспечивающих принятие и реализацию важных для общества решений. Но одновременно необходимо фиксировать «раздвоение» этого формального контура в виде наложения на государственную институциональную структуру общенациональной коррупционной системы со своими специфическими нормами, идеологическими предпочтениями, сложившимися традициями.

Такое «раздвоение контуров», естественно, происходит и на этнонациональном уровне.

Каждый народ в России за последние несколько десятилетий испытал кардинальную смену моделей, принципов и критериев формирования этноэлит.

Этноэлиты, которые считались наилучшими ещё пятьдесят лет назад (лучшие учителя, врачи, руководители, писатели, экономисты, инженеры и т.д.), сейчас таковыми уже не являются. И, наоборот, многие из тех, которые тогда считались худшими, сейчас называют себя «элитой» и заставляют общество, через контролируемые СМИ, относиться к себе соответствующим образом.

Классическая в мировой социологии формула Этzioni в отношении эффективного, сбалансированного развития (СР) вполне применима и к оценке МС как управляемого процесса:

$$\text{СР} = \text{РП (10–15\%)} * \text{ТКН (25–30\%)} * \text{КЭ (55–65\%)}$$

ресурсный потенциал	трудовые качества народа	качества элиты
---------------------	--------------------------	----------------

В чём суть этой многократно проверенной формулы? Речь идёт о том, что сбалансированное, гармоничное развитие данного этноса, нации или многонационального социума только на 10–15% зависит от обеспеченности ресурсным потенциалом: полезные ископаемые, водный и сельскохозяйственный потенциал, благоприятный климат и т.д. От трудовых качеств народа: исторические традиции трудолюбия, уважительного отношения к труду, масштабы распространения профессиональных навыков и профессионального образования, уровень технологического сознания и т.д., — темпы и качество сбалансированного развития зависят на 25–30%. Основным же фактором стратегического развития этноса, 55–60%, являются в новой и новейшей истории качества элиты данного народа или социума.

Иначе говоря, практически всегда основным мультипликатором сбалансированного развития выступает элита, её интеллектуальный и волевой потенциал, базовая ценностная система, внутренняя интегрированность и т.д. Именно действительная элита, а не такие формальные и неформальные институты, как власть, высший политический истеблишмент, правящий класс, — является главным субъектом сбалансированного развития.

В многонациональных социумах именно фазы периодического обострения межнациональной напряжённости становятся наиболее показательным индикатором углубления системного кризиса.

Это связано, прежде всего, с двумя моментами.

Момент первый. Как известно, в периоды стабильной ситуации активно интересуются политическими вопросами обычно не более 4–6% населения. В кризисные периоды эта цифра может мгновенно увеличиваться до 23–25%, то есть происходит как бы резкая, «взрывная» политизация общества. Причём в условиях многонационального социума такой показатель становится ещё выше, доходя до 35–40%.

Но ещё более важно другое: в периоды кризисных обострений каждая этногруппа как бы «вбрасывает» в политическую сферу собственные предрассудки, архетипы, исторические страхи и предрассудки. Соответственно, социальные и политические коммуникации резко осложняются, делая крайне затруднительным взаимопонимание и поиск компромиссов.

Момент второй. В периоды острых фаз системного кризиса драматически раскалываются изнутри сами этнонациональные элиты — появляются новые игроки, новые кланы, новые пассионарные лидеры. А вслед за этим обычно начинается дезинтеграция самих этносов. То есть уровень конфликтного напряжения возрастает не только во внешней среде данного народа, но и внутри него самого.

В многонациональных социумах пики межнациональной напряжённости, резкой деградации межнационального согласия приходится на два временных этапа развития системного кризиса.

Первая точка — когда системный кризис переходит некую пограничную линию и становится неуправляемым. Критическое социально-экономическое ухудшение приводит к резкому обострению борьбы за скудеющие ресурсы, за выживание, за физическую безопасность. Борьба, возглавляемая этноэлитами, концентрируется вокруг уменьшающихся экономических ресурсов.

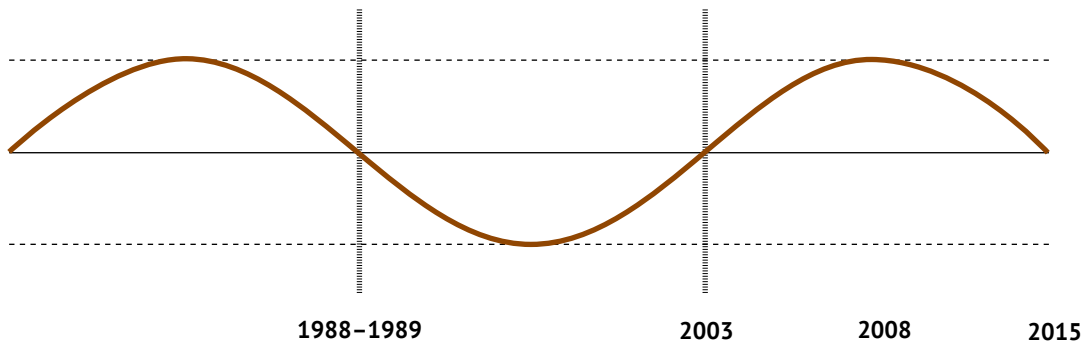
В Советском Союзе, например, системный кризис стал резко обостряться после 1985 года. И самым драматическим его показателем стали развивающиеся, кровавые межнациональные конфликты. Советский социум перешёл в зону фатальной системной неуправляемости, пройдя пограничную линию в 1988–1989 годах.

Вторая точка обострения наступает, когда социум вроде бы постепенно выкарабкивается из системного кризиса, появляются новые экономические перспективы и этноэлиты начинают борьбу за то, чтобы оказаться ближе

к «пирог» — ресурсам и благам, чтобы обеспечить себе в будущем конкурентные преимущества. На данном графике — это точка 2003 года. То есть на этом этапе обостряется борьба за новые стартовые возможности, за перспективы раздела нового экономического пирога.

тически строилась на «интернациональной основе», на базе «бизнес-интернационала». Именно через эту коррупционную систему было сглажено потенциальное недовольство региональных и этнонациональных элит, вызванное целенаправленной централизацией политического режима Путина и усилением

На этом же графике виден особый парадокс современной России. Толчок существенному ослаблению системного кризиса был дан с начала нулевых годов резким скачком цен на нефть. Но одновременно это привело к значительному усилению общенациональной коррупционной системы, которая фак-

тически строилась на «интернациональной основе», на базе «бизнес-интернационала».

Однако глобальный экономический кризис, который начался в 2008 году, остановил повышательную тенденцию в сфере межнационального согласия, и вновь началось постепенное обострение межнациональной напряжённости.

Соответственно, можно прогнозировать, что именно со второй половины 2014 г. начнёт увеличиваться риск того, что Россия вновь уйдёт в зону относительной неуправляемой турбулентности в межнациональной сфере.

Это связано в основном с тем, что динамика межнациональной напряжённости, как свидетельствует приведённый выше график, не подтверждает выхода России из общего тренда системного кризиса. Да, системный кризис СССР в 1991 году дошёл до нижней точки, и после этого график приобрёл повышательный тренд. Но это произошло не потому, что кардинально изменилась система управления, а потому, что сам системный кризис упростился, перейдя на уровень постсоветских республик и отдельных регионов Российской Федерации. Сейчас же Россия вновь сталкивается с аккумуляцией системных противоречий, которые, как и прежде, проявятся через этнонациональную сферу.

Адекватное управление «межнациональным согласием» как процессом в этих условиях предполагает работу прежде всего со следующими шестью факторами:

МС
в условиях циклического
обострения системного
кризиса

$$\frac{СС * СИ * СКС * ОЭ}{ЭЭБ * ЭЭР}$$

где СС — согласованная стратегия
СИ — согласованная идеология
СКС — согласованная кадровая система
ОЭ — общегосударственная элита
ЭЭБ — этноэкспектации безопасности
ЭЭР — этноэкспектации развития

Возможно, такой вариант может показаться многим излишне сложным. Но единственной альтернативой его использованию является использование силового фактора. Однако один из парадоксов системного кризиса заключает-

ся в том, что силовые методы на определённых фазах развёртывания этнонационального конфликта становятся не просто бессмысленными, а превращаются в мощные стимуляторы окончательного развала больших систем.

Собственно говоря, демонтаж Советского Союза это наглядно подтвердил.

К лету 1991 года согласованная стратегия и идеология союзного государства практически перестала существовать. Согласованная кадровая система и советская общегосударственная элита де-факто разрушились на несколько десятков региональных и этнонациональных властных групп. Что касается этноэкспектаций безопасности и развития, то они эволюционировали в двух направлениях.

С одной стороны, прибалтийские республики, в рамках «большого европейского проекта», были ускоренно перемещены под западный «зонтик», где потенциальные внутренние конфликты были достаточно эффективно купированы.

Во втором случае межнациональная напряжённость вылилась в прямые столкновения и гражданские войны. Борьба за власть между кланами очень часто велась в националистическом и конфессиональном обличье. Только в Таджикистане в результате трёхлетней гражданской войны было убито почти двести тысяч человек.

К сожалению, история демонстрирует, что некомпетентность соответствующих «больших руководителей» наиболее трагически выражается именно во время управляемых межнациональных конфронтаций.

/ Сергей БЕЛКИН /

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

О русском и нерусском

В Россию — с любовью

Невозможно сказать что-либо по национальному вопросу в России, что не было уже высказано десятки, а то и сотни, даже тысячи раз. Но написание подобных статей-мнений может быть оправдано тремя обстоятельствами. Первое — попытка инвентаризации и структурирования имеющихся высказываний. Второе — позиционирование автора, обозначение его места среди многообразия взглядов. Третье — формулирование позиции в надежде на эмоциональный отклик читателей, на формирование сторонников озвученных идей.

Увы, но о терминах, как только речь заходит о «национальных проблемах», приходится договариваться каждый раз заново: обойтись без использования слова «нация» и его производных невозможно, а единого общепризнанного толкования: что такое «нация»? — нет. По поводу определения понятия «нация» наш «общенациональный» дискурс переживает период полной анархии: определений множество, но нет ни авторитетной личности, ни «высшей инстанции», которая приказала бы какое-то из определений считать единственно верным. Даже в науке всё не так просто: с точки зрения современной политологии и международного права нация — это национальное государство, это политический термин. Есть и другие подходы, ориентированные на этнические компоненты. Понятие «этноса» сохраняется и активно используется в этнологии и многих других разделах научного знания, существует и такое понятие, как «этнонация». В то же время некоторыми это понятие отвергается как неприемлемое. В литературе можно встретить фразу, поражающую своим псевдонаучным невежеством (из «Википедии»): «Академическая наука отрицает такое понятие, как «этнонация», и признаёт нацией только политическое объединение граждан на основании общего гражданства». Что тут сказать?.. Ну нет такого субъекта: «академическая наука», а в представлении писавшего этот бред «академическая наука» — нечто вроде Верховного суда, выносящего единственный и окончательный приговор. Ссылка на «науку вообще» — типичный приём пропаганды, как и ставшее интернет-мемом словосочетание «британские учёные».

На самом деле, разногласия мнений, звучащая в рамках научных дискуссий, — плодотворна, в рамках же публицистических пикировок — безрезультатна. Как в этих условиях ориентироваться практической политике, которая вовсе не является политологией и даже не обязана на неё опираться «по умолчанию»? Сосуществование разных подходов к наполнению понятия «нация» конкретным содержанием: как политической

общности граждан определенного государства или как этнической общности, объединённой языком, самосознанием и пр., — необходимо для продолжения научной дискуссии, привлечательно для кормления на ниве публицистики, в телевизионных ток-шоу, а также с целью имитации жизни политическими партиями. А вот политическая власть, желающая добиться каких-либо результатов в этом вопросе, должна будет выбрать что-то определённое, иначе объект политического управления просто перестаёт существовать. В этой связи переход от научной дискуссии или просто болтовни на эту тему к принятию политических решений чрезвычайно затруднён.

Мои последующие рассуждения подчинены стремлению найти какие-то опорные или отправные точки для пока ещё не возникшей в России политической власти, которая всерьёз пожелала бы решать национальные и межнациональные проблемы. Поэтому мне придётся, в конце концов, нащупать какие-то критерии для поиска определения «нации». Однако в первой части статьи я намерен оставаться в благодатном пространстве неопределённости, допустимой в публицистике. То есть применительно к российским реалиям, говоря о межнациональных проблемах страны, я могу иметь в виду, скажем, взаимоотношения татар с башкирами или евреев с кумыками, которые кто-то посчитает более точным называть межэтническими.

То, что называют «национальными проблемами», возникает не из-за существования этнического разнообразия. Дело в поведении взаимосвязанных, живущих в симбиозе племён, наций и народностей. Поведение не только зависит, а часто определяется объективно существующей парадигмой жизнеустройства, важнейшими частями которой являются экономическая модель, идеология, действия органов власти. Мы переживаем несколько видов межнациональных проблем. Последствия распада СССР по административно-территориальным границам, разрезавшие целостные тела

народов на части, породили два сорта проблем: наша совесть не чиста перед теми, кто стал людьми второго сорта в новообразованных независимых государствах, плюс к этому нашей проблемой стали мигранты из этих самых стран. Другой сорт — межнациональные проблемы внутри России, нарастающие противоречия «коренных» с «некоренными», между русскими и нерусскими народами страны. Наконец, влиятельным фактором остаётся и «вечное» русско-еврейское сцепление двух мессианских энергий.

В Конституции записано, что Россия — многонациональное государство. По данным переписей, в нашей стране проживает около 200 народов. Большая часть в ходе переписи как-либо себя этнически идентифицирует, относит к какой-либо национальности, руководствуясь некими собственными критериями. Следует отметить четырёхкратный (с 2002 по 2010 год) рост количества лиц, не указавших национальность. Сегодня эта группа находится на втором после русских месте по численности — 3,94%; третьими идут татары — 3,72%, а все остальные народы ещё малочисленнее: не более 1,35% каждый.

Возникает важная, как мне кажется, коллизия между этнической самоидентификацией, научными критериями, применяемыми этнографами (причём они также существуют в разных вариациях) и юридическими признаками. Юридические нормы и критерии определения национальности в России отсутствуют — хотя в Конституции, документе юридическом, это понятие присутствует. Нужно ли приводить это разнообразие подходов

к единому критерию или «и так обойдётся»? Либерально-демократически настроенные граждане завопят с максимальной громкостью, что «в Америке такого нет!» — стало быть, и нам не нужно. Напомнят, что отказ от «позорной пятой графы в паспорте» — великая победа, и лишать оной многострадальный народ нельзя, что «цивилизованным народам для национальной самоидентификации достаточно гражданства»... Граждане, настроенные православно-патриотически, сведут вопрос о национальной идентификации к религиозной и напомнят всем со ссылкой на авторитеты, что «быть русским — значит быть православным»... Просоветски настроенные атеисты скажут: всё в архивах имеется, вот как было записано в паспорте гражданина СССР, так и должно быть теперь — хочешь по папе, хочешь по маме, а третьего не дано... Учёные-этнографы менторским тоном заявят: что вы в открытую дверь ломитесь? Наука давно решила этот вопрос, существует не менее столько-то методов этнической идентификации...

На что же ориентироваться политикам — тем, кто должен строить государство, разрабатывать и реализовывать стратегию его развития на благо и от имени всех народов нашей страны? Вопрос об этнической, национальной идентификации в политическом поле имеет исключительное значение, потому что нельзя управлять процессом, если у него нет никаких доступных определению параметров, если участники процесса не структурированы, лишены субъектности, не могут обеспечить обратной связи в контуре политического управления. В любом случае, как только мы переходим в область практической политики, как только мы хотим как-либо влиять на межнациональное взаимодействие народов России, а не просто наблюдать, — мы должны иметь ясные критерии идентификации акторов межнациональных взаимодействий, знать их устремления, понимать и формулировать общие цели многонационального развития, уметь управлять этими «социальными энергиями». Ещё раз подчёркиваю, что эти знания и умения должны не просто быть: в этнографии, в публицистике всё это имеется в избытке, они обязаны присутствовать в политике, то есть реализовываться в политических программах и через политические и государственные институты. А пока у нас нет ничего. Даже такого очевидного для многонационального государства органа, как Совет национальностей, — и того нет.

Что же нас всех объединяет? Есть ли что-то в этом объединении органическое, необходимое, выгодное? Или мы просто попали в поток истории, в колею, из которой хотели бы повыскакивать кто куда, да что-то не получается?

Попытка сделать религию объединительным фактором была реализована в Российской империи, но его оказалось недостаточно для сохранения страны, основ её жизнеустройства, противостояния идеологическим натискам в условиях кризиса. Конец империи ужасен настолько, что трудно найти исторический аналог как по форме, так и по содержанию произошедшего. Религиозное единство оказалось непрочной с точки зрения сохранения государства материей. Пришедшая на смену новая власть и её руководящая доктрина не просто сместили акцент с религиозного объединительного фактора на светский, идеологический, но и поставили своей целью религию извести полностью. Конец СССР был менее кровав, чем гибель империи, но не менее трагичен. Матрица «коммунистической морали», образ «светлого будущего» тоже оказались непрочными объединительными факторами.

Те представители высших органов нынешней власти, которые обязаны обеспечивать целостность государства, время от времени мечутся в поисках того, что могло бы объединить народ в единое целое, что могло бы перевести межнациональные трения в режим приемлемого диалога. Пытались обрести национальное единство в ненависти к советской власти, к тоталитаризму, сталинизму, пройдя путь от проклятий в адрес «партократов» до наивысшего рейтинга Иосифа Сталина за всю историю: то есть получили прямо противоположный результат, несмотря на прямо-таки подвижнический, но оказавшийся сизифовым, труд СМИ-пропаганды. Бросались пропагандисты и под благодатную сень православных храмов, взыскуя, однако, не столько спасения души, сколько, опять же, неугасимой памяти о зверствах большевиков, докатившись до формулы «Сталин хуже Гитлера». Результат: ни Богу Богова, ни кесарю кесарева.

Если нравственный выбор, поверочный эталон добра и зла у живущих вместе народов сформулирован только в виде религиозных заповедей и норм, но при этом народы не выявляют, не формулируют и не придерживаются зоны светских нравственных заповедей, — их отношения приобретают бескомпромиссный характер, вплоть до борьбы на уничтожение друг друга. То же самое относится и к нерелигиозным слоям населения, атеистам и неверующим, так или иначе выработавшим свой моральный кодекс: если они не смогут найти нравственный консенсус со всеми рядом живущими религиозными людьми, они будут являться друг для друга проблемой, и взаимное отчуждение — вплоть до открытой борьбы — будет нарастать.

В переживаемый ныне период «многонациональный народ» Российской Федерации не имеет вообще никаких видимых общих скреп: ни религиозных, ни этнических, ни идеологических. Вместо этого есть экономические интересы экономических агентов, структурирующихся по доступным им параметрам взаимодействия.

Существующая сейчас в России социально-экономическая модель не позволит решить межнациональных (и национальных) проблем ни для одного из народов, если только среди нас нет народо-мародёра. Рыночная стихия не может указывать какие-либо общие цели, обозначать приоритеты — на то она и стихия. Образ будущего, который нам предложен просто «по факту», состоит в экономической победе наиболее активных над менее активными. «Быть успешным» означает «быть богатым». «Быть современным» означает не быть привязанным ни к каким традиционным ценностям, включая даже язык и культуру. Идеал — быть «глобализированным» космополитом, выбирающим место жительства там, где хорошо и комфортно. Не просто символом, а формулой бытия стал анекдот про червячка, который выполз из-под земли, увидел зелёную травку, солнце и спросил своих родителей: «Почему же мы живем в темноте и грязи?», на что родители ему отвечают: «Потому что там — наша родина, сынок...»

Если в качестве основного источника развития общества признана и призвана экономическая конкурентная борьба индивидуумов, то складывание индивидуумов в соперничающие сообщества неизбежно. Есть люди более предприимчивые,

активные, более других нацеленные на материальную выгоду. Они чувствуют себя вполне комфортно в условиях конкуренции за материальные ценности, потому что выигрывают у тех, кто к ним равнодушен или относит их на второй план, предпочитая «нечто духовное», или считает, что надо жить в братских отношениях и всё делить по-братски. Если при этом «правила игры»: законы, образы «справедливого общества», — поручить писать «экономически активной части населения», получим не просто проповедь либерализма и свободы конкуренции, а жёсткий, безжалостный мир в качестве парадигмы бытия. Никакой «семьи братских народов» — каждый сам за себя. И тогда естественным образом начинают формироваться сообщества, повышающие конкурентоспособность своих лидеров. Возникают не только банды, объединённые общей криминальной целью, но и разного рода национальные объединения, «землячества» и т.п., которые наряду с задачами сохранения языка, традиций, религии ставят и цели конкурентной борьбы, выживания. Это позволяет скреплять сообщество более высокими скрепами, нежели желание объединиться с целью вооружённого ограбления. Мир для членов сообщества начинает восприниматься как «мы» и «они». «Они» — это все остальные, причём по факту «всеми остальными» являются, как правило, русские. Русские для них есть и среда обитания, и антитеза их бытия, и источник материальных ценностей. О том, кто такие русские, — порассуждаем далее, а пока воспользуемся вольностями, позволительными в публицистике, употребляя понятие «русские», как будто и так ясно — кто это.

Русские оказываются — в рамках действующей политико-экономической модели — в заведомом проигрыше. У них в создавшихся условиях нет и быть не может хорошей стратегии. Большинство русских не склонны к посреднической деятельности, их ум не приспособлен для мгновенного и неустанного комбинаторного счёта в параметрах «выгодно-невыгодно», русские чувствуют себя дискомфортно, когда им приходится торговаться. Мне начнут возражать, приводя немало примеров и из истории, и из современной жизни, демонстрирующих и деловую хватку русских, и способности наших туристок торговаться на турецких базарах. Все это так, русские — народ многочисленный, и среди них найдутся те, кто в посреднической экономике чувствует себя как рыба в воде. Но вот чтобы русские сколачивали торгово-экономические сообщества на основе этнической близости — этого не происходит.

(И слава богу — для русских это стало бы не просто деградацией, а самоистреблением в гражданской войне.) Зато это легко, автоматически происходит, скажем, у вьетнамцев, азербайджанцев и многих других народов, оперирующих в этнически чуждой для них среде. Торговые наценки концентрируются в этнических анклавах, формируя устойчивую базу для обособления. Чтобы подобные образования, набирая силу, не разорвали государство, внутри которого они формируются, этому государству необходимо проявлять и силу власти, и силу ума, и силу собственных убеждений. У нас всё наоборот. Действующие в России властные структуры оказывают поддержку как раз именно такого рода «бизнесу», который нельзя «кошмарить», а основную массу трудолюбивого, спокойного народа оценивают как пассивных, ленивых, консервативных, мешающих прогрессу и продвижению реформ. Народ, который хочет и может создавать самолёты, машины и механизмы, корабли и электростанции, работать врачами и учителями, пахать землю и выращивать скот, — этот народ не может реализовать себя и своё предназначение в собственной стране, строящей криминальный посреднический капитализм. Почему же он этого не может, если он такой умный

и талантливый? Это очень важная тема. Русские сами должны беспристрастно и смело «заглянуть в себя», чтобы понять: что нам в самих себе мешает стать субъектами собственного развития? Что не даёт сформировать идеологию развития России в интересах если не всех, то подавляющего большинства её жителей?

Идут попытки оформления идеологии той частью общества, которую мы условно называем либеральной. Идеологии формально не господствующей, но по факту применения либерально-экономической парадигмы — доминирующей. Её функциональная схема та же, что и у нацизма, расизма, фашизма, она строится на противопоставлении «мы» и «они»: мы — «дельфины», они — «анчоусы», мы — «пчелы», они — «мухи». В общем, мы — элита, правящее меньшинство, они — стадо, быдло и т.д. Та часть общества, от которой эта идеология исходит и которую у нас называют элитой, этнически неоднородна. Там есть представители всех народов СССР и даже сверх того. Эти люди стали «элитой», то есть обладателями больших состояний, высокого положения в управленческой иерархии и т.д., — в силу собственной наглой активности, природного комбинаторного мышления,

воли, устойчивого стремления к богатству, власти, отсутствия разного рода тормозящих сантиментов типа совести, морали, сострадания и т.д. В рамках действующей, во многом ими созданной и ими узаконенной парадигмы они практически с неизбежностью должны всех прочих под себя подмять, загнать в стойло. В том числе и силой. Пока, в основном, «мягкой силой», посредством контроля за СМИ и сферой культуры, но, при необходимости, и вполне жёсткой. «Единство и целостность» ими понимается вполне определённо: «мы» — устойчиво сверху, «они» — всегда снизу.

При таком подходе вопрос о национальности выталкивается на периферию, выводится в область личного, перестаёт быть государственной проблемой, а вместе с тем и межнациональные проблемы не становятся проблемой государства. Первые, кого фактически лишают этничности, конечно, русские. На вопрос: «Кто такие русские?» — последует ответ: «Да все мы тут русские, россияне, а для исследования этничности у нас есть институт этнографии, есть фольклорные экспедиции...» Для подобного подхода восприятие нации как граждан государства становится более востребованным, нежели иные подходы. Но достаточно ли этого уровня этнической дифференциации для успешного целостного развития России, сохранения и сбережения национальных ценностей всех проживающих в ней народов? Мне ясно, что недостаточно, а «им» может и этого казаться многовато: всё-таки тащится за названием «Россия» след этничности, может, переименовать её во что-то типа «Северная страна», всех назвать «севеространцами» — и дело с концом?

Страх перед наличием господствующей идеологии должен быть отброшен. России необходима идеология, причем, разумеется, как господствующая, а не в форме произвольной мешанины равноправных идеологий в пространстве СМИ. У страха перед господством какой-либо идеологии есть причины. Идеология марксизма-ленинизма просуществовала слишком долго в неизменном догматическом виде, насаждалась в нежизнеспособной квазирелигиозной форме, содержала в себе элементы, которых в идеологии быть не должно: жёсткие указания по применению единственной экономической модели. Эти недостатки и стали факторами разрушения общества и государства. Понятно, почему и как они сформировались, стало быть, тем проще избежать ошибок при создании новой идеологии, адекватной тем историческим задачам, которые стоят перед страной и народом. Какой должна быть эта идеология и откуда её взять? Оттуда же, откуда берутся все идеологии

на свете: в результате целенаправленных совместных действий учёных, политиков и народа — как источника, носителя и верификатора адекватности идеологии. Но некоторые бесспорные — во всяком случае, для меня — основания подобной идеологии обозначить необходимо.

В идейной, идеологической платформе новой общности современной России нужна объединительная цель, достижение которой возможно только общими усилиями! Нужна общая — светская! — нравственная платформа, не противоречащая религиозной морали основных конфессий. Укладывается ли сказанное в банальную — совершенно правильную, но утратившую силу свежего слова, — истину: уважайте обычаи и традиции друг друга? Нет, не укладывается, и вообще, этот призыв в реальности не обеспечивает необходимого уровня сотрудничества и соперничества.

Нужен общий Большой Смысл и привлекательный для всех образ общества справедливости. Межнациональные проблемы станут фактором взаимообогащения и взаимопомощи, если все народы будут объединены наднациональной целью, принимаемой всеми как высшая цель и высшее благо. Наднациональная цель должна быть и над-религиозной — но не атеистической (этот опыт уже имеется и должен быть осознан, уроки должны быть извлечены). Но самая большая проблема — раскол внутри самих русских. Мы, русские, не можем объединиться ни организационно, ни ментально. Мы боремся друг с другом по линиям раскола, проложенным десятилетия, а то и столетия назад. Мы не то что «два народа в одном», а несколько борющихся народов в рыхлой общности «россияне». Только «общее русское дело» для «белых» и «красных», для верующих и неверующих может стать основой национального единения.

Нужна радикальная смена модели жизнеустройства. Радикализм лежит не там, куда нас загоняют глупые или злонамеренные говоруны. Нет дилеммы «социализм/капитализм», нет дилеммы «план/рынок». Когда-то они были, а теперь — нет. Всё названное — инструменты в распоряжении народа, стремящегося к развитию. Инструментами этими можно и нужно пользоваться «то вместе, то поврозь, а то попеременно».

Радикализм лежит в сфере смены образа общества, к которому стремимся, в котором хотим жить. Не торжество алчности, называемой «экономической эффективностью», не торжество бессердечности, называемой «конкуренцией», не торжество порока, называемого «свободой личности», должны стать отличительными чертами общества будущего. Радикализм лежит и в сфере образа собственного прошлого, которое сегодня явлено пропагандистами в виде долгой цепи позора, неудач, зверств, несправедливостей, где завершающим звеном являются 70 лет кромешной тьмы и небывалого ужаса «тоталитаризма». Наше прошлое, и в первую очередь самое ближайшее, должно восприниматься как долгая последовательность побед и достижений, как сияние гордости и славы, как сложный и оттого наиболее ценный путь поиска справедливости, праведности, любви, расцвета личности. Творческий рост, духовное, культурное развитие личности, рост и удовлетворение растущих нематериальных потребностей — вот цели и вот мерило справедливого, гармоничного жизнеустройства.

Покуда радикальной смены жизнеустройства не произошло, надо жить в реалиях дня сегодняш-

него и решать текущие злободневные проблемы межнациональных отношений. Есть проблема «уменьшительного национализма», есть проблема «мигрантов», есть проблема «исторической памяти» и множество других.

Стало общим местом, что русский народ: со всем комплексом собственной культуры, истории, менталитета, со своим языком, традициями, сложносоставной этничностью, со своим опытом строительства большого государства и удержания в своей орбите многих народов, — один только и может сохранить Россию хотя бы в существующих границах. «Хотя бы» — потому что в меньших границах задача самосохранения русского народа может оказаться объективно невыполнимой. Экспериментальная проверка рискует привести к необратимым последствиям, к распаду Российской Федерации на множество мелких слабых государств. Судьба русских в этом случае станет похожа на судьбу русскоязычных, оказавшихся в обретших независимость бывших союзных республиках: от трагической до убогой. Есть среди русских граждане, жаждущие этой судьбы? Есть, несомненно. Такие же самые русские и СССР развалили, стремясь к вполне меркантильным целям в рамках личной судьбы. Сейчас они не только провозглашают, но и хлопочут по поводу «отделения Кавказа» и всего того, что создаёт для них проблемы. Трагизм усиливается тем, что развалившие СССР, сбрасывая балласт, никак не пострадали, а, напротив, полностью добились своих целей: кто восседает, кто возлежит, но никто из них не разочарован в содеянном. Их пример для нынешних «уменьшительных мясников-расчленивателей» заразителен.

Но не слишком ли я категоричен? Разве не может Россия скукожиться до размеров трёх Польш или двух Украин и строить своё, пусть не «Великое», но самодостаточное и «нормальное» моноэтническое государство? Может, конечно. Только это будет в лучшем случае очень бедное государство с неправдоподобно бедным населением, потому что промышленности у России уже нет, и жить не то что как Германия, но даже как Чехия — за счёт продажи продукции — она не сможет. А нефти и газа тоже не будет, потому что всё это достанется другим народам, на территории которых данные богатства в недрах и лежат, либо поступит в распоряжение сильных государств. Те русские, которые не смогут никуда убежать с Великой русской равнины, вернуться к рыбной ловле, корчеванию лесных полян, заготовке не менее 20 кубометров леса для обогрева семьи в течение 9 месяцев, запасанию на зиму нескольких тонн сена для скотины... Подробнее — читайте классиков

русской литературы, описавших быт русского крестьянина в прошлые века.

Конфликты в связи с мигрантами в Москве, принимающие форму межнациональных, имеют совершенно иную природу. Полчища обездоленных внедряются в города, где можно так или иначе прокормиться. Власть вот уже двадцать лет совершенно безжалостна по отношению к москвичам и жителям других регионов. Ситуацию можно гораздо эффективнее регулировать с помощью строгого визового режима и контроля за трудоустройством, регистрацией, проживанием. Здесь как раз уместно неприемлемое в большинстве других случаев сравнение с Америкой: попробуйте получить рабочую визу в США — это совсем не просто. Выдача такой визы обусловлена наличием контракта с американским работодателем, который принимает на себя множество жёстких обязательств в связи с приглашением иностранца. Демагоги скажут, что и в США полно нелегальных мигрантов, что эти меры не решают проблему полностью и т.д. Это так, но существенно улучшить ситуацию эти меры могут. Кто же против этого? Против — неоравновладельцы, эксплуатирующие труд мигрантов. Против — «уменьшительные националисты», которым необходима «античурочная» социальная энергия. Против — либерально-демократические мародёры, которым нужно демонизировать русских националистов и стимулировать проявления «русского экстремизма». Против — взяточники-чиновники. Многие против...

Интерпретация отечественной истории тоже может способствовать разжиганию межнациональных проблем. На примере независимых государств из числа бывших республик СССР очень хорошо видно, как абсолютно все негативные, по мнению пришедших к власти политиков, страницы истории связываются с русскими. Советский период их истории однозначно определён как русская оккупация. «Зверства коммунистического режима» — это зверства русских по отношению к коренному населению и т.д. Доходит до уже несусветной дикости, когда голод на Украине не просто на уровне политической агитации, а на государственном уровне объявлен геноцидом, действиями русских против украинцев. А что в ответ сказала и сделала Россия? Да ничего... Кто что хотел, тот то и сказал, нашлись у нас «учёные» и «политики», вполне поддерживающие подобные взгляды. А во что превратились стенания по поводу «сталинских депортаций народов»? В устойчивую привязку к плохим русским, которые переселили хороших нерусских, — оказывается, совсем не сотрудничавших с нацистскими оккупантами в ходе войны, а боровшихся с тоталитарным режимом. Неприятие советского периода нашей истории превратилось в русофобию для очень многих людей, придерживающихся самых разных взглядов. Продолжающееся оскорбительное отношение к нашей жизни в СССР приводит к нарастающему межнациональному напряжению.

Что же делать государству с русскими и русским с государством? Прежде всего, следует на государственном уровне рассмотреть вопрос о том, кто такие русские и кого считать русским. На уровне научных исследований, на уровне публицистики этот вопрос не просто многократно вдоль и поперёк рассмотрен, а, можно сказать, замусолен. Предложено множество критериев, и всяк волен придерживаться своего. Место этой мозаике мнений — там, где она сегодня и существует, а вот государство должно выбрать какой-то единственный вариант. Только тогда окажется возможным каким-то образом взаимодействовать государству и русским. Сегодня никакое взаимодействие русских с государством невозможно, потому что русские — неопределённое с правовой, а значит, и с политической точки зрения понятие. Когда на словах признают государствообразующую роль русского народа, но при этом отказывают русским в формировании той внутренней силы сцепления, которая есть обязательное условие силы имперского народа, — ничего не выйдет. Похожие или точно такие же проблемы есть и у других национальностей страны, и они тоже должны

быть решены, но проблема русских — наиболее острая и разрушительная в силу особой роли самого многочисленного народа нашей страны. Пока не установлена чёткая взаимосвязь между самоидентификацией русских и их идентификацией со стороны государства — страна будет разрушаться под воздействием нарастающих проблем.

Подвариантом этой проблемы является и вопрос о русских, оказавшихся гражданами национальных государств, которые вылупились из бывших союзных республик. Во многих из этих стран вопрос о том, кто такие русские, выглядит решённым: это русскоязычные, и они являются людьми второго сорта. То, что было совершено по отношению к этим десяткам миллионов людей со стороны, прежде всего, московской власти периода распада СССР, есть подлость, нравственное преступление. Этому должна быть дана оценка, но не в ней только дело. «Русскоязычные» люди живы и всё ещё верят в то, что Россия — это государство, которое их защитит, им поможет. Что-то на уровне «клубов русской культуры» Россией поддерживается, но и то недостаточно и неуверенно. Однако главное — в ином. Россия по отношению к русским во всём мире не играет той роли, какую играет, например, Израиль по отношению к евреям. У евреев нет другой «своей» страны, и у русских нет. Но евреи выработали не только механизмы защиты, формы поддержки и прочее, но и метод идентификации евреев, без которого они просто никак не смогли бы ни существовать, ни поддерживать «своих». Хорош или плох этот их метод — другой вопрос, но у русских на государственном уровне нет вообще никакого способа идентификации русских, а потому невозможна и последовательная работа по взаимодействию с тем, что мы — больше поэтически, нежели юридически, — называем «русским миром».

Позитивный опыт ищут либо в далёком прошлом — в Российской империи, либо в далёких странах — например, в США. И там и там можно найти позитивные моменты, но воспользоваться этими позитивными моментами как моделью жизнеустройства никак невозможно — всё другое: время, люди, пространство, жизненный уклад, ценности, традиции. Трудно, да и не нужно пытаться решать сложные социальные задачи с нуля, то есть без учёта имеющегося исторического и практического опыта. Логичнее всего обратиться к собственному — советскому — опыту. Потому что он наиболее близок нам по времени, потому что он может быть наилучшим образом

изучен, потому что наше общество в большинстве своём состоит из людей не просто знакомых с этим опытом, а являющихся его носителями. Ну и потому, конечно, что советский опыт даёт пример одного из вариантов решения национальных проблем в многонациональном государстве. Слышу справедливые возгласы: так ведь именно межнациональное напряжение разорвало СССР, вы предлагаете перенять неудачный, губительный опыт! Во-первых, предлагаю не перенять, а изучить. До сих пор непредвзятого исследования по данной проблеме нет. Есть пропагандистские опусы, написанные или чёрной, или розовой краской.

«Советский народ» — это общая цель, общие принципы жизнеустройства. Однако поиск общей моральной платформы успехом не увенчался: были подавлены или унижены как религиозные, так и национальные традиции, — прежде всего, у основного, русского народа. То, как именно межнациональные отношения разорвали СССР, нуждается в тщательном исследовании. Важно, в частности, внимательно исследовать процесс вскармливания тех, кого потом назовут националистами, выявить факты подталкивания их к ак-

тивным действиям, увидеть роль московской высшей власти, вознамерившейся с их помощью «сбросить балласт». Надо отделить реальные проблемы развития национальных культур от политической мастурбации «национальных чувств». Сделать это надо не только для того, чтобы знать, как и почему развалился СССР, но и для того, чтобы не дать развалить его самый большой на сегодня обломок — Россию.

Советский опыт решения межнациональных проблем огромен, во многом трагичен, но в фазе устойчивого развития несёт в себе немало позитивного. До сих пор большинство бывших советских граждан разных национальностей, вспоминая собственную жизнь, скажут, что у них не было национальной неприязни к другим народам. Кто из современных политиков может ответить на вопрос: почему люди так думают и так оценивают свою жизнь, можно ли причину межнационального согласия выявить и воспользоваться ею сегодня? Увы, все заняты пропагандой примеров отсутствия межнационального согласия и твёрдым желанием отбросить всякий позитивный опыт, если только он лежит в пространстве СССР. Русские необратимо деградируют

и потеряют последнее, если не научатся открыто и искренне любить свою страну, и прежде всего, её ближайший советский период. Ключ к будущему России — в Советском Союзе. Но до тех пор, пока при упоминании СССР почти каждый автоматически вспоминает про ГУЛАГ, «сталинские репрессии», «подавление инакомыслящих» и прочие психологические «якоря» промывочного сознания, деградация продолжится. Если вы, читатель, на этом месте уже одёрнули меня взглядом: «А разве всего этого не было?!» — стало быть, эти якоря всё ещё работают и удерживают вас от нравственной жизни. Да, всё это и многое

ещё из очень плохого — было. И забывать про это не надо. Но и жить этим — тоже не надо. Любить свою Родину надо целиком, а не «всё — минус 70 лет советской власти», надо непрерывно помнить все её позитивные черты, все достижения и победы. Даёт силы гордость, а не медитация на плохом. Вся долгая история страны должна быть осознана как непрерывная, целостная траектория жизни народа, решающего исторические задачи на пути к своей постоянной высшей земной цели. Надо обрести нечто, объединяющее всех, нечто высшее по отношению к национальности и конфессиональной принадлежности. Концепт «граждане страны» — на единение не работает: в нём нет мечты, нет образа будущего, нет метафизики. Нужен новый параметр общности.

Решение межнациональных проблем не есть нахождение правильного ответа в задачнике по алгебре. Не существует «решения», способного раз и навсегда «закрыть проблему». Это бесконечный, требующий постоянной регулировки и корректировки процесс осознанных политических действий. Причём России не у кого этому учиться, кроме как у самой себя. Решение национальных проблем России — творческая задача, потому что изменяется всё: и внешние условия и содержание национальной жизни, и её близлежащие цели. Национальные проблемы надо год за годом, поколение за поколением удерживать в поле мирного соперничества, сотрудничества, не допуская непримиримых противоречий, конфликтов. Даже «мононациональное» — по каким-нибудь критериям типа ооновских — государство не избавляется само по себе от внутренних противоречий, которые от национального уровня переходят на родоплеменной или региональный. Зародыш этого в среде русского народа уже явственно виден: таблицы переписи населения вводят следующую норму: «русские, в том числе казаки и поморы». Не существует способа окончательного снятия межнациональных противоречий, кроме как полного исчезновения национальной самоидентификации, чего не предвидится.

Вернёмся к ранее обозначенной задаче: наметить подходы к определению нации как понятия практической политики, а не политологии, не этнологии и т. п. Практическая политика — конкретна, она оперирует в определённой стране и в определённое время. Исходный принцип национальной идентификации для целей практической политики должен состоять в следующем: определение нации зависит от того, какую страну мы хотим построить, какое общество сформировать. Наши

цели-ценности-идеалы — вот путевые столбы и путеводные звёзды.

Если мы хотим построить нечто вроде США, эдакую «русскую Америку» — империю, в которой этничность есть личное дело каждого, но при этом толерантность предписывает делать вид, что этнических, тем более расовых отличий во взаимоотношениях людей как бы не существует, тогда нация — это только гражданство.

Если мы хотим построить нечто вроде огромного Израиля от Балтийского моря до Тихого океана, то есть этническое государство русских (в котором на определённых условиях живут и другие народы), то нация — это этничность, и надо будет установить то или иное правило определения этой этничности: по крови или как-то ещё...

Если мы хотим построить «просто Россию» (а я считаю, что только это и следует делать), то мы не должны ни на кого оглядываться, кроме самих себя, и смело созидать нечто новое, чего никогда нигде ни у кого — в том числе и у нас самих — не было. Мы должны строить мощную процветающую страну, в которой всем живётся хорошо, без непременно утраты национальной, этнической идентификации, либо непременно возведением её в ранг особой значимости. Каждый из нас с точки зрения практической политики обладает всеми признаками одновременно: и гражданством, и этничностью по языку, по культуре, по крови. Россия гораздо сложнее всех прочих стран, и каждый из нас — сложносоставной элемент. Всё множество наших признаков идентичности нам необходимо, мы оперируем ими всеми одновременно и осознанно. Этому сложному содержанию должна соответствовать и сложная форма государственного жизнеустройства, которую предстоит создавать и создавать. Определив общие для всех цели, ценности и механизм этнического выбора, мы сможем определить и форму государственного жизнеустройства.

Государство и любовь — вот в чём вопрос! Нет, я не о любви к государству. И даже не о любви к своей стране. Я о другом: хочу ли я ощущать любовь государства к самому себе, причём во всей моей многосоставной сложности? К себе, у которого нет другой Родины, у которого нет другой защиты, другой судьбы, другого прошлого и другого будущего? Да, я хочу ощущать себя частью самой могучей и доброй силы в мире не только на основе моих представлений и фантазий, а потому, что ежечасно чувствую руку могучего доброго богатыря, — а им может и должно быть только моё государство, — на своём плече. Как давно об этом думал Тютчев: «Единство, — возвестил

оракул наших дней, — /Быть может спаяно железом лишь и кровью...»/Но мы попробуем спаять его любовью — /А там увидим, что прочней...» Увы: пока так и не попробовали.

В заключение — о свободе и подлинности. Чем больше у нас идентификационных признаков, чем они определённые, тем менее мы свободны. Каждый из нас обладает огромным набором признаков: я — мужчина, гражданин России, православный, великоросс, публицист, сторонник партии «АБВГД», противник партии «ЕЖЗИК», не либерал, консерватор, — и т.д. Каждый такой признак сооружает вокруг моей сущности очередную оболочку, всё чётче и чётче оформляя мою социальную личность. При этом моё «подлинное я», моя сущность, рождённая чистой, незамутнённой, исполненной любви и сострадания к миру, видна всё меньше и слышна всё тише. Моя сущность рождена в неслиянном единстве со всем сущим, и это единство в течение жизни шаг за шагом разрушается. Мы утрачиваем ощущение целостности, счастья, глубочайшей осмысленности жизни, данной нам не в логических знаках, а в ощущениях. Мы перестаём быть подлинными — вместо нас начинают действовать социальные маски, личины. Как сочетать эти оболочки, возникающие в виде неизбежной расплаты за социализацию, с сохранением той подлинности, которая только и способна обеспечить устойчивую целостность мира при сохранении и развитии индивидуальности? Какие из этих оболочек нужны или неизбежны, а от каких можно и нужно отказаться?

Парадоксы национализма

/ Леонид САВИН /

Традиционно принято считать, что в основе любого этноконфликта лежит феномен этноцентра — т. е. чёткое разделение на две категории: «мы» и «чужие». Из этноцентра проистекает этноцентризм. Этноцентризм (греч. ἔθνος — народ, племя; лат. centrum — центр круга, средоточие) принято называть: 1) механизм межэтнического восприятия, заключающийся в склонности оценивать явления окружающего мира сквозь призму традиций и норм своей этнической группы, рассматриваемой в качестве всеобщего эталона;

2) отношение предубеждения или недоверия к посторонним, которые могут существовать внутри социальной группы. Этот термин ввёл Уильям Самнер в 1906 г., делая акцент на двойной моральный стандарт в поведении внутри групп по отношению к чужакам.

Показательно, что до последнего времени в науке господствовали, как правило, западные точки зрения на данную проблематику, которые связаны с либеральным мировоззрением. В этом спектре к широко известным концепциям причин этноконфликтов относят:

1) «Эффект размораживания». В этом случае «лёд» авторитарного правления выполнял сдерживающую функцию. Но когда он начинает таять, «старая ненависть» между этническими группами возрождается и подпитывается несовместимыми требованиями, доходящими до самоопределения и политического суверенитета. Эта точка зрения является наиболее распространённой среди западных политиков в отношении последних (и замороженных) конфликтов на Балканах и Кавказе.

2) Ульрих Бек считает, что всему виной является глобализация, так как она вынуждает народы выступать на защиту своего дома и провоцирует агрессивный национализм, который угрожает существующим государствам, где национальные и политические границы не совпадают.

3) По другой версии, связанная с глобализационными процессами всемирная экспансия рынков создаёт неравенство между торгующим меньшинством и большинством населения, в то время как распространение демократии даёт различным демагогам возможность роста до неуправляемых масштабов.

Анализ процессов глобализации лучше отражает объективные процессы, с которыми столкнулись как периферийные страны, так и ядро мирового капитализма (по классификации Валлерстайна). Более того, обратная волна глобализации, похоже, накрывает развитые промышленные страны, создавая непредвиденные эффекты по целому ряду направлений (неконтролируемая миграция, появление новых технологий у стран третьего мира, что подрывает монополию Запада, создание контргегемонистских альянсов как на международном пространстве, так и внутри самого Запада).

Если до 90-х гг. в биполярном мире причина противостояний имела классовый и идеологический характер (а этноконфликты считались некими рудиментами предыдущей эпохи), то после окончания холодной войны произошёл определённый сдвиг в политическом мышлении Запада. Было выработано три точки зрения на вопрос в решении проблемы этноконфликтов:

1) прямое политическое или военное вмешательство в дела развивающихся стран является вполне допустимым, так как угроза перерастания конфликта в мировую войну с применением ядерного оружия практически сведена к нулю;

2) с поражением коммунистической модели западные политические и экономические доктрины на практике стали распространяться глобально;

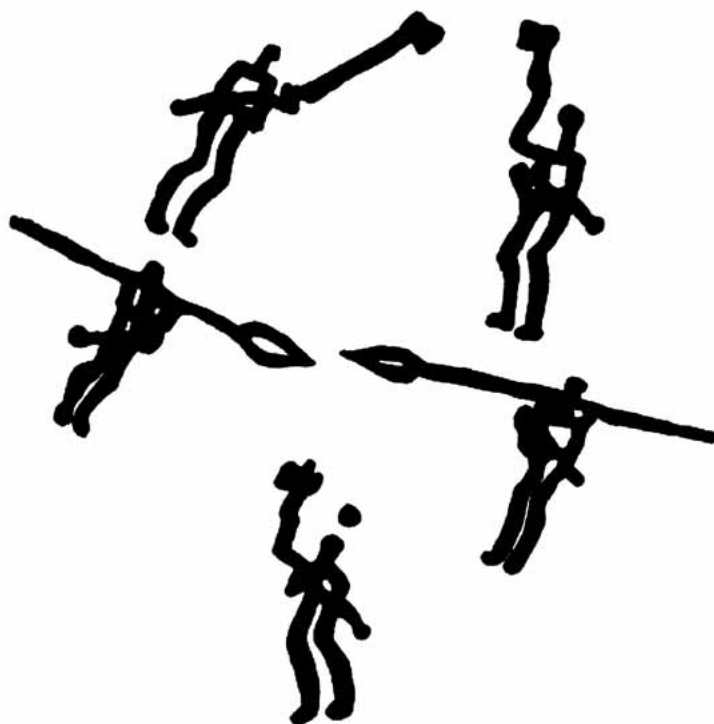
3) потоки беженцев после ряда конфликтов способствовали пониманию необходимости выработки механизмов предотвращения, раннего вмешательства и других форм воздействия, ко-

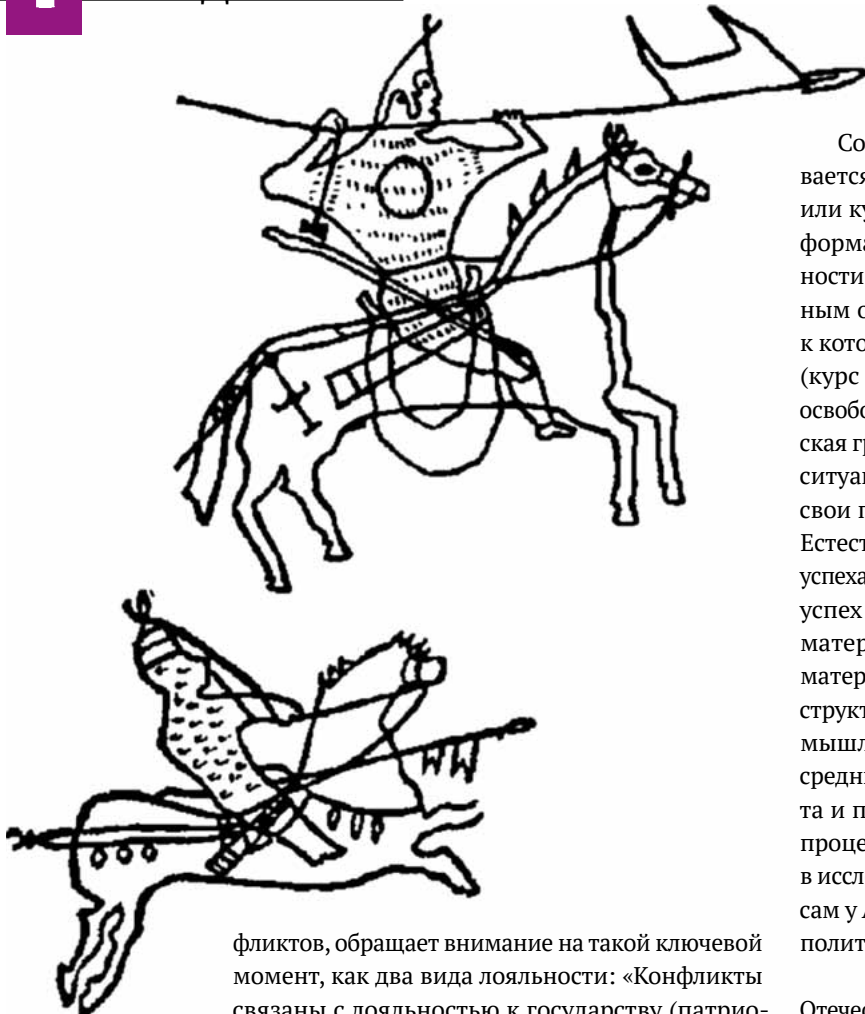
торые вошли в традиционный набор международной политики.

Логическим завершением попытки решить проблему конфликта с западноцентричной точки зрения стало появление международного суда по геноциду в Руанде и Югославии.

Тем не менее модернистская юридическая парадигма не в состоянии предотвратить конфликты, которые возникают между различными этническими группами. Иными словами, идея того, что «Запад не прав», стала распространяться не только среди остальных, незападных народов, но и внутри самого Запада. Поэтому вместе с рядом новых терминов появились и системные исследования по этому вопросу, в первую очередь направленные на критику римского права. Вследствие этого в западном сообществе относительно недавно было выработано такое определение, как полицентрическое право. В теории предлагалось применять его не только в разрешении конфликтов между определёнными группами, но также и при решении социальных и общественных проблем — например, таких, как загрязнение воздуха. Также рассматривались возможности правовых и этических альтернатив в современной правовой теории и возможности применения полицентрических правовых теорий в качестве как деконструкции идеи единого законодательства, так и реконструкции правовых и этических различий.

Вместе с этим продолжалось развитие и классических школ по этноконфликтам. Уолкер Коннор, рассматривая причины появления этнокон-

фликтов, обращает внимание на такой ключевой момент, как два вида лояльности: «Конфликты связаны с лояльностью к государству (патриотизм) и с лояльностью к национальной группе (национализм). Среди многих исследователей принято интерпретировать первую группу в качестве «гражданских националистов», а вторую — в качестве «этнонационалистов». «Лояльность к государству социополитична по своей природе и базируется в основном на рациональном и личном интересе. А лояльность к нации скорее интуитивна, чем рациональна, и основана на чувстве кровного родства». Однако Коннор ошибается, считая, что «этнос» — это греческий эквивалент слова «нация», а само слово «этнонационализм» является тавтологией. Этнонационализм скорее является процессом перехода этноса в нацию, и если он совершается, то при рождении новой нации происходит этноцид. Данный факт является очередным примером многочисленных заблуждений западной научной мысли, запутавшейся в лабиринте терминов и дефиниций.

Есть интересный взгляд, предполагающий осмысливать процесс этнификации и национализации не с позиции организма, коллектива индивидуумов или отдельного субъекта, ограниченного какими-либо рамками, а в терминах процессов, отношений, динамики и событий, т. е. как единый процесс, разворачивающийся в политическом, социальном, культурном и психологическом измерениях.

Согласно этой идее, в обществе разворачивается реализация политического, социального или культурного проекта, что в процессе трансформации позволяет выйти на уровень этничности. Это может происходить довольно циничным образом. Как пример подобной политики, к которой применяется термин *politique du pire* (курс на ухудшение), можно привести Армию освобождения Косова — данная военно-политическая группировка стремилась радикализировать ситуацию как можно быстрее, чтобы улучшить свои перспективы в будущем, и это ей удалось. Естественно, что не все такие группы достигают успеха, а те, которые его достигают, делают данный успех частью культурного и психологического материала, с которым работают дальше. Этот материал состоит либо из глубоких культурных структур, либо умеренных и надёжных способов мышления и реакций, которые представляют средний диапазон наследия исторического опыта и политического действия. Это напоминает процессы этнодинамики, подробно описанные в исследовании по этносоциологическим процессам у Александра Дугина, но уже в современной политической плоскости.

Отечественные исследователи не упускают из виду и такой феномен, как этнократия, часто связывая её с различными конфликтами, в том числе произошедшими на территории бывших советских республик или в регионах России, в частности, на Северном Кавказе. Этнократия (от греч. *ἔθνος* — народ, племя, *κράτος* — господство, власть) — это форма политической власти, при которой управление экономическими, политическими, социальными и духовными процессами осуществляется с позиций примата национальных интересов доминирующей этнической группы в ущерб интересам других этносов. Жан Тощенко указывает на ряд черт, которые были характерны для этнократии с конца 80-х годов в нашей стране: она нигде и никогда не зарождалась «снизу» и стихийно, а являлась порождением этнических элит, целеустремлённо создающих почву, благоприятную для зарождения этнократии. Эти элиты использовали кризисное состояние общества, применяя классический, уже многократно испытанный арсенал средств:

а) спекуляцию на чувстве национальной ущемлённости «своего» этноса и его стремления к национальному возрождению;

б) в качестве катализатора стремления этноса к национальному возрождению используется идея обретения им собственной государственности или, если таковая в той или иной форме имеется,

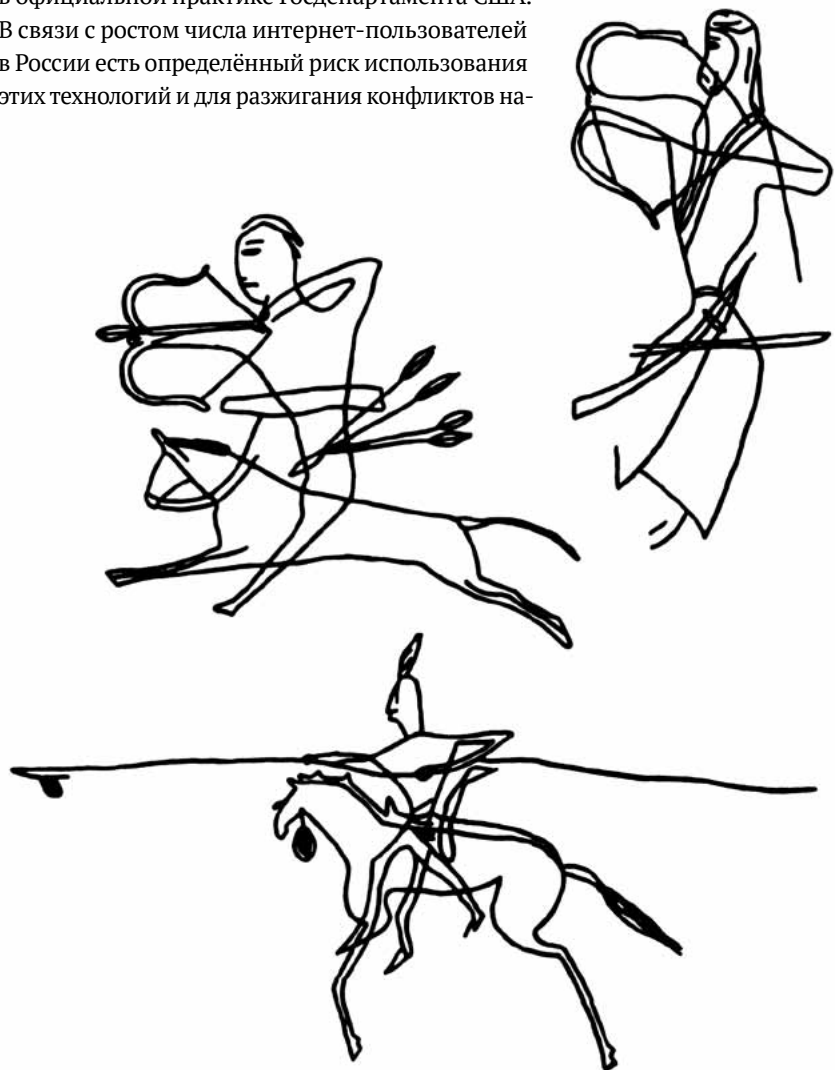
обретения последней суверенитета, в том числе ценой сепаратизма;

в) отсюда проистекает националистическая идеология, которая рассчитана на мифологизацию сознания посредством мифов об историческом прошлом, о враждебности численно преобладающего «господствующего» народа, о культурной самодостаточности, о религии как главном факторе самосохранения этноса и т. п.

Следствием политических притязаний этнически амбициозных лидеров, как правило, становится монополизация ключевых позиций в управлении «своими» территориями, опирающаяся на «сквозную» этнизацию государственных и общественных структур, создавая диспропорцию по отношению этнических представителей во власти и за её пределами. Вместе с этим идёт распространение вульгарного понимания национализма, апеллирующего к низким инстинктам, историческому ревизионизму и ксенофобии. Тощенко отмечает, что российские этнократии имеют ярко выраженный экономический облик и в то же время стимулируют приток мигрантов из других территорий, в том числе республик СНГ. Данное наблюдение вполне применимо и к другим странам, где при этническом разделении правящая группа создаёт благоприятные условия для возвращения представителей своего народа, в то же время проводя дискриминацию по отношению к другим этносам.

Однако апелляция к этнической принадлежности всегда являлась составляющей внешней политики того или иного народа, а позже — государства. В Ветхом Завете упоминаются племена, враждебные еврейскому народу, и описываются различные битвы с ними. Британия подстрекала бедуинов к восстанию против Оттоманской империи, взывая к их этническому сознанию. Во время Второй мировой войны в Третьем рейхе тщательно изучали и занимались пропагандой этнонационализма по отношению к народам, проживавшим на территории СССР. В некоторых случаях коллаборационисты перегибали палку, как в случае Ярослава Стецько, который в оккупированном германскими войсками Львове объявил о независимости Украины. Не были исключением и США. В 1958 году там был создан Комитет порабождённых народов (Captive National Committee), в основе деятельности которого лежала стратегия подрывных действий против СССР путём поддержки этнического национализма. К работе комитета и его созданию был причастен небезызвестный социолог Уолт Ростоу, который в этот период был спичрайтером Дуайта Эйзенхауэра. В последнее время вопросы этнонационализма

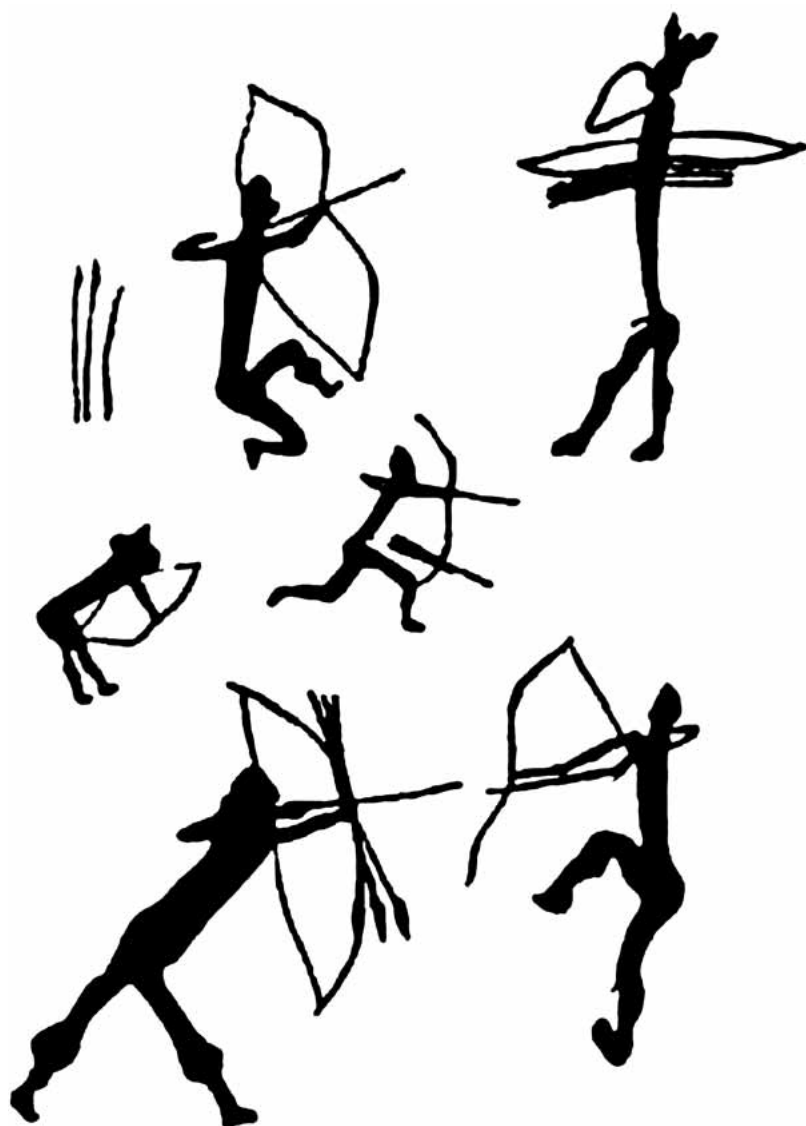
и его использования в подрывных целях против государств не менее актуальны. К этому нужно добавить новые коммуникационные возможности, многоуровневые социальные процессы, проходящие в мировой политике, а также возможность проведения подобной деятельности силами малых групп. Применительно к России часть из них представляют националистические организации крайне правого толка, как делающие акцент на русском шовинизме, так и представляющие этнические меньшинства. Например, активисты Черкесского конгресса во многом действуют в сети Интернет, устанавливая коммуникации и распространяя различную информацию, в том числе идеи признания геноцида черкесского народа, разделения Карачаево-Черкесской Республики, создания Великой Черкесии и выхода из состава Российской Федерации. Согласно фактам, во многом идеи черкесов, в том числе требование отменить проведение зимней Олимпиады в 2014 г. в г. Сочи, поддерживаются США. Этот инструмент «мягкой силы» активно используется в официальной практике Госдепартамента США. В связи с ростом числа интернет-пользователей в России есть определённый риск использования этих технологий и для разжигания конфликтов на

подобие Арабской весны и «цветных революций», но с учётом специфики российских регионов.

Определённый интерес в свете развития цифровой дипломатии и технологий коммуникации представляет собой так называемый удалённый национализм (long-distance nationalism), который связан с политической активностью диаспор. Ранние работы, посвящённые этой теме, как правило, сосредоточены на негативном влиянии диаспор, но концепция удалённого национализма предполагает, что диаспоры не несут ответственности за их политические цели и стремления, или, иначе говоря, они относительно не зависят от непрекращающегося насилия в связи с тем, что находятся на дистанции от своей родины, но в то же время они имеют возможность получать определённые дивиденды, показав свою устойчивую приверженность политическому делу. Другие функции, которые обычно приписываются удалённому национализму, являются скорее статическими

идентичностями и идеализированным образом Родины с одновременным отчуждением от неё. В таком случае всё происходящее «на исторической родине» часто иначе трактуется за рубежом, и в нашем случае для многих бед того или иного национального региона найдётся «козёл отпущения» в лице федерального центра. Неправомысленные действия самих националистов, включая коррупцию, тяжкие преступления, связанные с насилием и пр., списываются на провокации российских спецслужб. Но вопрос, кем именно являются диаспоры: миротворцами или миробойцами (peacewrecker), когда они реализуют свои различные действия, — в последнее время стал предметом озабоченности в академической среде. Поскольку социальные сети позволяют намеренно исказить свою идентичность или использовать ложные аккаунты, что часто делают радикальные этнонационалисты, определить реальную степень влияния той или иной группы на события или ситуацию представляется сложным вопросом. Однако в данной связи нужно отметить до сих пор нереализованный потенциал русских диаспор по всему миру. Хотя государство и предпринимало попытки организации активистов «русского мира» и реализовывало различные программы культурного и научного сотрудничества, по сравнению с деятельностью других диаспор по отстаиванию интересов своих стран: например, албанской или армянской, — отечественный опыт представляет не очень впечатляющую картину.

Всё же, если оставить в стороне непосредственно вопросы конфликтов, каков может быть выход из сложившейся ситуации? Что может быть обоснованием для комплексного и целостного подхода к национальным отношениям внутри нашей страны с учётом динамики международных процессов? Евразиец Николай Трубецкой ещё в начале прошлого века в своей статье «Об истинном и ложном национализме» чётко показал, с одной стороны, эгоизм, вырастающий в евроцентризм и претендующий на планетарное господство, и, с другой стороны, возможность свободного развития в симбиозе двух или более близких истинно национальных культур. При этом он подчёркивал, что истинно русского национализма ещё не было создано, так как интеллигенция в России до этого пыталась подражать Европе. Эта задача создания истинно русского национализма остаётся актуальной и по сей день. Тем более что фигура «всецеловека», обозначенная Достоевским, остаётся притягательным магнитом не только для русских, но и для многих других народов, взирающих на Россию как на последнюю надежду, как на путь к собственному спасению из удушающих объ-

ятий неолиберализма и внутренних гнойников этносепаратизма.

Известный немецкий философ и автор ряда трудов по вопросу национализма Курт Хюбнер считал, что в нынешних условиях «нация и Европа должны дополнять друг друга... Европа — интегральная составная часть каждой из своих наций, и каждая из её наций — интегральная составная часть Европы». Но разве могут быть сомнения по данному тезису в отношении России? И — шире — к постсоветскому пространству в контексте евразийской интеграции? Тем более что феномен исторической памяти гораздо сильнее рациональных конструкций в духе неолиберальных теорий, которые предлагают выход в сомнительных конструкциях вроде мультикультурализма. Тот же Хюбнер предупреждал об опасности этого явления, говоря, что мультикультурное общество сводится к тому, что в «пустопорожном резонёрстве человек потерял бы свои собственные корни и рассматривал культуру не как образ жизни, а всего лишь как интеллектуальную игру». А толерантность,

которая делает возможной распространение этой игры, оказывается лишь безразличием.

Есть и позитивный опыт других стран в решении внутригосударственного межнационального полилога, который может быть воспроизведён и у нас. В частности, модель «этнической демократии» Бразилии, разработанная Жилберту Фрейри и Дарси Рибейру, которая может определяться как присутствие особого национального духа, идеи, явно выраженного национального характера, способного в интересах единства и конструктивного развития преодолевать расовые, национальные, этнические, социальные и имущественные перегородки между людьми.

Подобный дух есть и у России. Его нужно возродить к жизни, одновременно изживая неолиберальные институты и прочую крамолу, утверждающую примат экономики над политикой и обществом, при этом избегая многочисленных ловушек в лице «белого» национализма, изоляционизма, чувства превосходства и идеологии исключительности.

/ Сергей КАРА-МУРЗА /

Иллюстрации: Василий ПРОХАНОВ

«Мы — вне западной системы координат...»

— Сергей Георгиевич, современный мир настолько сложен, что сегодня у нас, к сожалению или к счастью, нет модели, позволяющей с необходимой точностью прогнозировать те или иные существенные, а порой попросту катастрофические изменения, которые в нём происходят. На это с некоторым успехом в первой половине прошлого века претендовала марксистская идеология, но вследствие краха Советского Союза эти претензии,

можно сказать, сошли на нет. Адекватность либерального дискурса после кризиса 2008 года также можно считать нулевой. Мы оказались в ситуации не «конца истории», как предсказывал 20 лет назад Фрэнсис Фукуяма, и не «войны цивилизаций» по Сэмюэлю Хантингтону, а в ситуации «конца идеологий». Непонятно, куда и каким путём можно и нужно идти человечеству в целом. В таких условиях обычно активизируются традиционные, более узкие

и направленные, факторы — в том числе этноконфессиональные, что показали события Арабской весны, конфликтов в Ливии и Сирии, а теперь — и «Евромайдан» на Украине. Вы уже давно и серьёзно занимаетесь исследованием национальной проблематики в современном мире в целом и в России в частности. Что сегодня собой представляет эта проблематика и каким, на ваш взгляд, может быть дальнейший вектор её развития?

— Прежде всего надо сказать, что сам термин «нация» пришёл к нам с Запада, где он появился в XVIII веке для обозначения нового типа больших обществ, который позволил создать новый тип государства — национальное государство, где на основе идейно-правовых отношений гражданства соединились массы людей, ранее относившихся к разным социальным, этническим и конфессиональным общностям. Для этого нужно было предварительно выработать идеологию национализма, то есть, согласно известной формуле, «национализм создаёт нацию, а не нация создаёт национализм». Практически началось всё в Англии времён Славной Революции, это самый конец XVII века, а потом пошло по всему миру, вплоть до бывших колоний, а ныне стран Африки и Азии. То есть процессу нациестроительства уже более трёх веков. За это время, согласитесь, чему-то уж можно было научиться — тем более что вариантов создания и трансформации наций было опробовано не один десяток и даже не одна сотня. Достаточно сказать, что только в ООН сегодня числится почти две сотни полноправных членов. А есть ещё непризнанные или частично признанные государства. Причём название этого международного института, Организация Объединённых Наций, говорит само за себя — в его основу заложено понятие именно «нации», а не какое-либо иное понятие: государства, страны, народа, культуры, цивилизации, расы и т.д. А до неё была ещё Лига наций, созданная почти сразу после Первой мировой войны. То есть понятие «нация» минимум сто последних лет выступает главным, фундаментальным понятием не только международного права, но и мировой политики в целом, нравится это кому-то или нет.

Идеологическую концепцию нации как «гражданской нации» начали разрабатывать английские философы XVIII века, а завершили её французские просветители. Причём их идеи сначала были на практике воплощены

американскими колониями британской короны в ходе Войны за независимость, а потом — и Великой французской революцией, которая продолжилась наполеоновскими войнами. В ходе этих событий концепция гражданской нации проявила не только выдающуюся жизнеспособность, но и мощный военно-политический потенциал. Который мгновенно — разумеется, мгновенно по историческим меркам — был востребован и задействован во всём мире. В истории началась эра национальных государств.

— Можно ли, на ваш взгляд, сравнить переход к национальным государствам в политике, скажем, с переходом к углю в качестве основного технологического энергоносителя в экономике?

— Наличие определённой доли истины в таком сравнении есть. Потому что национальная энергетика в целом уровнем выше, чем энергетика донациональных, сословных обществ. Но как уголь или нефть бывают разного качества, так разного качества бывают и нации. Скажем, во Франции в ходе революции удалось создать единую нацию французов достаточно быстро, и уже Наполеон фактически отменил все исторические провинции, разделив территорию страны на департаменты и назвав их по гидронимам местных рек. А в той же Великобритании преодолеть различия, например, между англичанами и уэльсцами практически удалось, а вот между англичанами и шотландцами — не очень, не говоря уже об антагонизме между англичанами и ирландцами, который существует до сих пор. Французская модель нациестроительства коренным образом отличается от немецкой, где не только сохраняются, но даже культивируются особенности отдельных земель, хотя и баварцы, и швабы, и саксонцы, и гессенцы считают себя прежде всего немцами. В Соединённых Штатах с самого начала был запущен пресловутый «плавильный тигель», но основой служил вполне определённый этнический элемент — WASP, белые англо-саксонские протестанты, причём под это определение подходили не только англичане, но и многие немцы. Япония с начала революции Мэйдзи и Китай с начала Синьхайской революции осуществляют, по сути, французскую модель нациестроительства, поскольку имели доминирующий этнос. В Индии, похоже, взяли за основу немецкую модель штатов-земель.

— А что в России? Какая модель нациестроительства использовалась в нашей стране, в том числе в советский период? Можно ли говорить о нации русских? В действующей Конституции Российской Федерации 1993 года используется термин «многонациональный российский народ», хотя среди наций или национальностей, его составляющих, русские в тексте Конституции почему-то не значатся, хотя на их долю приходится около 80 процентов населения страны. В последнее время стали говорить о русских как о «государствообразующем народе», а термин «российский народ», «россияне», который усиленно внедрялся при Ельцине, понемногу отошёл куда-то на задний план. С чем, на ваш взгляд, связаны все эти противоречивые и даже парадоксальные процессы?

— В России нациестроительство, можно сказать, было нетипичным — прежде всего из-за уникальных особенностей самого русского народа. Скажем, в Японии, Китае, а также в бывших колониях европейских стран, а это все — подчеркну, все! — страны мира, все страны Азии, Африки и двух Америк, включая США, ис-

пользовались и поныне продолжают использоваться вполне западные технологии нациестроительства. А в России — нет. Русское ядро не стремилось ассимилировать другие этносы, но и не изолировалось от них. Какая-то часть этих этносов переходила в русский этнос, а русские в этих местах достаточно активно усваивали автохтонную культуру и обычаи.

— То есть мы действительно такие неправильные, отстающие и дикие, как об этом говорят наши «западники»: демократы и либералы?

— Если принимать западную систему координат, то подобный вывод будет неизбежным. Но западная система координат — не единственно возможная и не абсолютно точная.

Гораздо точнее будет сказать, что мы — другие. Приведу два исторических свидетельства, которые встретил в книгах Вадима Кожинова. Первое из них принадлежит Отто фон Бисмарку, создателю немецкой нации «железом и кровью», который долгое время был послом Пруссии в России: «Англичане ведут себя в Азии менее цивилизованно, чем русские; они слишком презрительно относятся к коренному

населению и держатся на расстоянии от него... Русские же, напротив, привлекают к себе народы, которые они включают в свою империю, знакомятся с их жизнью и сливаются с ними».

Второе — известному британскому политику Джорджу Керзону: «Россия, бесспорно, обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой. Англичане никогда не были способны так использовать своих недавних врагов. Русский... не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами...» Заметьте, вопрос о «чуждых и низших расах» для русского человека никогда не стоял, мы просто не мыслим в подобных категориях.

В результате у нас возникла очень сложная структура национальных отношений — нигде на Западе нет такой. А если ваши, условно говоря, дрова дают большее тепловыделение, горят жарче, чем, условно говоря, уголь, — вам этот уголь добывать будет незачем. Так вот, энергетика русской этничности вплоть до второй половины XIX — начала XX века была не только вполне сопоставимой с национальной энергетикой Запада, но и явно превосходила её.

— **Вы имеете в виду период Русско-японской и Первой мировой войн?**

— Всё-таки важнейшее значение имела Крымская война, в которой Российская империя потерпела безусловное поражение. Да, от англо-французской коалиции, то есть объединения самых передовых на то время политических наций мира, и это поражение не было разгромным, но таможенные пошлины на многие импортные товары пришлось отменить, Черноморский флот уничтожить, от продвижения на Балканы и к Константинополю отказаться. Это был очень болезненный удар, который отозвался на всей дальнейшей истории русской цивилизации. Отмена крепостного права коренным образом ситуацию немного улучшила, но коренным образом не изменила. Через полвека та же проблема снова встала в полный рост — и намного острее.

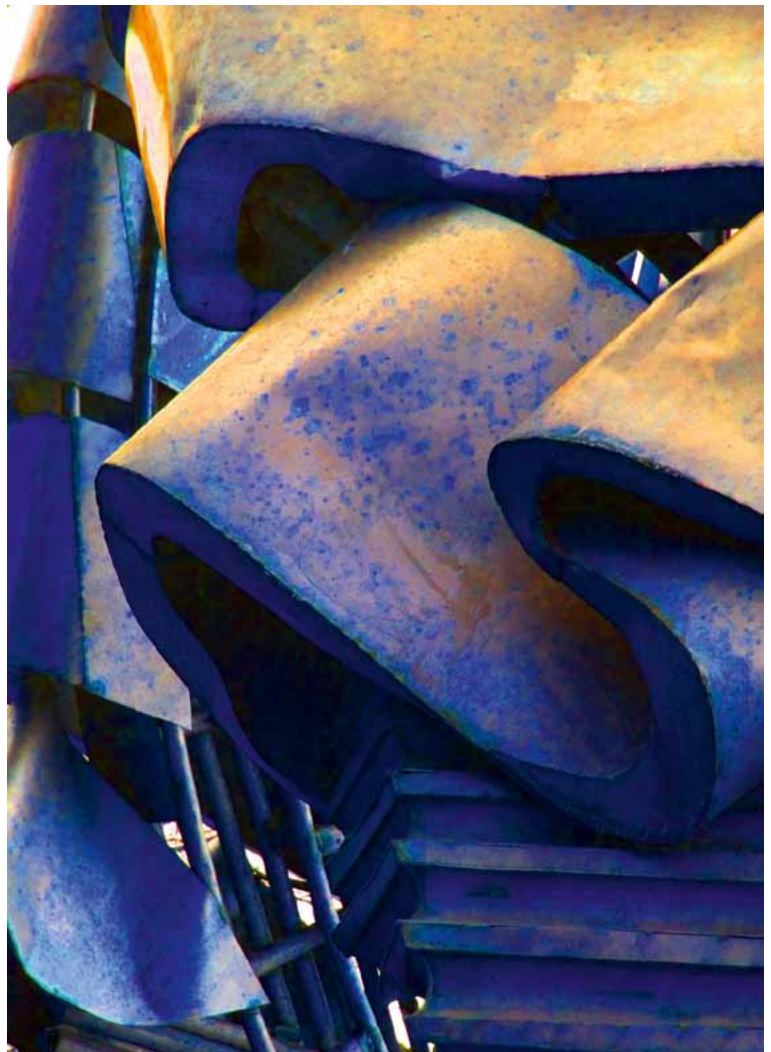
Между прочим, советский проект — вовсе не изобретение большевиков. В его основе лежат те «наказы», которые стихийно создавались по всей стране преимущественно крестьянскими общинами, а отчасти — рабочими разных предприятий для тех депутатов, которых они избирали в Государственную думу в начале XX века. Большевики только

возглавили это стихийное движение, которое смело и сословные, и многие цензовые перегородки тогдашнего российского общества.

— **А национальные?**

— Вот это — один из самых интересных моментов Великой Октябрьской Социалистической Революции. Как написал один из белых генералов, белое движение в России наткнулось на местные национализмы и истекло кровью. А большевики сумели трансформировать традиционную матрицу русской цивилизации, в которой иные этничности соединялись с русским народом, но не ассимилировались и не поглощались им, использовать национальные энергии в своих целях.

— **С Польшей, Финляндией и республиками Прибалтики, территории которых полностью или частично входили в состав Российской империи, этого сделать не удалось.**

— Не забывайте, что шла мировая война, частью которой была Гражданская война в России, и территория «Совдепии», как её тогда называли, порой сжималась до размеров Московского княжества середины XVII века, и даже меньше. Так что Ленин и его соратники добились практически максимально возможного в тех условиях результата.

— **Обратной стороной советской медали оказалось создание национальных республик в составе СССР, причём многие «социалистические нации» — как, например, узбеки и таджики, создавались практически «с нуля», на «голом» этнически-языковом субстрате, а другие — как, например, украинцы или казахи, получили не только статус наибольшего благоприятствования, но и значительные территории, на которых этнические русские составляли подавляющее большинство. К середине 80-х годов русских стало меньше половины населения страны — и Советский Союз оказался разрушен, на его месте появились пятнадцать «новых независимых государств», бывших союзных республик, при этом Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье отказались входить в состав соответственно Грузии и Молдовы, а Нагорный Карабах — оставаться под юрисдикцией Азербайджана, что привело к длительным и кровавым конфликтам.**

— Национальный вопрос в СССР долгое время считался полностью и окончательно решённым в рамках социалистического проекта, поэтому советский народ оказался не готов сопротивляться разработанным и опробованным Западом технологиям демонтажа, в том числе — на националистической основе. Если говорить языком того времени, то попытки буржуазных националистов разделить советский народ по национальным квартирам считались заранее обречёнными на провал. Но они тем не менее удались.

По всем канонам современной науки, советский народ был нацией — причём с гораздо более сильными внутренними связями, чем, например, «американская нация» в США. Был общий язык — русский, который знало подавляющее большинство населения страны. И не просто знало, а активно общалось на нём — даже в быту. Не было этнических гетто. Были социальные институты общенационального характера: школа, армия, комсомол, партия и так далее. То есть множество нитей, которые соединяли людей в общую систему. Да возьмите тот факт, что проехать из одного конца страны в другой, несколько тысяч километров, по железной дороге можно было за половину средней месячной зарплаты — это ведь тоже фактор нациеобразующий.

Но эта система, она показала себя очень сильной только в некоторых условиях. Например, в условиях войны. Не только Великой Отечественной, но и гораздо раньше. Так, в годы Крымской войны татары создавали добровольческие отряды и шли воевать против своих единоверцев-турок. Это очень сильный индикатор. Или ещё раньше — башкирская конница в Париже. Ведь против Великой армии Наполеона Российская империя даже не проводила всеобщей мобилизации — только в 19, кажется, губерниях из 47 был проведён дополнительный набор рекрутов. 43% российских дворян не были этнически русскими, но верой и правдой служили Отечеству.

Но в других условиях та же самая система оказалась очень хрупкой. Февраль 1917 года, например, был продолжен таким же «парадом национальных суверенитетов», как и горбачёвская перестройка.

— Недавно в одной из бесед Сергей Юрьевич Глазьев заметил, что национальный фактор в истории человечества играл две противоположные роли. Одну — позитивную, объединяющую различные этниче-

ские и субэтнические группы в рамках какого-то «большого проекта». И вторую — негативную, мешающую осуществлению таких «больших проектов» в интересах альтернативных «больших проектов». То есть нации могут конструироваться и как контрпроекты? Не это ли мы видим сегодня в Украине?

— Да, это так. На Западе поняли: для того, чтобы разрушить СССР, надо демонтировать советский народ. И примерно с 1972 года вся западная пропаганда, направленная против СССР, перестроилась от апелляции к социальным проблемам на апелляцию к проблемам национальным. Причём всё это было на самом деле очень тщательно проработано и на уровне теории, и на уровне практики. Было запущено более двадцати национальных контрпроектов, включая и русский национализм.

Против советского народа было проведено две войны. Они начались ещё в перестройку, а затем продолжились в 90-е годы.

Первая — экономическая, когда всю собственность общенародную расчленили по республикам, а потом «приватизирова-

ли». Тем самым был уничтожен экономический фундамент советского народа. Потому что без единого хозяйственного комплекса советский народ существовать не мог. Сразу изменился образ жизни фактически всего населения страны. Кто-то стал богатым, кто-то — неожиданно для себя — бедным. На какое-то время люди просто перестали понимать, что происходит, у них под напором новой реальности начало меняться мировоззрение. Они утратили свою дееспособность как субъекта общественных процессов. Эта экономическая война была проведена как гитлеровский блицкриг: очень быстро, и никто не смог ей воспротивиться.

— А как же расстрел российского Верховного Совета в Москве? Разве там не было сопротивления приватизации?

— Сопротивления приватизации там уже не было. Спор шёл о том, должна быть приватизация: «общенародной», по именным чекам, то есть с гарантией права собственности большинству населения страны, или же «ваучерной», то есть анонимной, что было на руку «верхушке» общества и её подручным — кри-

миналу и бюрократии. А также выгодно Западу, который Ельцина и «демократов», безусловно, поддержал, поскольку рассчитывал на львиную долю добычи.

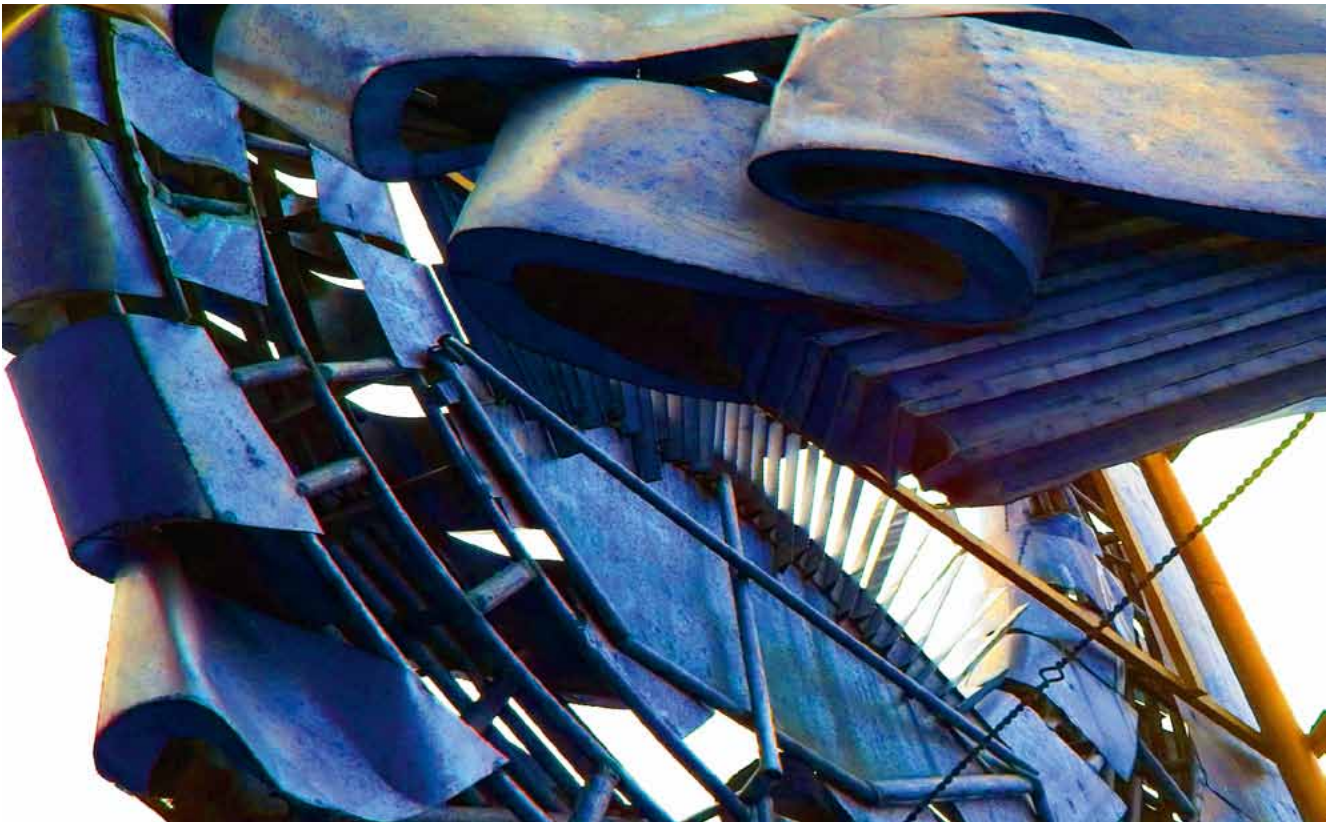
Параллельно с экономической войной против советского народа шла война информационно-психологическая, война символов и смыслов. Все символы советского национального сознания были подвергнуты очернению и деструкции: серп и молот, красное знамя, ордена и медали, Сталин и Ленин...

Сегодня мы можем наблюдать практически то же самое. До экономической войны дело пока не дошло, поскольку и власти, и крупный бизнес за свою собственность держатся крепко. Но информационно-психологическая война против России ведётся очень серьёзная. Деструкции подвергается всё: вплоть до Александра Невского и князя Владимира. Зато альтернативные символы: религиозные и политические, — неизменно воспеваются и распространяются.

Есть национальные и идеологические контрпроекты на Кавказе, в Татарстане, среди малых народностей Сибири и Крайнего Севера, есть движения «русских регионалистов» и так далее.

Всё это не на пустом месте возникло, тут есть, повторюсь, и теоретическая база, и достаточно продолжительная традиция. Одним из исторически первых контрпроектов подобного рода можно считать формирование Ватиканом хорватского этноса на основе католического вероисповедания. Теперь даже общий с сербами язык активно трансформируется в хорватский, приобретая не только графические (латиница), но и звуковые, и лексические отличия. Сходные процессы идут и в Украине, и в Молдавии. Официальный язык современной Украины сильно отличается от того литературного украинского языка, который существовал во времена Украинской ССР: в нём много галицизмов, полонизмов, меняются нормы произношения. Точно так же молдавский язык активно заменяется румынским. Всё это — активные национальные контрпроекты, призванные уменьшить и ограничить сферу влияния русского, российского проекта. Не случайно их так активно поддерживают геополитические конкуренты России.

— **Сергей Георгиевич, а есть ли у России сегодня свой национальный или идеологический проект? Создаётся такое впечатление, что его нет.**

— Да, советский проект русской цивилизации, имевший всемирноисторическое значение, был прерван и подвергнут серьёзному демонтажу. Повреждения, нанесённые при этом извне и изнутри, являются близкими к критическим.

Но создать на месте советского народа другой народ, «новых русских», или «россиян», как это планировалось и заявлялось в 90-е годы, не удалось. «Новые русские» задумывались не как анекдотичные «быки» в малиновых пиджаках, с золотыми цепями и на «мерседесах» — они задумывались как новый «демос», состоящий примерно из 10% населения России, разделяющий западные ценности, имеющий власть и собственность, держащий под контролем остальные 90% населения — «охлос», безнациональную толпу.

— **Очень похоже на то, что арест Михаила Ходорковского в августе 2003 года ознаменовал собой окончательный крах данного проекта. В том смысле, что государство не стало придатком или функцией «новорусского демоса» во главе с олигархами.**

— Я бы не стал торопиться с какими-то выводами по данной проблеме, тем более — окончательными. Укажу в данной связи хотя бы на совсем недавний феномен «болотной

оппозиции», который, по большому счёту, продолжает «новорусский проект». Эта модель опробована во многих странах мира, она там действует. А у нас — нет. Потому что мы по-прежнему находимся вне западной системы координат. На 99,9%. И западные политтехнологи после провала «болотной оппозиции» в 2012 году, как 40 лет назад, снова сделают ставку на национальную проблематику.

Поэтому задача «пересборки» русского народа, русской нации сегодня выдвигается на первый план. Если мы не сумеем решить её в самое ближайшее время, Россия может вообще прекратить своё существование в истории.

Проблема только в том, что любая модель национальной «пересборки» является несовместимой с господствующей в современной России моделью олигархического периферийного компрадорского капитализма, а решиться на демонтаж этой самоубийственной для нашей страны системы действующая власть по каким-то причинам не может. Но это положение неустойчивого равновесия не может продолжаться бесконечно. И если проблема не решится «сверху», она будет решаться «снизу» и «с боков». Это куда более затратный, но и намного более радикальный путь.

Беседу вёл Владимир ВИННИКОВ

/ Александр ПРОХАНОВ /

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

Слава ХАМАС!

Халед Мишааль, лидер движения ХАМАС, — человек мессианского сознания. У него горячие руки, жаркие, неутомимо вещающие уста, чёрные, с фиолетовым блеском глаза. Он похож на чашу, полную магмы, которая переливается через край. Эта огненная субстанция лишь отчасти принадлежит ему. В эту чашу вливаются бурлящие энергии войны, страдания, подвига. Эту чашу наполняет слезами и кровью весь палестинский народ с тех пор, когда первые корабли с сионистами причалили к палестинскому берегу. Захватчики, словно жестокие инопланетяне, стали взрывать дома, всаживать пули в детей и женщин, расчищая для себя жизненное пространство. Превращали в беженцев и погорельцев обитателей благодатных земель. Точно так же в библейские времена здесь появилось еврейское воинство Иисуса Навина, которое обрекало ханаанские города и селения заклятию, клало пленников под железные молотки и пилы, бросало в раскалённые печи для обжига извести.

Халед Мишааль посвятил свою жизнь освобождению Палестины от израильских оккупантов, и нет той цены, которую бы он не заплатил за победу.

Этот негасимый огонь он ощутил в себе с детства, когда поднимался на холм в окрестностях своей деревни и смотрел в синюю даль, которую отняли у него захватчики. Этот негасимый огонь он чувствовал над собой в лазури, откуда неслись к нему священные слова Пророка. Этот огонь побуждал его искать себе подобных, собирать их в группы, выстраивать организацию борцов.

Он находил единомышленников в лагерях беженцев под Дамаском, Бейрутом и Амманом, в университетской аудитории, где учился. На собраниях активистов ХАМАС, где его учителем и духовным наставником стал шейх Ясин, великий правдолюбец и мистик, чью жизнь оборвала израильская ракета. Он стал настолько силён и известен, что агент «Моссада» пытался его убить, — подстерг на улице иорданской столицы, подскочил и впрыснул в ухо смертельный яд, после чего отравленный Халед двое суток оставался в коме, пока ему не ввели антидот.

Он — стратег ХАМАС, формулирует идеологию и политику. Встречается с лидерами арабских стран. Добывает деньги, необходимые для сопротивления. Выстраивает сложнейшие комбинации в отношениях с Европой и Америкой. Организация, подвергаемая репрессиям и бомбардировкам, неподкупная и жертвенная, победила на свободных палестинских выборах, оттеснив от власти переродившуюся верхушку ФАТХ. Триумфальным был визит Мишаала в Москву. Он — мировая известность, лидер воюющего народа, столь не похожий на партикулярных президентов и премьеров, которые приходят и уходят, как тени, не оставляя следа в истории.

Он рассказывает, как палестинская женщина, потерявшая в интифаде четырёх сыновей, позвонила ему и сказала: «Берите пятого, если это нужно Палестине».

Рассказывает о палестинской матери: провожая сына-шахида на смертный подвиг, она напутствовала его по мобильному телефону до момента взрыва. Рассказывает о другой матери, которой принесли окровавленную рубашку убитого евреем сына, и она держит сыновнюю одежду в спальне, целуя её перед сном. Он восхищается палестинскими художниками, их стоцветными пылающими картинами, на которых дети кидают камни в израильские танки, и голубь мира раздирает белоснежное тело о колючую проволоку тюрем. Он пишет стихи, которые переключаются на музыку, и они становятся песнями борьбы. Израильские солдаты вылавливали палестинских детей, швырявших камни в бэтээры с шестиконечной звездой, клали их хрупкие руки на булыжник и другим булыжником перебивали им кости. Он считает, что не пуля фанатика-каббалиста, а ненависть палестинцев к своим палачам убила президента Ицхака Рабина. И Ариэль Шарон на восемь лет превратился в овощ, подсоединённый к питательным трубочкам, потому что его сразил праведный гнев палестинцев.

Этот гнев, соединённый с религиозной любовью к Отечеству, роднит сегодняшних палестинцев с поколением советских людей, отражавших самое страшное в истории нашествие. Обвязывались гранатами и ложились под танки.

Поджигали казармы оккупантов и потом качались в петле с надписью: «Террорист». Умирали под пытками, выкрикивая окровавленными ртами проклятия врагу. Когда я слышу про героев ХАМАС, которые, обвязав себя взрывчаткой, подрывают танки оккупантов, я вспоминаю героев панфиловцев. Когда я слышу о блокаде в Газе, где люди умирают от голода и делят друг с другом последнюю кроху хлеба, передо мной — блокадный Ленинград.

Бог отвернулся от евреев, как отвернулся он от них в эпоху разрушения Храма. Когда-то им на головы сыпалась «манна небесная», а теперь сыплются палестинские ракеты «Гасан». А к палестинцам, заблокированным в секторе Газа, море выбрасывает на берег живую рыбу, и они собирают её, спасаясь от голода. Когда-то сионисты мечтали о «Великом Израиле» от Нила до Евфрата. На их флаге две синие полосы символизируют две великих реки. Однако сегодня Израиль окружает себя бетонной стеной, запираясь в гетто среди клокочущего вара ненависти и протеста.

Когда я разговаривал с Халедом Мишаалем и другими моими друзьями-палестинцами, меня поразило, что главное политико-философское содержание борьбы ХАМАС связано с принципом справедливости. Справедливость для ХАМАС является не просто формой отношений между людьми или народами — это универсальный космический, божественный принцип. И если этот принцип нарушен, нивелируется вся система мировых ценностей. Сегодня справедливость попорана, и мир падает в бездну. Палестинский народ, и в частности ХАМАС, сражается за восстановление справедливости. Эта ориентация ХАМАС поражает и привлекает меня, ибо справедливость глубоко внедрена в нашу историю, русские веками терпели лишения и жертвы во имя справедливости.

Я восхищён великим духом палестинского народа, который рождает героев. Сегодня каждый русский человек должен быть немного палестинцем, чтобы возродить свою Родину. Будучи православным человеком и русским писателем, я тоже ощущаю себя палестинцем, сражающимся ради всемирной справедливости.

Прекрасный жертвенный палестинский народ должен быть един и свободен. Слава ХАМАС!

/ Александр ПРОХАНОВ /

Фотографии: Василий ПРОХАНОВ

Газа — туннель в будущее

Сектор Газа. Крохотный ломтик многострадальной Палестины, помещённый в железный мешок израильской блокады. Полтора миллиона человек, над которыми день и ночь реют израильские беспилотники, которых окружает железобетонная стена с пулемётными гнёздами, стреляющими с помощью теленаведения. Израильские сторожевые корабли, как ножи, режут воды вдоль берегов Газы, отсекая всякую возможность проникновения с моря. Газа — самый грозный и прекрасный островок победы. Самое восхитительное и таинственное на земле место, где реализуется божественный промысел: свобода добывается молитвой и подвигом. Движение палестинского сопротивления ХАМАС сложилось в маленькое стойкое государство, ведущее бой с «золотым миллиардом». Газа — это зерно, из которого произрастут великие урожаи будущего.

Именно об этом думал я, протискиваясь в тесных подземных туннелях, ведущих из Газы на территорию Египта, сквозь которые в осаждённую страну проникают продовольствие, медицинское оборудование и оружие. Об этом думал я, выходя в ночные дозоры на позиции «кассамов» — самодельных палестинских ракет, которые стреляют в сторону израильских атомных бомб. Об этом думал я, выходя с рыбаками в море, когда те, добывая свой скудный морской улов, рискуют попасть под пулемётные и пушечные удары израильских катеров.

Я был в великолепном университете Газы, где тысячи палестинцев под бомбами изучают науки. И когда бомба попадает в учебный корпус, взрывая его до земли, они тут же принимаются возрождать его стены и лаборатории.

В православном храме V века вместе с палестинскими христианами я молился о победе палестинцев над их жестокими оккупантами. Я разговаривал с узниками, недавно вернувшимися из израильских тюрем в родные чертоги. Их лица напоминали тёмные глубокие ямы, в которых продолжало клубиться несчастье. Я гулял по пальмовым и оливковым рощам, которые были посажены среди пожаров и взрывов и напоминали райские сады. Я стоял перед огромными бетонными скелетами недавних небоскрёбов, в которые угодили израильские бомбы с обогащённым ураном. И среди взрывов и выстрелов, бесчисленных встреч и бесед

Египетские военные у КПП Рафах на границе Газы

мне открывались таинственные энергии и смыслы, витавшие над этой землёй.

Здесь, в Газе, история являет свою мистическую суть, её библейский период кажется чрезвычайно актуальным. История наших дней предстаёт как эпическая картина библейских лет.

Проект «Израиль» был задуман как религиозный метафизический проект нового обретения Земли обетованной богоизбранным еврейским народом. И для реализации этой мессианской задачи возникло теократическое военизированное государство, упавшее в Палестину на головы арабов, как падает железный метеорит. И это падение повторило собой древнее вторжение евреев в Землю Ханаанскую, в которой громадная орда вышедших из Египта евреев под руководством Иисуса Навина брала ханаанские города, предавала их заклятию, а пленных жителей кидала под железные молотки и стальные пилы, бросала в печи для обжига, строя на костях покорённых и истреблённых народов свой первый Соломонов храм.

Но здесь, в Газе, ты чувствуешь, что Иисус Навин рано торжествовал свою победу. И борьба коренного народа с захватчиками продолжается по сей день. Нынешние палестинцы – те же филистимляне и ханаане, за тысячи лет не смирившиеся с вторже-

Граффити на улице Газы

нием злого народа в свои города и уголья, ведущие священный, длящийся веками бой.

Я стремился понять, в чём чудо существования сектора Газы? Откуда берутся энергии этого небывалого сопротивления? Молодые люди, с автоматами засевающие на развалинах по окраинам Газы, садоводы, вживляющие в раскалённую землю очередной черенок оливы, хирурги, почти без медицинских средств оперирующие раненого ребёнка, журналисты, под бомбами ведущие репортажи на весь мир о сопротивлении Газы... За счёт чего живёт это великое сопротивление? Родина, родная земля, место, где Господь создал тебя, и ты будешь погребён, когда настанет твой час. Восхитительное, живущее в каждом человеке обожание своей земли и своей Родины. Эти чувства постоянно культивируются, выращиваются, воспроизводятся в каждом отдельном человеке, делая его патриотом, защитником, мужественным бойцом и строителем. «Родина или смерть» – фундаментальный лозунг всей идеологии сражающегося населения Газы.

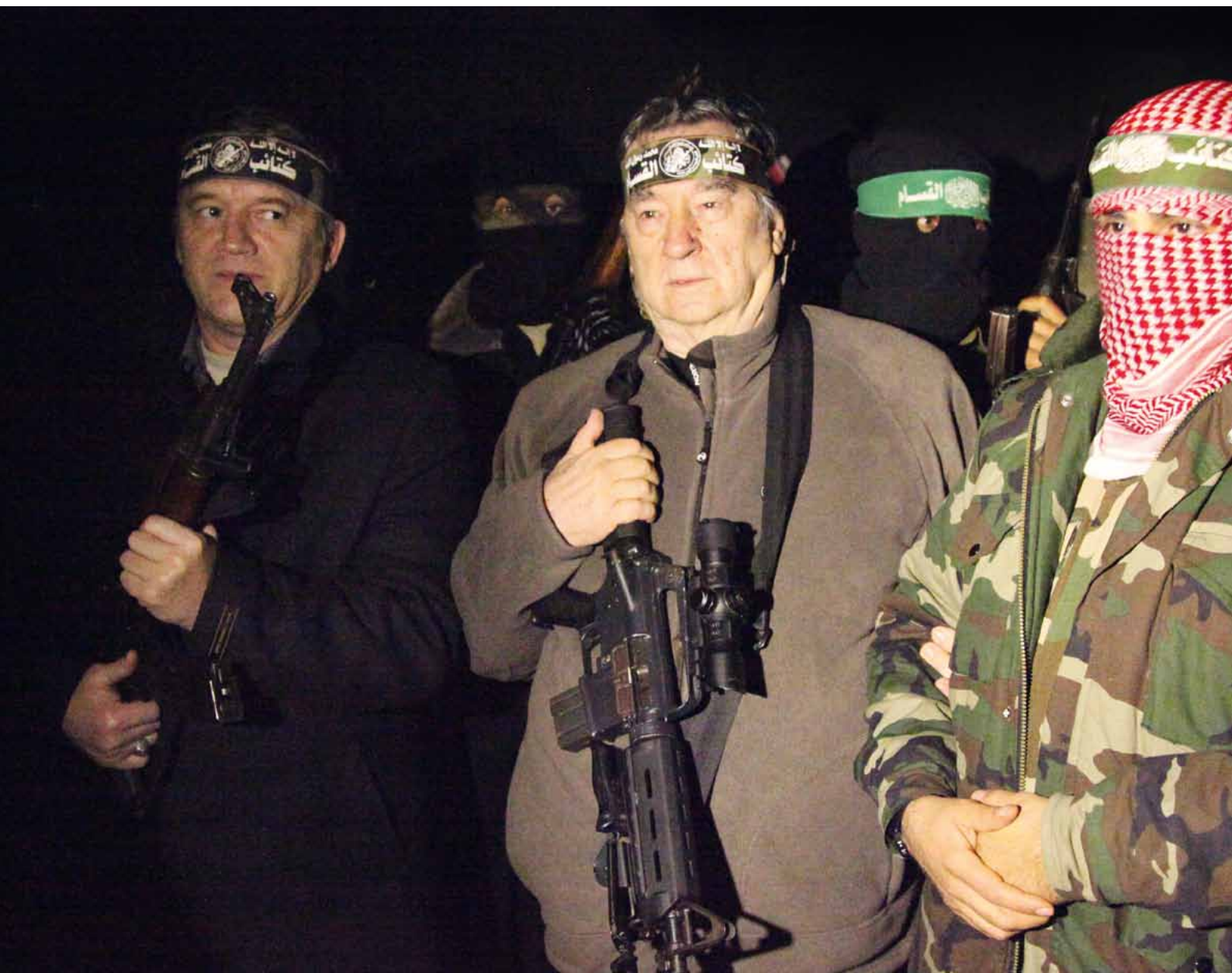
Религия, божественный промысел, представление о земной жизни как о жизни, которая не кончается со смертью, а переносится в другие, сверкающие светоносные миры человеческого бессмертия и блаженства. Религиозная философия, объясняющая земное существование как проявление благой божественной воли, как тот бесконечно малый, но чрезвычайно важный период человеческой жизни, когда человек готовится к жизни вечной, добываясь этой вечной жизни через подвиг и часто мученичество.

Отсюда массовый героизм жителей Газы, жертвенность, готовность, обмотавшись взрывчаткой, лечь под израильские танки. Опасные вылазки по туннелям в тыл врага, где они взрывают боевые машины противника. Их стоицизм под израильскими пытками и безусловная вера в победу, ибо земная победа Газы predetermined божественным промыслом. Бог закрывает глаза мученикам. Бог заставляет мать, потерявшую в сражениях четырёх сыновей, посылать в бой последнего, самого любимого – пятого. Бог определяет деяния садоводов, высаживающих пальмовые рощи, и деятельность министров, нормирующих продовольствие

**В сотнях туннелей из Газы в Египет
работа идёт днём и ночью**

Шамиль СУЛТАНОВ и Александр ПРОХАНОВ с бойцами ХАМАС в Газе

В православном храме Святого Порфирия

так, чтобы ни один из жителей Газы не страдал от голода. Та организация жизни, которая была реализована движением ХАМАС в Газе, мобилизационный проект, который был осуществлён в этой осаждённой крепости, — ещё одна основа незыблемости.

Здесь всё подчинено сопротивлению и победе. Во имя победы работает телевидение и пишут газеты, проповедают муллы в мечетях и профессора на университетских кафедрах. Здесь считаются каждый воин и каждый труженик, каждая заработанная монета и каждый завезённый в Газу товар. Такая организация жизни синтезирует волю отдельного человека в громадный импульс воли мобилизованного народа. И эта одухотворённая воля оказывается сильнее, чем падающие на город снаряды и бомбы, пытки в израильских казематах, океан лжи и клеветы, который выплёскивается Израилем на голову осаждённого народа. Народ-воин, народ-герой, народ-мученик, народ-жертвенник — вот кто такой народ Газы, окружавший меня среди боевых позиций, операционных столов и пальмовых плантаций.

И я спрашивал себя: почему так притягателен для меня образ Газы? Почему этот образ столь притягателен для людей мира? И не только арабского, который боготворит героев Газы, но и европейцев, американцев, посылающих сюда продовольствие, медикаменты, молящихся за Газу в христианских храмах. Что двигало мужественных людей «Флотилии мира», пытавшихся прорвать израильскую блокаду и погибших от пуль еврейского спецназа?

И, двигаясь в узком подземелье туннеля, задевая головой деревянную опалубку, видя, как мимо меня на тросе протаскивают кули с продовольствием, глядя на маленькое зеркальце света, мерцающее в отдалённом конце, я вдруг понял, что этот туннель ведёт не в Египет, но ведёт меня в будущее Земли и всего человечества. В то грозное будущее, которое туманно трепещет среди сегодняшних потрясений, революционных бурь, разрушительных войн, среди которых исчезает исчерпавшая себя модель пове-

Дочка с фотографией отца, томящегося в израильских застенках

Улица имени знаменитого палестинского героя Изельдина Аль Касама

Изборский клуб

Палестинский подросток, искалеченный ракетой израильского беспилотника

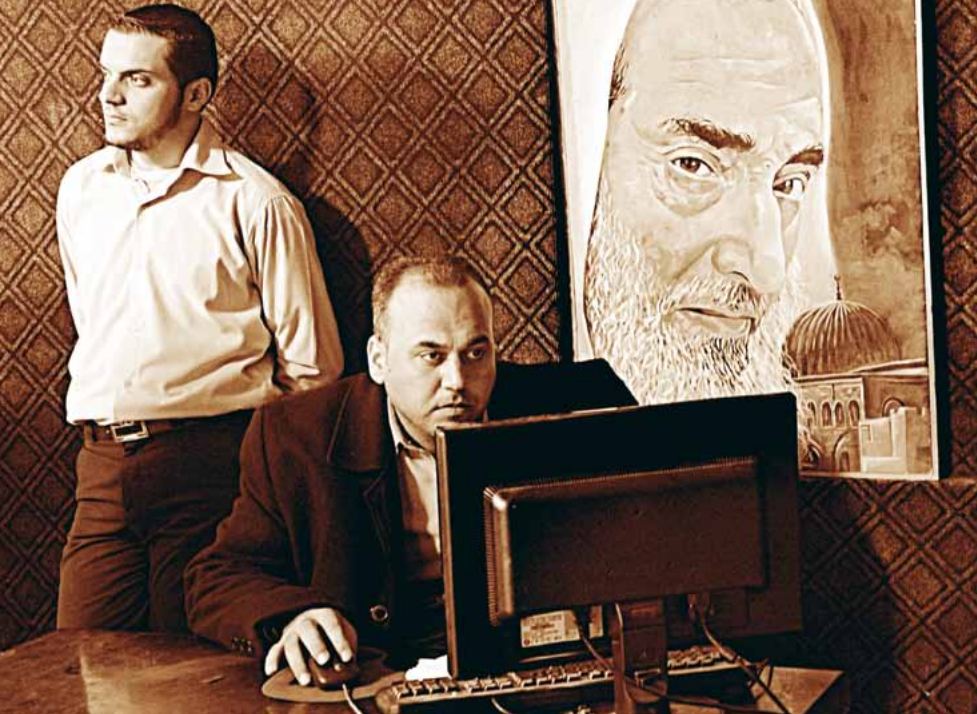

Последствия израильских так называемых точечных ракетных ударов

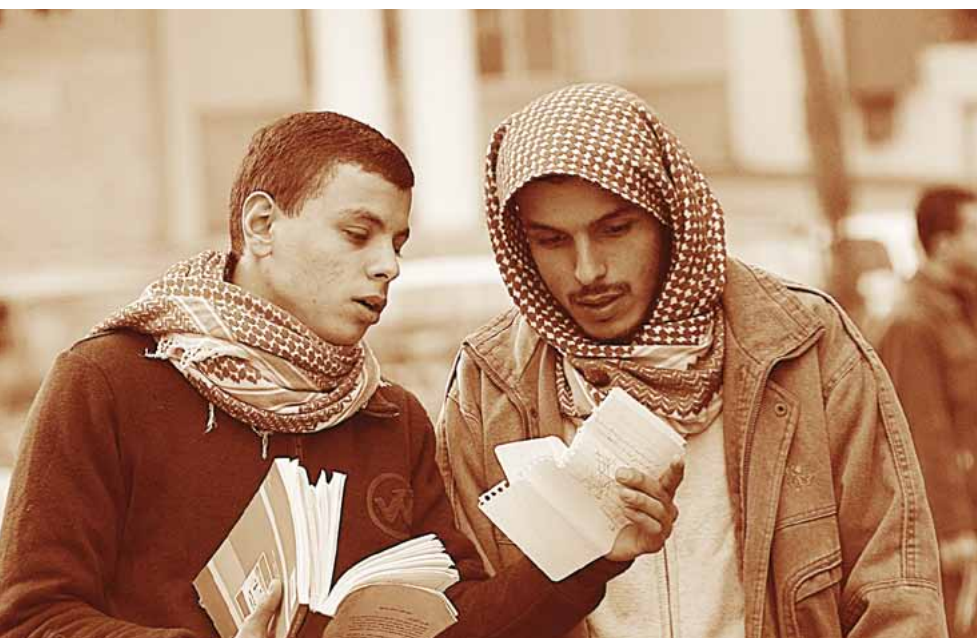

Университетский городок в Газе

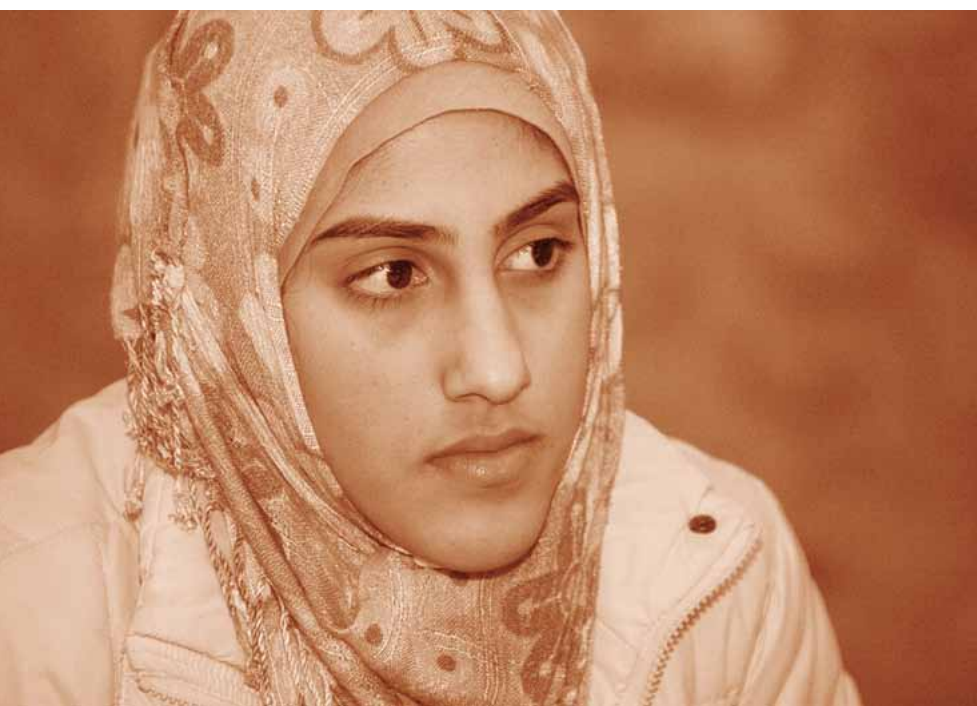

В офисе телевидения Газы. Дело шейха Ясина живёт

Студенты университета

дения человечества, взвалившего своим образом жизни на Землю непосильную ношу. И Земля сбрасывает с себя это заблудившееся, погибающее человечество, требуя от него нового мировоззрения, нового уклада, нового отношения к земле, к душе, к звезде небесной.

Планета Земля среди страшных грядущих угроз, находясь в блокаде беспощадного космоса, в окружении жестоких глобальных обстоятельств, всё больше напоминает осаждённую Газу, над которой космический Израиль нависает глобальным голодом и безводьем, разрушительными стихиями и падениями метеоритов, чудовищным средоточием зла, нацеленным на эту крохотную голубую каплю земной жизни. Чтобы выстоять перед грозными опасностями, люди Земли, как и народ Газы, должны будут воспринимать свою планету как драгоценную, неповторимую родину, данную им Господом для реализации великой божественной цели.

Земля — это малая Родина человечества, космос — его большая необъятная Родина, которую ещё предстоит постигнуть и очеловечить. Мировоззрение, объясняющее Землю как неповторимую драгоценную Родину человечества, заставит людей беречь её леса и воды, её недра и атмосферу. Будет побуждать народы совершать великие подвиги во имя сбережения и сохранения своей ненаглядной земной отчизны.

Религиозное мировоззрение Газы, распространённое на весь род людской, сделает каждого человека возвышенным и поэтичным, добрым и героическим, жертвенным и бесстрашным. Ибо будущий земной уклад, отдельные государства или единое общеземное государство будут основаны на религиозном принципе справедливости, не только социальном, но и вселенском, устанавливающем гармонию и симфонические отношения между людьми, между человеком и государством, человеком и машиной, между цветком и планетой.

И конечно же, восхитительная метафизика садов, которые высаживаются в Газе на чёрной испепелённой земле, наполненной осколками снарядов, пропитанной ядами небогатённого урана. Эти райские сады, которые вырастают в Газе: это образ Эдема, который сражается с образом ада. Эта метафизика садов непременно станет мировоззрением будущего человечества.

Человечества, которое на обугленной земле, среди отравленных рек и ядовитого воздуха, гигантских промышленных пустырей станет рекультивировать землю. Возращивать леса и очищать воздух.

Будущие люди Земли, как и жители Газы, откажутся от безумного потребления, от бессмысленной роскоши и стяжательства. Перестанут истощать своими неутолимыми аппетитами земные возможности. Но они всей этой скромной умеренной жизнью будут строить университеты, научные центры и посвятят свою жизнь познанию и творчеству. Человека потребления сменит другой человек — творец, испытатель, художник.

Он перенесёт своё земное садоводство в космос, о котором когда-то писал Гумилёв в своём восхитительном стихотворении:

Млечный путь расцвёл неожиданно садом ослепительных планет.

Этот образ Газы как образ будущего, посетив меня однажды, больше не отпускает. Вместе с друзьями мы привезли в Газу горсть земли, взятой из-под стен Московского кремля. На берегу Средиземного моря стоит монумент, сооружённый в память жертв «Флотилии мира», которые погибли, прорывая блокаду Газы. Мы высыпали эту землю к подножию монумента — туда, где растёт крохотный черенок пальмы. А оттуда взяли горсть земли и привезли её в Москву.

Этот обмен землями, это смешение земель является мистическим ритуалом, соединяющим идею русской истории, русского подвига, русской жертвы и великой Русской победы с идеей Газы — идеей вселенской справедливости и блага, ради которой народ совершает свой свободолюбивый, длящийся тысячами веками подвиг.

A dramatic sunset sky with silhouettes of helicopters and protesters. The sky is filled with golden and orange clouds, with the sun low on the horizon. In the upper part of the image, two military helicopters are silhouetted against the bright sky. In the lower part, a group of people are silhouetted, holding up flags and their arms in a gesture of protest or celebration. The overall mood is one of intense conflict and struggle.

**«Свобода
негасима,
как солнце»**

Встреча Александра ПРОХАНОВА и Шамиля СУЛТАНОВА с лидером движения ХАМАС Халедом МИШААЛЕМ

Александр ПРОХАНОВ: Дорогой Халед, мы счастливы видеть тебя в твоей новой резиденции. С момента последней нашей встречи произошли грандиозные события на Ближнем Востоке. Революции и перевороты потрясли многие страны. Плуг войны перепахал весь регион. Сирия, где мы встречались с тобой и размышляли о будущем Ближнего Востока, превратилась в руины... И вот мы снова вместе.

Мы слышали, что за это время тебя посетили сомнения, и ты был готов отказаться от своей ведущей роли в палестинском сопротивлении и оставить свой высокий пост. Но, к счастью, эти сомнения тебя оставили, и ты по-прежнему занимаешь лидирующие позиции в своём героическом Движении, ибо кризис, который переживает Ближний Восток и мир в целом, требует от лидера непреклонной воли, широкого мировоззрения и огромного опыта, которым ты обладаешь. Итак, здравствуй!

Халед МИШААЛЬ: Благодарю тебя, дорогой Александр, за тёплые слова, сказанные в мой адрес. Я никогда не заявлял, что уйду совсем из Сопротивления и прекращаю борьбу. Просто во время очередных выборов, которые проходят регулярно в недрах ХАМАС, я заявил, что не хотел бы занимать первое место в нашем Движении и готов уступить эту позицию другому соратнику. Но моё желание встретило противодействие со стороны наших братьев, моих соратников, и руководства ХАМАС. И мне предложили остаться на этом посту, с чем я и согласился.

А. П.: Когда мы виделись с тобой в последний раз, Халед, и беседовали среди спокойного ночного Дамаска, мы не предполагали, что в мире случится такой мощный катаклизм.

Х. М.: Мы предполагали, что возможен такой толчок, такое землетрясение. Но события такой силы, таких масштабов действительно не прогнозировали.

Слева направо: Александр ПРОХАНОВ, Халед МАШААЛЬ, Шамиль СУЛТАНОВ

А. П.: А какова же природа этого толчка, этой схватки? Является ли это реализацией того американского плана, который был заявлен после событий 11 сентября, когда американцы бросили вызов всему исламскому миру, объявляя, по сути, процесс исламского возрождения террористическим процессом? Или это было результатом стремительного исламского возрождения, которое нарушило унылый устоявшийся баланс сил в регионе? Или, быть может, это результат встречи этих двух процессов?

Х. М.: Ближний Восток сотрясается от ударов разной силы и разной интенсивности. Но самый значительный из этих ударов связан с могучим стремлением народов к своему освобождению, за свою духовную и религиозную суверенность. Это движение получило название «Арабская весна». Народы региона стремятся к свободе, к народовластию, к преодолению отсталости, к победе над коррумпированным чиновничеством. Они хотят участвовать в принятии государственных решений,

не довольствоваться ролью рабов или безгласных статистов. Арабский мир стремится встать вровень с остальным человечеством, достигнуть новых цивилизационных высот, овладеть наиболее изощрёнными технологиями, создать такие формы народовластия, в которых исламский мир обрёл бы своё развитие и цветение. Это стремление миллионов людей сталкивалось и сталкивается с теми силами, которые удерживали наши народы в нищете, бесправии, не давали выхода этой творческой национальной энергии.

Победа Арабской весны в Египте, приход к власти «Братьев-мусульман», казалось, открывали путь для этого стремительного развития, путь для достижения народовластия и прогресса. Однако угнетатели совершили контрреволюцию. Осуществили страшное насилие, растоптали народовластие. Убили тысячи людей, а свободно избранного президента Египта Мурси посадили в темницу.

Арабская весна встретила с сопротивлением глобальных игроков, могучих держав, которые стремились сохранить свою гегемонию в регионе. Эти глобальные игроки десятилетиями управляли процессами на Ближнем Востоке, используя власть местных тиранов, которые были марионетками в их руках.

Арабская весна натолкнулась на позицию Израиля. Израиль боится этих перемен, боится усиления арабского мира, боится увидеть арабские государства, оснащённые новыми технологиями, устремлёнными в развитие.

Израиль в своей явной и тайной дипломатии всегда опирался на тиранов, держа-

щих арабский мир в повиновении. Народы нашего региона настроены против Израиля, но господствующие здесь режимы фактически только способствуют существованию агрессивного израильского государства.

Это первый пласт представлений о том, что произошло за минувшие три года. Все эти противоречия столкнулись, что привело к огромному количеству разрушений, к пролитию крови, к жертвам. Это вызывает глубочайшее сожаление и острую боль. Кровь, которую пролили угнетатели, их изощрённые политические технологии привели к тому, что в исламском мире возник межконфессиональный раскол.

Западные политические технологии предусматривают столкновение различных религиозных течений в Арабском регионе, создание очагов напряжённости внутри исламского мира, своеобразных ловушек, которые улавливают в себя энергию исламского возрождения и гасят там эту энергию, сжигают эту энергию в конфликтах, кровопролитии, в розни и ненависти.

Неправильно считать, что после государственного переворота в Египте Арабская весна захлебнулась — арабская революция переходит на другой уровень, возможно, гораздо более радикальный. Поражение в Египте, трагедия Сирии связаны с целым рядом ошибок, которые допустили «Братья-мусульмане». Ошибок, которые привели к тому, что добытую в таких многолетних трудах власть они вновь потеряли. И может показаться, что это перечёркивает целый огромный период борьбы.

Под ошибками я подразумеваю некоторую идеалистичность наших представлений о противнике. Неподготовленность «Братьев» к тому, чтобы не только взять, но и закрепить власть в такой громадной сложной стране, как Египет. Неточный выбор союзников и недооценка противника. Воспользовавшись этими ошибками, враг вырвал власть у народа, установил диктатуру и стремится вернуть арабский мир и народ Египта в прежнее, предреволюционное, сонное, дремлющее состояние.

Однако я убежден, что народы региона вспять уже не повернуть. Народы знают, чего они хотят, у них ясная цель — будущее процветание. И главное, что эти народы преодолели страх, который они испытывали перед насилием. Они сегодня бесстрашно выходят на улицы и площади Египта. В них стреляют армия и полиция. Улицы городов покрываются кровью и трупами, но народ продолжает

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Фото: Василий ПРОХАНОВ

боротся и демонстрировать каждодневный героизм. Миллионы достигли высокого уровня самосознания. Это не тупые, не забитые неграмотные люди. Это люди, узнавшие вкус победы и свободы. Арабская революция продолжается и входит в новый этап. Быть может, этот новый этап будет сопровождаться страданиями и болью, но грядущая победа неизбежна. Но какие бы фазы ни проходила революция, в каких бы уголках Большого Ближнего Востока она ни вспыхивала, все арабские народы по-прежнему считают палестинский вопрос своей главной проблемой.

А. П.: Халед, ты говорил об ошибках, которые допускали лидеры Арабской весны. Скажи подробнее, какие ошибки совершили «Братья-мусульмане» в Египте, если они сравнительно легко получили эту власть, а потом так же быстро, без особого сопротивления её потеряли. В чём секрет этих

трагических перемен? Ведь этот регресс вызвал разочарование у всего мирового прогрессивного человечества.

Х. М.: Очень трудно в кратком интервью дать подробную оценку сложнейшим процессам в Египте, ибо это предмет глубокого анализа, сложного исследования и очень тщательного изложения. Всегда, когда в историческое движение вовлекаются огромные, многомиллионные народные массы, лидеры, возглавляющие эти процессы, допускают неточности и ошибки. Такие ошибки обычно допускаются в тактическом плане, но это не может не влиять на всю стратегию в целом.

Если мы будем концентрировать внимание на этих тактических ошибках, это отвлечёт нас от взгляда на стратегическую перспективу. У сил прогресса, которые добились политических успехов в процессе Арабской весны, не было достаточно времени для того, чтобы,

Фото: Василий ПРОХАНОВ

реализовав свои программы, показать народам преимущества начавшихся преобразований в области экономики, культуры и политики.

Запад утверждал, что исламисты и народовластие несовместимы. События в Египте показывают, что именно исламисты, более чем кто бы то ни было, придерживаются принципов народовластия, а силы, мнящие себя представителями демократических традиций, без всякого стеснения прибегают к военным переворотам, политическому насилию, массовым убийствам.

А. П.: Не значит ли это, что теперь, после поражения, «Братья-мусульмане» вновь продолжат свою ненасильственную борьбу, опять накопят силы, опять придут на выборах к власти и опять потеряют эту власть?

Х. М.: Огромные исторические перемены, реализуясь, проходят несколько фаз. Иногда эти перемены длятся в течение нескольких поколений. Это естественно. Когда машина истории движется и преодолевает огромный путь, на пути случаются поломки. Но это

не останавливает ход истории. Исторический процесс неумолимо продолжается.

Что произошло с Арабской весной, с демократическими переменами в нашем регионе? На пути этих перемен случились поломки. Но это нельзя назвать поражением. Ведь воля народов к прогрессивным переменам, к народовластию сохраняется и в конце концов непременно победит. «Братья-мусульмане» привержены идеалам народовластия и отрицают политическое насилие. Необходимо во что бы то ни стало сохранить мирный характер даже самых масштабных преобразований, демократический характер этих перемен. Народы будут учиться на своих ошибках, будут более внимательно относиться к революционному процессу и избавятся от тех ошибок и недостатков, которые подстерегают их в пути.

А. П.: Халед, когда ты говоришь о гармоничном парламентском демократичном пути, ты напоминаешь мне не яростного пламенного революционера, а религиозного проповедника. Но пример Сирии

показывает, что мирные демократические трансформации власти исключены, их заменяют революция и война. Сирия — это ещё одна страшная рана, нанесённая на тело ближневосточной цивилизации. Именно сирийские события доставили столько огорчений, неприятностей и угроз ХАМАС. Ты был вынужден выбирать между режимом Башара Асада, который дал приют тебе, твоему штабу и твоей организации в Дамаске, и частью сирийского народа, который выступил против правящего сирийского режима. И это был мучительный выбор. И ты уклонился от этого грозного выбора, не стал выбирать между повстанцами и Башаром Асадом, а просто ушёл. Но это не избавило тебя от массы огорчений и издержек. Возможен ли был для тебя другой выбор? И что это за издержки и траты, которые продолжает нести твоя организация?

Х. М.: Дорогой Александр, я вовсе не религиозный проповедник. Я исповедую принцип, согласно которому народы, подвергающиеся внешней агрессии, внешней экспансии, имеют право на оборону, право на отпор. Именно поэтому у народа Палестины есть боевая организация, есть вооружённые защитники, есть ракеты и мины, которыми мы отбиваем израильскую агрессию.

Что касается Сирии, то этот конфликт внутренний и связан с противоречиями между различными политическими силами в самой Сирии. Мы призываем к мирному решению этого конфликта. Хотя понимаем, что это не всегда легко, зачастую связано с преодолением огромных трудностей.

Соглашусь с тем, что очень часто демократические преобразования на своём пути сопровождаются революцией, кровопролитием и насилием. Это вызывает сожаление. Но это не является догмой. Это преодолимо.

Что касается Сирии, то мы воспринимаем события в этой братской стране трагически. Мы хотели, чтобы Сирия включилась в поток Арабской весны и продемонстрировала миру свой уникальный позитивный сценарий этой «весны». Мы хотели бы, чтобы Сирия сохранилась как сильная страна, противостоящая Израилю, и продолжала свою внешнюю политику, оказывала бы поддержку палестинскому сопротивлению. Но во внутренней политике мы бы приветствовали демократические реформы с учётом интересов сирийского народа.

Сначала мы полагали, что это возможно. В начальный период кризиса мы не раз высказывали свои представления и свои суждения как сирийскому руководству, так и представителям оппозиции. Но возобладал силовой военный вариант, и в этот внутренний кризис вмешались международные силы, что привело к формированию ширококомасштабного регионального конфликта.

Мы приняли решение, согласно которому сирийский кризис — это внутреннее дело страны, и мы сознательно отстранились от этого конфликта. Такая позиция вытекает из той совокупности ценностей, которые мы исповедуем. ХАМАС — народное движение, мы выросли из народа и не можем выступать против народа в принципе. Для нас «народ» — не пустое слово. Вы никогда не найдёте нас там и с теми, кто выступает против народа. Но также мы не даём себя втянуть во внутренний сирийский кризис.

А. П.: Какие потери возникли в результате такого решения?

Х. М.: Прежде всего, естественно, мы потеряли Сирию как место нашего пребывания. Сирийское правительство, сирийское государство, сирийский народ долгие годы оказывали нам поддержку, гостеприимство,

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Фото: Василий ПРОХАНОВ

и для нашей борьбы это было чрезвычайно важно. Но теперь, в результате нашего решения, мы этого лишились. Сирия — это большая страна, которая граничит с оккупированной Палестиной, в Сирии проживает почти полмиллиона палестинских беженцев. Наш уход из Сирии лишил нас поддержки со стороны правительства и со стороны сирийского народа, лишил стратегических позиций нашего пребывания в Сирии, в непосредственной близости с оккупированной Палестиной.

Но наибольшей стратегической потерей не только для нас, но и для всех арабов является то, что Ближний Восток лишился единой, сильной, целостной Сирии как оплота антиизраильского сопротивления.

Сегодня Сирия представляет собой открытый, самый сложный многоярусный конфликт. Там продолжаются масштабные разрушения, там — огромное количество жертв. Теряется армия, теряются оборонные пояса, направленные против Израиля. Идёт истощение сирийского народа. Множество сирийцев вынуждены были мигрировать из своей страны в соседние государства. В результате нашего ухода из Сирии ухудшились наши отношения не только с сирийским правительством, Башаром Асадом, но и с нашими иранскими друзьями, и с нашими братьями из Хезболлы. Да, мы не поссорились ни с Ираном, ни с Хезболлой, но в наших отношениях возникли

некоторые трудности, которые мы сейчас преодолеваем.

А. П.: Вот об этом я хотел спросить: за годы твоей деятельности ХАМАС достиг сложных, многоаспектных, конструктивных отношений с целым рядом разных политических сил. Установились отношения с Ираном, Хезболлой, Сирией, Евросоюзом, Россией и даже с Соединёнными Штатами. В результате произошедших событий многие из этих отношений перепутались, разорвались. Каковы сейчас отношения ХАМАС с Ираном, с Хезболлой?

Х. М.: Повторяю: то, что случилось, напоминает мощное землетрясение. На все страны, организации, группировки нашего региона этот политический катаклизм оказывал и продолжает оказывать сильнейшее влияние. На наше Движение это землетрясение также существенно воздействовало. Такие исторические события не могут не затрагивать и политические отношения между организациями и партиями, и отношения между конкретными людьми. Мы стремимся найти баланс между нашими ценностями, принципами и конкретной политической практикой, через которую мы хотим реализовать наши стратегические цели. Это и есть искусство политики.

Если возникают разногласия по какому-то конкретному вопросу в рамках политических отношений с тем или иным государством или организацией, мы стремимся к тому, чтобы локализовать эти разногласия и не распространять их на весь спектр наших отношений.

Да, у нас были разногласия с Ираном и Хезболлой по поводу сирийского кризиса, но у нас никогда не было разрыва, отношения сохранились. То же самое касается наших отношений с Россией и Евросоюзом. Мы всегда заявляем, что для ХАМАС главным вопросом является палестинский вопрос. И главное противостояние — это противостояние с сионистскими оккупантами. Это и есть главный критерий наших отношений со всеми странами и силами региона и мира. При этом мы смело и откровенно говорим, что мы — на стороне преобразований, народовластия, реформ и свободы.

Шамиль СУЛТАНОВ: Я хочу уточнить несколько моментов. Ты, дорогой Халед, особо акцентируешь внимание на необходимости демократии, народовластия, мир-

ного развития... Но все великие революции не обходились без насилия. Какие бы мирные принципы ни проповедовали и ни реализовывали «Братья-мусульмане» в Египте, пришедшие к власти в результате парламентских выборов, их противники без всякого стеснения устроили военный переворот, незаконно, силой отобрали у них эту власть, расстреляли свыше пяти тысяч сторонников ихванов, десятки тысяч «Братьев» посадили в тюрьмы. И тем самым они показали, что ради сохранения власти они готовы физически уничтожить ещё десятки и сотни тысяч «Братьев-мусульман». Товарищ Мао Цзэдун, один из величайших революционеров XX века, утверждал: «Винтовка рождает власть». Другой великий революционер — Владимир Ильич Ленин — говорил, что только та революция имеет право на существование, которая способна себя защищать.

Как ты считаешь, как будет дальше развиваться Движение «Братья-мусульмане»? Ведь сегодня в Египте появились молодые лидеры ихванов, которые говорят: мы предупреждали, что насилие неизбежно, что враг не остановится ни перед чем, чтобы вернуть власть. Эра разгово-

ров кончается, наступает эра автоматов. Хунта, изнасиловавшая закон, никогда добровольно власть не отдаст. Ведь то же самое было и есть в Палестине. ФАТХ, его коррупционные лидеры, которые отняли у вас власть, добытую вами на честных выборах, добровольно от этой власти никогда не откажутся.

В Египте уровень насилия объективно будет увеличиваться. И нет ли угрозы того, что ХАМАС со своими мягкими, бархатными принципами может оказаться на обочине революционного процесса? Пророк Мухаммад, когда резко обострилась конфронтация с хашимитскими верхами в Мекке, не остановился перед тем, чтобы поднять знамя вооружённой борьбы против них. Это помогло совершиться самой великой революции в мире — революции Ислама.

Что ты думаешь о соотношении мирных и немирных средств в условиях, когда враг беспощаден и не знает жалости?

Х. М.: Это очень сложный вопрос, дорогой Шамиль. Мы считаем, что если есть явный враг всей Умме или нашей Родине, то единственный выбор — сопротивление, в том

Фото: Василий ПРОХАНОВ

числе вооружённое. Пример этому — борьба палестинского народа против сионистских оккупантов.

Что же касается внутренних конфликтов — внутри одного народа или одной страны, — здесь вступают в силу иные правила. В арабских странах на протяжении множества лет все перемены осуществлялись с помощью переворотов: либо это были узкие дворцовые перевороты, либо революционные перевороты, связанные с армией. Но с некоторых пор в недрах арабского мира началось движение, которое ставит целью изменить положение вещей ненасильственным способом. Этот великий метод победил вначале в Тунисе, потом в Египте, а потом стал побеждать и в других местах. Но силы подавления и тирании, видя победное шествие ненасильственных перемен, стали готовиться к контрудару. И случилось то, что мы сейчас видим: в ответ на мирное

движение реакционные режимы ответили кровавым насилием. Поэтому вся ответственность за насилие лежит на них, на этих режимах.

Несмотря на это, призыв противостоять этому насилию другим насилием, на мой взгляд, неприемлем. Я за то, чтобы добиваться перемен демократическим мирным путём. Я уверен, что в конце концов народы победят. Главное, чтобы они научились этим ненасильственным методам, поняли технологии ненасильственных революций. Очень важно, чтобы народное движение сохранило мирный характер. Тираны насильственным способом могут остановить это движение и на некоторое время вырвать власть у народа. Но это временное явление. Арабский регион вошёл в новую эру, новую эпоху, и народы не вернутся назад. Перемены в арабском регионе произошли, и они необратимы.

Фото: Василий ПРОХАНОВ

А. П.: Мы увидели нового Халеда Мишааль. Теперь Халед Мишааль — это Махатма Ганди.

Х. М.: Нет. Я говорю, что против оккупантов, пришедших на нашу территорию и оккупировавших нашу Родину, может быть только один ответ — вооружённое сопротивление. Здесь мы обязаны отвечать насилием на насилие. А внутри нашего общества, внутри нашего народа главное средство — это переговоры.

Ш. С.: События в Египте очень зримо показали, что на самом деле никакого единого египетского народа нет, есть два народа. То же самое в Сирии, то же самое в Тунисе, то же самое в Палестине. Есть народ Египта, который выступил за «Братьев», и есть секуляризированный народ Египта, который массово выступил против законно избранного президента Мурси и поддержал путчистов. Если бы Сиси и его военная хунта не воспользовались поддержкой этой части египетского народа, они бы не удержались у власти. То же самое в Сирии: есть два народа внутри сирийского общества.

Ведь что произошло в Египте? Против Мурси объединились все силы старого режима: армия, крупная буржуазия, значительная часть средней городской буржуазии, которая разочаровалась в «Братьях-мусульманах». Эти объединившиеся силы ясно показали, что больше ни в какие демократические игры они играть не будут. Если сейчас, во время переворота, они расстреляли, распяли, сожгли заживо пять тысяч египтян, в следующий раз они уничтожат пятьдесят тысяч человек. Когда пришёл Мурси, его поддерживали самые бедные слои населения. За время правления Мурси и во время этого переворота бедные слои стали ещё беднее и ещё несчастнее, и они потеряли всякую надежду на приход к власти демократическим путём. Допустим, если сейчас Мурси выпустят из тюрьмы и объявят новые выборы и на эти выборы пойдут Мурси и Сиси, — ясно, что Сиси «победит», потому что на его стороне армия, на его стороне насилие, на его стороне административный ресурс.

Что же получается? В результате того, что «Братья-мусульмане» надеялись на мирные буржуазные демократические преобразования, исламское движение по-

Фото: Василий ПРОХАНОВ

терпело поражение. Ты правильно сказал, что мы вступили в новый период. Но этот период связан с потерей надежды. Десятки миллионов мусульман по всему миру считают, что — всё, демократический процесс закончен. Они рассматривают демократию как западную уловку и ищут новые пути для победы.

В 2006 году ХАМАС победил в Палестине. Но эту власть у ХАМАС отобрали насильственным путём. Если завтра опять будут выборы и опять ХАМАС придёт к власти мирным путём, эту власть опять отберут. Это вызов, исторический вызов.

Как ответит на этот вызов Халед Мишааль — лидер палестинского народа?

Х. М.: Я люблю такие тяжёлые вопросы, потому что они заставляют меня ещё глубже углубляться в тему. Я убежден, что в каждой стране есть один народ. Хотя этот народ может иметь в себе различные конфессии, различные этнические составляющие, реальные политические противоречия. Даже в самых устоявшихся демократиях есть политический разрыв внутри народа.

В Америке периодически обостряется глубокий раскол между демократами и республиканцами. Но это не значит, что есть два американских народа. Я не буду сейчас затрагивать вопрос о конкретной ситуации в Египте или Сирии. Я говорю об общих принципах.

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Нет ни одного лидера в мире, который бы имел внутри своего общества единогласную поддержку. Нет ни одной партии, которая бы имела единогласную поддержку в народе. В Палестине есть те, кто поддерживает ХАМАС, есть те, кто поддерживает ФАТХ, есть те, кто поддерживает другие фракции. Но наш народ един. Этим множеством мнений, множеством суждений внутри нашего народа мы хотим управлять с помощью принципов и правил народовластия, а не с помощью насилия. Любой человек внутри народа имеет право поддержать того или иного лидера. Мы хотим, чтобы соперничество было политическим, а не военным.

Силы коррупции и насилия хотели посеять в народе чувство безнадежности, чтобы люди перестали верить в демократические принципы, принципы народовластия, чтобы верх взяли тенденции к насилию. Любой вооружённый конфликт внутри народа лишь истощает исторические силы этого народа, обрекает его на жалкое существование перед лицом настоящих коррупционеров и диктаторов. Таким образом, силы насилия и тирании

хотят сохранить свою власть над народом, потенциал которого обязательно истощится во внутренней борьбе. Мы должны учитывать эту коварную тактику тиранов, сохранить энергию народов и реализовать её на длинной дистанции.

Всё, о чём я сказал, предполагает терпение, накопление политического опыта и соразмерность наших реальных возможностей с тем временем, которое необходимо нам для достижения наших целей.

Ш. С.: Все великие революции новой и новейшей истории — английская, французская, русская, китайская, иранская — представляли собой целенаправленное насилие, в результате которого полностью менялось общественное сознание, государство и общество, появлялся принципиально новый тип человека, история резко убыстряла своё движение вперёд. Почему арабская революция должна пойти по какому-то особому, странному, неклассическому пути? Если у властей предрежащих есть огромное количество денег, если

эта власть коррумпирована, если на её стороне купленная армия и силы безопасности, то она не остановится ни перед чем и никогда не допустит к управлению страной прогрессивных, требующих реальных перемен лидеров. Мы знаем достаточное количество примеров, когда арифметическое большинство оказалось неправым, оно ошибалось — трагически, драматически ошибалось.

Х. М.: У каждого народа свой опыт обретения свободы, каждый народ по-своему добивается права на народовластие. Вы перечислили примеры того, как народы обретали право на свободу путём насильственных революций. Я же считаю, что у арабского мира будет свой путь обретения свободы. Свобода негасима, как солнце.

Палестина ведёт сражение с оккупационными силами Израиля, и одновременно внутри палестинского народа существуют внутренние противоречия. Поэтому я предлагаю сначала навести порядок и добиться единства, совершенства внутри палестинского дома. Это значит — честные выборы и соперничество не с помощью оружия, а с помощью голосования, около избирательных урн, партнёрство при создании палестинских организаций и учреждений. То есть сочетание соперничества с совместной работой. Потому что палестинский народ нуждается в объединении усилий всех его сыновей в сопротивлении израильской оккупации.

Ш. С.: И последний вопрос. Что ты думаешь о нынешнем месте России на мировой арене? Каковы твои представления о роли президента Путина в современной системе международных отношений?

Х. М.: ХАМАС всегда выступал за многополярный мир и против такого положения в мировой политике, когда одна сила, одно государство, Соединённые Штаты, доминирует на международной арене. В последние несколько десятилетий весь мир, но в особенности народы Ближнего Востока, серьёзно пострадали в результате единоличного доминирования Вашингтона.

Для нас Россия — ключевая мировая держава, способная позитивно уравновесить и стабилизировать международную политику. Кроме того, народы Ближнего Востока хорошо помнят о той принципиальной позиции,

которой придерживался Советский Союз, поддерживая арабов в деле национально-освободительной борьбы, многосторонней помощи СССР арабским странам в их противостоянии Израилю и Западу.

Президент Путин смог укрепить российскую государственность, существенно усилить её роль на международной арене, вернуть ей уважение во всём мире. Именно благодаря лидеру России нынешняя мировая политика стала более сбалансированной и стабильной.

Поэтому мы надеемся, что президент Путин сделает всё возможное для укрепления отношений России с арабскими и мусульманскими народами, освободительными движениями сопротивления, борющимися с сионистской оккупацией, и встанет на сторону народов, стремящихся к свободе. Это послужит и стратегическим интересам России на мировой арене, интересам народов ближневосточного региона, всего международного сообщества.

Сегодня вместе со всем российским народом мы глубоко скорбим по жертвам бесчеловечных террористических актов в Волгограде. Мы убеждены, что эти кровавые провокации направлены на то, чтобы противопоставить Россию и исламский мир, столкнуть их в прямой конфронтации, ослабить и российское государство, и мусульманские народы. Но нашему общему врагу не удастся добиться своих целей!

Фото: Василий ПРОХАНОВ

Александр ПРОХАНОВ. Я русский солдат! —
М.: Книжный мир, 2014. — 464 с.

Удивительным образом выход этой книги, составленной из «особых мнений» автора в прямом эфире радиостанции «Эхо Москвы», совпал с прекращением сотрудничества председателя Изборского клуба и главного редактора газеты «Завтра», выдающегося русского писателя с «командой Венедиктова», упорно представлявшей своего гостя как «журналиста».

В многолетнем поединке идей, проходившем почти каждую среду, Проханов приобрёл множество новых сторонников среди изначально «чужой» для него аудитории, а сама радиостанция, выступающая как рупор «либеральной оппозиции», — репутацию истинных поборников принципа «свободы слова». По книге видно, что сотрудницы «Эха» сменяли друг друга, как волны, неизменно разбиваясь о прохановский утёс, но при этом столь же неизменно смягчая формулировки своего собеседника-оппонента («либералкам», по точному расчёту Венедиктова, Проханов явно прощал то, чего не простил бы ни одному «либералу»).

Но этот период «единства и борьбы противоположностей» на волнах «Эха Москвы» по ряду причин теперь завершён, а «нерукотворным памятником» ему служит анонсируемое здесь издание, где собраны самые яркие и значимые выступления А.А. Проханова.

Кульминацией сюжета всей изложенной в книге истории, несомненно, является беседа Александра Проханова с Алексеем Навальным — вместо яростного поединка двух стихий, «государственнической» и «либеральной», мы становимся свидетелями тотальной ограниченности и зацикленности выпускника Йельского университета 2010 года по сравнению с выпускником Московского авиационного института 1960 года. Порой признанный «лидер антикремлёвской оппозиции» даже откровенно не понимал, о чем с ним пытаются говорить.

И очень к месту в заключении этой книги приведён отрывок из прохановского интервью 1999 года: «То «советское», которое мы теряем, с которым мы расстаёмся, — оно чем дальше, тем больше очищается от всей пыли, всего праха и чешуи, от обиденного, от будничного и предстаёт как огромный космический рывок в какую-то другую альтернативу, в другой мир, в котором захотело жить человечество. Создав Советский Союз, человечество ведь пыталось жить не в этом свинстве, в котором мы все сейчас живем: когда американцы безнаказанно бомбят Ирак и Югославию, когда в мире царствует цинизм, хамство, когда Россия превращена в клоаку и происходит деградация целого континента».

Сергей КАРА-МУРЗА, Ольга КУРОПАТКИНА. Нациестроительство в современной России. —

М.: Алгоритм, Научный эксперт, 2014. — 408 с.

Авторы «Нациестроительства...» захватили (или создали) стратегически важный плацдарм, с которого можно начинать решающее наступление в избранном ими направлении — исследовании того, как превратить процессы «нациестроительства» и «демонтажа наций» в реальные политические технологии: «Кризис конца XX в. загнал Россию в новую историческую ловушку, выбраться из которой можно, только вновь «собрать» её народ (нацию) как субъект истории, обладающий политической волей...» При этом «собрать нацию под лозунгами «рынка и демократии» представляется невозможным», а лозунг «комфортной жизни» как цели государственной политики, вы-

двинутый некоторое время назад высшими руководителями российского государства, не находит никакой поддержки в обществе, страдающем от тотальной нищеты и вопиющей социальной несправедливости. «Комфортная жизнь», которую ведут сегодня от силы 5% россиян, означает полный и необратимый социальный дискомфорт для остальных 95% населения страны. Условия этого дискомфорта являются, по сути своей, концлагерными и могут рассматриваться как одна из «мягких», растянутых во времени и пространстве форм геноцида. Или, если угодно, аутогеноцида, общественного самоубийства, который необходимо прекратить как можно скорее.

Владимир ЛИЧУТИН. Уроки русского. —
Подольск: Академия-XXI, 2014. — 304 с.

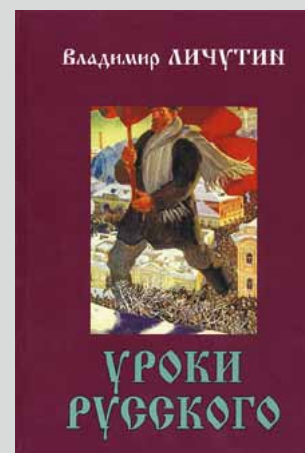
Публицистические работы одного из «живых классиков» современной русской литературы предваряет его запевная беседа с Александром Прохановым «По морю жизни на русском челне».

«Какую-то задачу, истину русский народ должен исполнить. Не случайно Богородица русскому народу даровала такие огромные пространства, а никакому другому. Мы — охранители этого большого пространства под названием Россия... Покров Богородицы — дан только нам. Почему?»

Поморская русскость Владимира Личутина, уверенного в том, что Россия, Русь всегда была «на высоте» человеческой цивилизации,

от глубочайшей древности до нынешних дней, что следы наших предков по языку и культуре, которым пять-шесть тысяч лет, можно обнаружить от Пиренеев до Дальнего Востока, задаёт совершенно иную систему координат для современной России.

Этот порыв в глубины истории и в глубины собственного языка сродни тому порыву, с которым земляки Личутина сотни лет стремились на Север и Восток, «встречь солнцу», осваивая и давая имена всему сущему на этих землях и водах. Уроки русского — сродни урокам того праязыка, который Адам создавал в раю.

Эрнест СУЛТАНОВ. Записки оккупанта. Роман. —
М.: Амфора, 2014. — 308 с.

Новая книга Эрнеста Султанова посвящена Италии, в которой ему довелось провести несколько лет своей жизни. Мозаика заметок об истории, футбольных стадионах, «тиффози» и праздниках разных городов предваряется размышлениями о «менеджменте в стиле Дуче». Автор вполне справедливо полагает, что Бенито Муссолини, правивший на Апеннингах более 30 лет, оказал на современную Италию гораздо большее влияние, чем это принято считать. Но сегодня «в условиях победившего маркетинга» идеология оказывается не более чем рекламной акцией... Потомки «коммунистов» и «фашистов» в лучшем случае становятся частью франчайзинговых

сетей партии «Народ свободы» и Демократической партии... избиратель вынужден делать выбор между двумя брендами колы, поскольку, кроме газировки, ничего другого нет...»

Под видом художественной фикции, описывающей одну из крупнейших стран Европы как бы «глазами оккупанта из России»; поп-арт-романа, который ни в коей мере не может рассматриваться как «серьёзная» работа по интересующей Эрнеста Султанова проблематике «нового тоталитаризма», автору удалось как минимум обозначить своё присутствие на этом весьма перспективном уже в ближайшем будущем медийном «поле».

Андрей ГУСЬКОВ. Исповедь победы. Эволюция системы Кудрина. —
М.: Книжный мир, 2014. — 448 с.

Что ожидает читатель, открывая новую книгу? Неведомых знаний, положительных эмоций, созвучия своим настроениям, пищи для размышлений, когда автор приглашает «собеседником на пир».

Не всякая книга может предложить вниманию читателя даже малую часть того. «Исповедь победы» — предлагает. Это чтение будет увлекательно, пожалуй, для каждого человека. Независимо от возраста, социального статуса, пола, достатка, профессии.

Мужчины найдут в ней рассказ человека, состоявшегося в жизни, которого судьба не обошла как успехом, так и неудачами. Но не сломила.

Деловой человек увидит некий план по развитию бизнеса.

Женщины найдут историю о любви. О её угасании. О вновь обрётённом чувстве. Богатые, прочитав, поймут, что их устроенная, даже сверхкомфортная жизнь — далеко не высшая из возможных точка приложения сил. Люди, находящиеся в стеснённых обстоятельствах, увидят, что из трудной жизненной ситуации можно выбраться.

Это книга о личной судьбе. Это книга о путях России. Книга о душе, о земле и воле. О том, как можно и нужно вернуться человеку на землю. Чтобы почувствовать свою связь со всеми её просторами, со всеми стихиями: природными и общественными.

Хронология мероприятий клуба

Фото: редакция «ИК»

Во время заседания в Изборском клубе 9 декабря 2013 года

9 декабря 2013 года

В Изборском клубе состоялось заседание на тему «Главные недостатки новой концепции единого учебника по истории». Частично его материалы были опубликованы в газете «Завтра», 2014, № 1 (<http://zavtra.ru/content/view/katastroficheskij-shag-nazad/>).

Среди основных недостатков концепции, отмеченной участниками заседания, были названы:

- «евроцентризм», то есть позиционирование России на разных этапах её существования как системы, непрерывно отстающей от западных «образцов» и осуществляющей «догоняющее развитие», что достигается систематическим подчёркиванием сходства и аналогий между историей России и западноевропейских стран, что нивелирует цивилизационное своеобразие и умаляет достижения нашей страны;
- представление об истории нашей страны как «цепи катастроф», в которой каждый из периодов-звеньев не имеет никакой преемственности с предыдущими, частично или полностью отрицая их;
- неоправданное умаление роли русского народа и православной церкви в истории отечественной государственности;
- практически полное отсутствие ценностной составляющей, в результате чего история России выглядит как перечень отдельных фактов, вне их взаимосвязи и становления российского государства, что исключает патриотическое воспитательное значение данного учебника истории, не способствует росту гражданского самосознания учащихся.

По итогам заседания была принята резолюция, направленная в адрес Президента РФ В.В. Путина и руководителя Российского исторического общества, председателя Госдумы РФ С.Е. Нарышкина, с просьбой приостановить процесс внедрения данного стандарта «единого учебника истории» как не способствующего и даже препятствующего самоидентификации российской «гражданской нации».

12 декабря 2013 года

«Информационные войны как угроза для России. Новейшие виды организа-

ционного оружия» — так была названа совместная конференция Изборского клуба с Центром военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России и Центром социально-консервативной политики (ЦСКП), которая прошла в МГИМО. В ходе конференции прозвучали доклады «Сетевые войны» лидера Международного евразийского движения, директора Центра консервативных исследований при социологическом факультете МГУ Александра Дугина, «Анонимная война. Новый 1968 год: мировоззренческое содержание и механизмы революций 2.0» (авторы — председатель правления Института динамического консерватизма, заместитель главного редактора журнала «Однако» Андрей Кобяков, политолог Константин Черемных и обозреватель «Однако» Маринэ Восканян), «Цифровые войны XXI века» (авторы — эксперт МВД РФ, конфликтолог Елена Ларина и вице-президент Союза криминалистов и криминологов России, генерал-майор милиции в отставке Владимир Овчинский). Среди выступавших были проректор по научной работе МГИМО (У) МИД России, директор Центра военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России Алексей Подберёзкин, руководитель общественно-политического движения «Российский общенародный союз» Сергей Бабурин, писатель Максим Калашников, вице-президент Российской криминологической ассоциации Игорь Сундиев, историк Андрей Фурсов и другие. Материалы конференции доступны на сайте Изборского клуба <http://dynacon.ru>.

16–18 декабря 2013 года

Председатель Изборского клуба Александр Проханов и конфликтолог Шамиль Султанов совершили поездку на Ближний Восток. В штаб-квартире ХАМАС в Катаре состоялась их встреча с идеологом и лидером движения ХАМАС Халедом Мишаалем, вызвавшая определённый резонанс не только в российских, но и в зарубежных масс-медиа, предсказуемо самый сильный — в Израиле.

«Руководитель ХАМАС выразил надежду на то, что президент РФ Владимир Путин сделает всё возможное для укрепления отношений России с арабскими и мусульманскими народами, а также с освободительными движениями, борющимися с сионистской оккупацией. Мишааль подчёркивает нейтралитет ХАМАС в межарабских конфликтах, указывая на то, что главное для его организации — это противостояние сионистским оккупантам. Он признаёт существования разногласий между ХАМАС и Ираном, но отрицает факт разрыва отношений с Тегераном» (<http://www.allvoices.com/contributed-news/16326848-arab-media-jihadists-kill-each-other-in-syria>).

«Что общего между российской газетой «Завтра» и организацией ХАМАС? И те и другие уповают на Владимира Путина: укрепив страну и её позиции в мире, президент России, по их мнению, теперь может включиться в борьбу с сионистскими оккупантами. Почти как в Советском Союзе... Историческая встреча главы политбюро ХАМАС Халеда Машала и главного редактора газеты «Завтра» Александра Проханова прошла накануне в Катаре. Проханов, конечно, ещё не Кремль, однако сам факт таких контактов наводит на исторические параллели. Тем более что Путин то и дело как бы вскользь напоминает о славном советском прошлом и пытается вернуть былое могущество СССР...» (<http://9tv.co.il/video/2014/01/12/45768.html>).

24–25 декабря 2013 года

Известный писатель-футуролог Максим Калашников представлял Изборский клуб на круглом столе «Перспективы применения федерального законодательства Российской Федерации в контексте законодательной инициативы президента Приднестровской Молдавской Республики: опыт гармонизации, этапы, правовые основы и механизмы», организованном президентом и министерством иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики в Тирасполе.

Фото: Редакция «ИК»

Совместная конференция Изборского клуба с Центром военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России и Центром социально-консервативной политики (ЦСКП). Доклад читает Александр ДУГИН

По итогам этой поездки Максим Калашников сделал целый ряд заявлений, призывающих Россию укреплять связи с ПМР, вплоть до поэтапного принятия непризнанной республики в состав РФ на правах эксклавного субъекта Федерации, аналогичного статусу Калининградской области: «Момент решительный: Республика Молдова (*антирусская и прозападная*. — М. К.) идёт на отказ от национального суверенитета... и готовится влиться в Румынию. ПМР это не устраивает — приднестровские русские (*имею в виду под сим великороссов, малороссов-украинцев, молдаван, болгар и других представителей боевитых приднестровцев*. — М. К.) не желают быть людьми второго сорта в Великой Румынии. Против этого они с оружием отстаивали свою свободу в 1990–1992 годах... Моё мнение: либо ПМР погибнет, либо — станет частью РФ. Ибо уже сейчас ЕС готовит экономическую блокаду Приднестровья... Теперь Кремль должен... для начала — признать ПМР официально (как Абхазию и Южную Осетию), а затем — предотвратить экономическую блокаду республики. Для этого нужно использовать долговую зависимость Украины от РФ и вы-

бить из Киева гарантии прямой железнодорожной связи между Тирасполем и РФ. Считаю, что и таможня РФ должна появиться в ПМР — и Москва должна перестать принуждать Тирасполь к ведению торговли с РФ (и прочим миром) через Кишинёв... Почему я буду поддерживать всё, что ведёт в воссоединению РФ и ПМР? Потому что Приднестровье есть часть Новороссии (Новой России), созданной в 1770 году и тянущейся от Днестра вдоль северного берега Чёрного моря (включая Крым) до Дона и Кубани. Воссоединение с ПМР (и успех в её развитии) породит сильнейшие юнионистские настроения на так называемом «юге Украины» (в Новороссии — на Одещине, Херсонщине, Николаевщине, в Крыму и в Мариуполье) и в Донбассе. Принятие ПМР в РФ считаю не квазиимперским, а истинно державным, русско-воссоединительным шагом. Который, как кристаллик соли, брошенный в насыщенный соляной раствор, начнёт процессы кристаллизации. Приднестровье есть акупунктурная точка, нажав на которую, можно начать процесс воссоздания Большой России...» (<http://m-kalashnikov.livejournal.com/1679855.html>).

Светлана СЫРНЕВА: «Ибо чаша была и осталась полна...»

Время жизни катится неспешно, неприметно и неостановимо — как солнце по небосводу. Не успеешь оглянуться — а оно уже закатно, и далеко-далеко тот 1988 год (больше четверти века прошло!), когда мы впервые увиделись со Светланой Сырневой и её мужем Сергеем Уховым в их небольшой квартире не слишком далеко от центра города Кирова. Уже были написаны знаменитые ныне «Прописи», а будущее только накатывало девятым валом.

К тому времени год как существовал поэтический клуб «Верлибр», и стало ясно, что Киров каким-то промыслом стал одним из новых поэтических центров Советского Союза. Были там и Сергей

Ухов, и Николай Голиков с этапной для отечественной литературы, но так и не оцененной в должной мере поэмой «Колобок», и «классический диссидент», переводчик либретто оперы «Иисус Христос — суперстар» Михаил «Коко» Коковин, и редкого дара экспериментатор слова Георгий Антонов, и немало других авторов. Из этой вот советско-постмодернистской художественной среды, будучи там не только «в доску своей», но и признанной законодательницей мод и арбитром вкуса, вышла Светлана Сырнева.

Валенки и пуховый платок столь же органичны для неё и её творчества, как и костюм от Шанель с модельными туфлями-лодочка-

ми. Многолетняя работа пресс-секретарем администрации города Вятки тоже, казалось бы, плохо сочетается с подобной, по любым меркам — высшей пробы! — поэзией.

И тем не менее всё так... Похоже, русские мужики слишком долго запрягают тех коней, которых на скаку остановили русские бабы. И не всякая птица-тройка (быстро ездим же!) долетит до середины Днепра, даже — до середины Вятки, не говоря уже о Волге.

Но без стихов Светланы Сырневой русская поэзия рубежа XX–XXI веков уже совершенно непредставима.

Георгий СУДОВЦЕВ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА:

Светлана Анатольевна СЫРНЕВА родилась в 1957 году в деревне Русско-Тимкино Уржумского района Кировской области. После окончания Кировского государственного педагогического института работала учительницей русского языка и литературы, корреспондентом, а затем редактором уржумской районной газеты, корреспондентом кировских областных газет. Автор книг «Ночной грузовик» (1989), «Сто

стихотворений» (1994), «Страна равнин» (1998), «Сорок стихотворений» (2004), «Белая дудка» (2011), романа в стихах «Глаголев» (1997). Лауреат ряда российских литературных премий, в том числе Всероссийской литературной премии «Традиция» (1996), Малой литературной премии России (1997), Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2002).

ПРОПИСИ

Д.П. Ильину

Помню, осень стоит неминуемая,
восемь лет мне, и за руку — мама:
«Наша Родина — самая лучшая
и прекрасная самая».

В пеших далях — деревья корявые,
дождь то в щёку, то в спину,
в сапожонки дырявые
заливается глина.

Образ детства — навеки:
как мы входим в село на болоте.
Вот и церковь с разрушенным верхом,
вся в грачином помёте.

Лавка низкая керосинная
на минуту укроет от ветра.
«Наша Родина — самая сильная,
наша Родина — самая светлая».

Нас возьмёт грузовик попутный,
по дороге ползущий юзом,
и опустится небо мутное
к нам в дощатый гремучий кузов.

И споёт во все хилые рёбра
октябратский мой класс бритолобый:
«Наша Родина — самая вольная,
наша Родина — самая добрая».

Из чего я росла-прозревала,
что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
безрассудная вера!

Ты горька, как осина,
но превыше и чести, и срама —
моя Родина, самая сильная
и прекрасная самая...

1987

СЕЛЬСКИЙ АНГЕЛ

Церковь закрыта в двадцать восьмом,
школа — в две тысячи пятом.
Плавают пух сорняков над селом,
сияясь приткнуться куда-то.

Женщина выйдет, бледна и худа,
встанет босыми ногами,
время счастливое вспомнит, когда
бомбой нейтронной пугали.

Сорок семей: погибать по одной —
самая худшая участь.
Лучше накрыло бы общей волной,
померли б вместе, не мучась.

Тихо отпрянет куда-то во мглу,
в тёмные, старые сени.
Тянется длинный асфальт по селу,
взрытый пучками растений.

Церковь стоит посредине села,
церковь пустая, сквозная.
Липа ветвями её обняла,
купол собой заменяя.

Ясен и светел над ней небосвод,
солнца и влаги хватает.
Ангел, сказали мне, в липе живет
и по ночам вылетает.

Чудится: робкий, неслышный, простой,
смотрит всевидящим оком,
кружится долго над фермой пустой,
над обесточенным током.

Белые крылья сложив в вышине,
смотрит и шепчет, рыдая:
«Братья и сёстры, идите ко мне,
в двери небесного рая!»

Там, в лучезарной долине из роз,
я вас от горя укрою.
Надо — построю вам новый колхоз,
новую школу открою!»

Спит население, лишь от души
хор насекомых стрекочет.
Невыразимо они хороши,
краткие летние ночи!

И, уставая бессильно сгорать,
падают звезды в осоку.
Полно, никто не хотел умирать
по отведённому сроку.

* * *

Тесно ли дремучим берегам
От соседства подступивших вод?
Подожди! Сегодня по лугам
Ни лесник, ни трактор не пройдёт.

Оттого-то и уснуть невмочь,
Что на сотню вёрст среди раки
Талая, вспухающая ночь
Всей громадой гибельной стоит.

Мнится: не хватает лишь толчка,
Выстрела из одного ствола,
Чтоб отягощённая река
Глухо, разрушительно пошла.

Белым занавешено окно,
Тёплый стерегущее покой.
Но бездомно сердце, и оно
Талой переполнено тоской.

Господи! Не позже, чем теперь,
Мощь путины дланью помани,
Взвесь её – и с сердцем соразмерь,
И уравновесятся они.

Мнится сердцу: хватит и толчка,
Выстрела из одного ствола,
Чтобы эта сжатая тоска
Мир, высвобождаясь, обняла.

НА КАРТИНУ А. ВЕПРИКОВА «СИНЬ И ЗОЛОТО»

Корка хлеба ржаного, стакан молока —
и от этой ничтожности сытость была,
словно чья-то не зримая нами рука
клала что-то ещё на пустыню стола.

Перемётный барак незапамятных лет,
на задворках сарай обветшал и осел.
Его крыша дырява, но в каждый просвет
входит небо — и мир твой по-прежнему цел.

Так мы жили, не зная, что можно пенять
на провалы, прорехи, гнильё да былё.
Безотказно спешила душа восполнять,
восстанавливать мир из себя самоё.

Нет в России пустот, позабытых полей,
всё надстроено здесь до великих твердынь.
И на месте пропавшей деревни моей —
синь и золото, Саша, берёзы и синь.

Видно, так и завещано нам выживать
на холодной земле, на пожухлой траве:
извлекать из пустот, в пустоте вышивать
по начертанной Богом незримой канве.

Журавлиная к северу тянется нить,
отступает зима, торжествует весна.
И щедрот иноземных к нам некуда лить,
ибо чаша была и осталась полна.

ГИБЕЛЬ «ТИТАНИКА»

В зыбучую глубину, в бездонную хлябь
уводит сия стезя.
«Не надо строить такой корабль,
и плавать на нём нельзя!»

Но вспомни, как сердце твоё рвалось
и кровь играла смелей:
гигант свободы, стальной колосс,
он сходит со стапелей!

Творенье воли, венец ума,
невиданных сил оплот.
И дрогнет пред ним природа сама,
и время с ума сойдёт.

В далёкую даль, к свободной земле,
связавшись в один союз,
мы тоже шли на таком корабле —
грузин, казах, белорус.

В опасный час на том рубеже
спастись бы хватило сил —
но кто-то чёрный тогда уже
по трюмам нас разделил.

Ты вспомни, как бились мы взаперти —
все те, кто был обречён,
кто вынужден был в пучину уйти,
предсмертный выбросив стон.

Заклятье шло из воды морской,
сдавлившей дверной проём:
«Пусть будет проклят корабль такой!
Зачем мы плыли на нём?!»

Ты вспомни: выжил тот, кто не ныл,
забвения не искал,
кто переборки наспех рубил
и на воду их спускал.

Кто на обломках приплыл к земле
и там из последних сил
своих находил, согрел в тепле
и заново жить учил,

и кто вписал окрепшей рукой
в дневнике потайном:
«Надо строить корабль такой,
и надо плавать на нём!»

